

**Инесса Иванова**

**Институт неблагородных. Тёмные крылья**

## Глава первая. Кривое зеркало

“Ну вот и всё, чудо откладывается до следующего года!”

Ада с трудом протиснулась сквозь толпу галдящих абитуриентов, толкавшихся локтями за право первыми посмотреть список зачисленных. Один из них чуть было не выдернул из её пышной рыжей шевелюры прядь волнистых волос.

“Чтобы выжить, здесь надо быть бой-бабой, а не худосочной селёдкой!” — с раздражением подумала Ада, вырвавшись из толпы.

Несмотря на распахнутые настежь высокие окна духота и июльский зной проникли и сюда, в каменный холл.

Девушка растерянно посмотрела по сторонам и отошла в сторону, встав неподалёку от расположенной в тесной нише белокипенной статуи богини с повязкой на глазах. Та держала весы на вытянутой руке, словно хотела их кому-то продать. Платье гипсовой Фемиды вблизи оказалось покрыто сетью мелких трещин, которые не смогла замаскировать даже свежая краска, густым слоем покрывающая богиню с головы до ног.

— Правосудие дало трещину, — произнесла вслух Ада и судорожно вздохнула, отклонив входящий вызов. Рука с зажатым в ней телефоном вспотела, статуя поплыла перед глазами, щёки обдало жаром — Я ещё вернусь!

Ада резко повернулась, и не оглядываясь, вышла на улицу, всеми силами скрывая расстройство и душившие изнутри слёзы.

В поисках тени девушка прогулялась до соседнего парка, где высокие тополя выстроились как солдаты на плацу, вынужденные держать строй и терпеть любую погоду ради глупого правила, придуманного другими.

— Ада, подождите меня, — окликнул её высокий крепкосбитый немолодой человек в сером костюме в вертикальную полоску. Его тёмная шляпа была украшена синим пером, несколько большим, чтобы это выглядело уместным. По внешнему виду, явно иностранец. Девушка занервничала и огляделась по сторонам, но парк был безлюден: желающих получить солнечный удар, кроме неё, не нашлось.

Мужчина вовсе не стремился прибавить шаг, чтобы поравняться с ожидающей его Адой. Он шёл неторопливо, высокомерно глядя по сторонам, словно это вовсе не он, несколькими секундами ранее окликал девушку.

Ада повернулась, чтобы уйти: прохожие, заблудившиеся в центре города, заставленного указателями, сейчас были не её проблемой, да и здороваться, а после долго объяснять направление этому странному и неприятному господину с широкими плечами не хотелось. Пусть, раз такой гордый, сам разбирается! Правда, он окликнул её по имени, довольно редкому, но, скорее всего, просто послышалось, да и сам чудоковатый иностранец вполне мог оказаться иллюзией: под палящим солнцем ещё не то померещится. Девушка продолжала растерянно стоять посреди широкой замощённой красным булыжником дорожки.

Больше мужчина её не звал, должно быть, свернул на соседнюю аллею. Зато ожил телефон, настоятельно прося ответить. Ада сдалась и нажала зелёную трубку:

— Ну, почему сразу не отвечаешь? — послышался недовольный женский голос. — Только не надо устраивать трагедию!

— С чего ты взяла, что у меня есть повод?

На том конце телефона повисла пауза:

— Неужели поступила?

— Нет, — отрезала Ада и замолчала.

— Ну а зачем так говоришь, будто я сболтнула глупость?

— Мама, давай дома поговорим. А лучше вообще эту тему до следующего года закроем, а?

— Опять ты за своё! Хватит упрямиться! Дался тебе этот юридический! Через три года, как диплом получишь, иди и работай на здоровье!

— А ничего что диплом немного не тот?! — огрызнулась Ада и повернулась, чтобы пойти до

скамейки, но чуть не натолкнулась на мужчину в полосатом костюме. Того самого, что окликнул её несколько минут назад. Девушка отступила на шаг и опасно огляделась по сторонам: парк был безлюден по-прежнему. Мужчина же спокойно стоял рядом и пытливым взглядом чёрных, как уголь глаз изучал Аду. Лицо его покрывал загар того неестественно-насыщенного золотистого оттенка, который для неё всегда был недостижимой мечтой.

“Надо вернуться в универ”, — промелькнула мысль. И тут же пришла новая: “Намекнуть бы маме, чтобы в полицию звонила. Да только поймёт ли? И успеет ли полиция? Главное — трубку не бросать!”

— Мама, я сейчас вернусь в университет и посмотрю, есть ли места на платном. А ты не бросай трубку, может, что подскажешь.

— Опять ты за своё! Мы семьёй решили, что Юрочка поступит туда, потому что ему в армию нельзя, у него с детства плоскостопие, а они всё заладили: первая степень, первая степень... А на юридическом военная кафедра. Ты и так студентка, денег в семье в обрез. Ну, это можно понять?! Не маленькая же...

Мужчина неотступно следовал за девушкой, периодически фыркая и хмыкая, будто всё слышал и ждал, пока эта игра ей наскучит.

— Мама, не бросай трубку! — крикнула Ада, пятясь к выходу, но в телефоне уже слышались короткие гудки.

— Теперь-то можно не бежать? — с насмешкой спросил незнакомец басом. Говорил он без акцента. — Пойдём — присядем. Я вымотался, словно быка на высокую гору закинул.

— Что вам от меня надо? — с вызовом спросила девушка, выпятив подбородок.

— Приглашение у меня для тебя, глупой! Что же ещё?

— Я никуда с вами не пойду!

— А со мной и не надо. Я и сам не хочу, ещё здесь работы хватает, — мужчина окинул Аду с ног до головы высокомерным взглядом.

Девушка не переставала пятиться к выходу, бросая отчаянные взгляды по сторонам. Благородных рыцарей-прохожих всё не было, поэтому Ада, как обычно, решила действовать сама.

— Убирайтесь, слышите? — повысила она голос, нахмурилась и распрямила плечи, чтобы казаться сильнее и выше. — Я в полицию обращусь.

— Ну и дура! Уйду — больше не вернусь, слышишь? И не стать тебе судьёй, да оно может и к лучшему. Для правосудия.

— С чего вы взяли, что я хочу им быть? Много вы обо мне знаете!

— Конечно много! Давайте пройдемся, погода просто чудесная! — незнакомец сделал шаг навстречу и подал руку растерявшейся девушке. Ада жест проигнорировала, но не отстранилась. Незнакомец и впрямь не казался опасным, но лучше быть настороже. В голове мгновенно пронеслись все ужасы, когда-либо услышанные, вспомнились статьи в местной газете про маньяка. — За всеми потенциальными Пришлыми следят. Вы хотите спросить, кто мы такие, так для этого я и здесь. Не надо бояться, мне казалось, вы смелая.

Мужчина улыбнулся Аде, сверкнув глазами.

“Он под наркотиками!” — осенила девушку догадка. — “Поэтому и говорит так странно. Или сектант, фанатик, душевнобольной... Солнце сегодня активное”.

— Я и впрямь могу за себя постоять, — сказала Ада, и когда мужчина, ухмыльнувшись, отвернулся, бросилась бежать по газону, чтобы затеряться между тополей-гигантов и выскочить поближе к дороге. Там и до остановки рукой подать!

Аде казалось, что либо она бежит на месте, либо это какой-то неправильный бесконечный парк, потому как пейзаж вокруг не менялся. Где-то в вышине шумели тополя, словно сговаривались. Дыхание сбилось, мышцы ног свело судорогой, Ада рухнула на ближайшую скамейку, на которую тут же грациозно уселся незнакомец с насмешливым взглядом бездонных глаз, похожих на два омота.

— Настоящая фурия! — довольно произнёс он и откинулся на спинку скамьи, положив ногу на ногу. — Так хочешь на юридический или нет?

Мужчина повернулся к Аде, на секунду ей показалось, что нос и рот слились в массивный клюв, а глаза сделались птичьими. Она моргнула, и иллюзия пропала. “Солнечный удар!” — вздохнула она про себя. Бегать под палящим солнцем сегодня больше не стоило.

— Хочу, — уверенно ответила девушка, ожидая дальнейших расспросов прилипчивого чудака.

— Прекр-расно! Держи билет! — мужчина вытащил из рукава карманное зеркальце в гладкой золотистой оправе. Ада, чтобы не злить его, покорно приняла симпатичную безделицу, машинально взглянув на себя. Зеркало было кривым, искажающим привычный облик, превратив симпатичную молодую мордашку, усеянную веснушками, в бледную вытянутую копию. И глаза удлинились, чуть потемнели, как и у сидящего рядом.

— Мне сегодня везде мерещатся птицы! — вздохнула Ада и посмотрела на то место, где сидел незнакомец, но скамейка была пустой.

— Это и пр-равильно, у нас с вами много общего с пернатыми, — прозвучал бас над головой девушки. Она вскочила, как ужаленная и обернулась. Мужчина приподнял шляпу, выпустив на волю кудрявые пряди синих, как ультрамарин волос. — Я до сих пор, ма вила, не представился: гриффин Хедрик Доден, он же грифон, если говорить о национальности.

— Я никогда раньше не слышала о таком народе, — ответила Ада, склонив голову в знак почтения. От Хедрика веяло силой, и не только физической, к тому же он был галантен и не похож на сумасшедшего или маньяка. А уж тем более на наркомана, промышляющего в поисках очередной дозы. Впрочем, на человека, вращающегося среди юристов — тоже.

— Очень сомневаюсь, уважаемая! О нас здесь слагают легенды! Которые, правда, искажают истину, но между мирами всегда так. Мы вроде химер, но это всё сказки, а правда в том, что встреча со мной сулит человеку раскрытие дремлющих внутри сил. Я приближаю время великой магии... Только не убегайте больше, всё равно догоню! Давайте ближе к делу, — Хедрик опёрся о спинку скамейки. — Я предлагаю вам отправиться на зовущий вас факультет в Дольний мир.

— Куда?

— Ой, опять всё сначала! — мужчина достал из рукава увесистую тетрадь и открыл её на середине. — Вы — Ада Грекова, двадцати одного года, верно? Можете не отвечать. У меня всегда точные сведения. Мать умерла при родах, отца вы не знали, воспитывались в приёмной семье с младенчества.

Ада замерла: откуда этот чудака так много о ней знает? О том, что её взяли из дома Малютки больше двадцати лет назад не в курсе даже соседи!

— И с мужчинами не ладится, верно? — хитро прищурился Хедрик, оторвав взгляд от тетради, незаметно когда, превратившейся в старинную книгу, украшенную разноцветными камнями, сверкающими под лучами солнца всеми цветами радуги.

— Я сплю или получила солнечный удар, и это всё нереально, — предположила Ада, устав искать правдоподобные объяснения увиденному. Поэтому девушка решила просто расслабиться и досмотреть галлюцинацию до конца.

— Глупости, что за упрямство! Просто тебе не место здесь, ты не такая, как все они, — гриффин обвёл рукой ставший оживлённым парк. На соседней скамейке сидела, обнявшись, влюблённая парочка, украдкой поглядывающая на них; девчонка с фиолетовой чёлкой не переставая хихикала, закрыв лицо ладонями, парень, напротив, пытался казаться серьёзным, то и дело поглаживая ёжик соломенных волос. — Не обращайтесь внимания! Вы, конечно, можете отказаться, но своей в этом мире всё равно не станете. Увы, вы не человек, ну, по крайней мере, наполовину.

— А кто ж тогда? Вроде бы внешне вполне себе...

— Не человек. Впрочем, вы сами это поймёте, когда окажитесь в Кломхольме. Или вам объяснит Жилка, куратор курса. И мой вам совет — не доверяйте ей свою честь и совесть. Если они у вас, конечно, сохранились.

Хедрик приподнял шляпу, чуть наклонившись вперёд, и не спеша пошёл прочь, не обращая внимания на насмешливые взгляды прохожих и то, как маленькие дети показывали на него пальцем. Ада прищурилась от яркого солнца, ей показалось, что у грифона вырос хвост, похожий на львиный. Тут-то она и вспомнила, где и в связи с чем слышала название “гриффины”, и бросилась догонять Хедрика.

— Как же мне этим пользоваться? — задыхаясь, прокричала она, протягивая странному Существу зеркало.

— О, вы и этого не знаете? Совсем мракобесие! — не останавливаясь, произнёс Хедрик. — Это билет действителен только сегодня. Ложась спать, посмотрите в него, и суньте под подушку, а пока не заснёте, повторите своё имя наоборот.

— Но ведь моё имя наоборот звучит так же, как и обычно.

— Вот видите, вы уже кое-что поняли, — усмехнулся гриффин и помахал рукой на прощание. — И не бойтесь принять правду о себе. Впрочем, смелости, судя по всему, вам не занимать. Удачи!

Ада застыла с зеркальцем в руке посреди мощёной дорожке из красной брусчатки, не обращая внимания на прохожих, бросающих на странную парочку любопытные взгляды. А когда девушка очнулась от задумчивости, Хедрика поблизости уже не было видно.

Обойдя парк, она нигде не встретила странного, атлетически сложенного, крупного мужчины в идеально сидящем костюме в полоску и тёмной шляпе с синим пером. О том, что встреча с ним была наяву, напоминало только кривое зеркальце в золотистой оправе, по-прежнему зажатое в руке Ады.

Придя домой, Ада поглядывала на безделушку, подаренную грифоном, словно ожидала, что когда она в очередной раз откроет верхний ящик письменного стола, зеркальце исчезнет точно так же, как и Хедрик. Тогда можно будет вздохнуть и забыть о странной встрече и совершенно бредовом разговоре. Но “билет” в другой мир лежал на своём месте, и надо было что-то решать.

На шутку это не похоже, но как поверить в параллельную реальность, где существует факультет, предназначенный для неё и самые настоящие грифоны — мифические полуорлы-полульвы?! Однако Ада собственными глазами видела синие волосы, перо, птичий клюв и львиный хвост!

Промаявшись до вечера, но так и не решив, будет ли она выполнять перед сном указания грифона, девушка вымылась, причесалась и распылила на себя и постель полфлакона любимых духов, будто это был её последний день на Земле. Больше откладывать было нельзя. Да и долго находиться в постели, пахнущей как парфюмерная фабрика, удовольствия не доставляло.

Поколебавшись ещё немного, она решила: в конце концов, может, это розыгрыш, и в парке была скрытая камера? Тогда и вреда от повторений имени на ночь не будет. А если нет? В груди приятно защекотало. Может, Ада будет в том мире принцессой или особой королевских кровей, как рассказывают в старых сказках, читанных в невинном детстве? Девушка усмехнулась, отбросив чушь про Избранных, и достала зеркальце, заботливо уложенное под подушку за полчаса до отхода ко сну. Отражение выглядело странным, но не уродливым, как это обычно бывает, когда смотришься в кривое зеркало. Посмотрев пару секунд, Ада засунула его обратно и, закрыв глаза, стала негромко произносить собственное имя.

Никакого чуда не произошло, спальня не стала больше, стены не придвинулись, угрожая раздавить Аду.

Монотонные звуки погружали в состояние похожее на медитацию, Ада уже не различала в мантре своё имя, ей слышалось, как кто-то рядом радостно повторяет: Да-да-да...

## Глава вторая. Новые правила

Всю ночь Аде снились тяжелые, муторные сны. Пугающая тёмная комната с невидимыми стенами, сплошь завешанная зеркалами: большими, в рост человека, стоящими на подставках, и совсем крошечными, умещающимися в ладони. Маленькие стеклянные бляшки россыпью лежали на старинном комоде, приблизившись к которому, девушка оказалась в круге из овальной стеклянной глади, поверхность которой ничего не отражала. А маленькие зеркала, лежавшие перед ней, превратились в осколки.

Потом свет погас, чтобы тут же ярко вспыхнуть и ослепить, отразившись от десятков серебряных стёкол.

Ада подбежала к одному из них, но оно исчезло, оставив лишь пустую раму, чёрную дыру, манящую заглянуть внутрь, да там и остаться.

Но страх неизведанного удерживал от того, чтобы ступить внутрь гладкой позолоченной рамы. Так происходило каждый раз, вереница зеркал казалась нескончаемой, пока Ада не наткнулась на то самое, положенное под подушку, в которое и заглянула, а всмотревшись в тень за собственной спиной похожую на два небольших крыла, вскрикнула и проснулась.

Открыв глаза в предрассветную темноту, Ада некоторое время лежала, вслушиваясь в тишину и ловя каждый шорох жалюзи, колеблемых ночным ветерком, врывающимся из щели балконной двери, поставленной на проветривание. Но привычного запаха лаванды, распыляемой аромолампой в её спальне больше не ощущалось, да и мерного тиканья часов в гостиной не было слышно.

— Есть здесь кто? — негромко спросил девичий испуганный голос в дальнем конце комнаты.

Ада затаилась и перестала дышать, окончательно проснувшись. В голове роились и толкались десятки вопросов, задать которые вслух было страшно до тошноты. Справа вздохнули и зашевелились:

— Я, — так же испуганно ответил другой голос, более мелодичный, напоминающий позвякивания колокольчиков. Ада ранее не слышала такой речи, похожей на прохладное журчание ручья в летний полдень.

— И я!

— Я тоже здесь! — вздохнули совсем рядом.

Прятаться в толпе женских голосов смысла не было, любопытство взяло вверх.

— Кто вы? — спросила Ада громко, спугнув шорохи и возвратив темноте царившую здесь до этого слепого знакомства тишину. — Меня зовут Ада Грекова.

Рядом захихикали.

— Что смешного?

— Имя твоё. Странное больно, — ответил тоненький женский голосок, продолжая смеяться.

— А тебя как звать, смешливая ты наша? — Ада начала злиться, забыв об осторожности и страхе.

Девушка не успела ответить, потому что возобновившиеся шорохи и перешёптывания прервал громкий низкий голос очередной незнакомки:

— Хватит кривляться! В темноте каждая может вот так хихикать! Давайте лучше поищем светильники или факелы. Кстати, одежду нам дадут?

— А у тебя что, её нет? — спросили насмешливым тоном сзади Ады.

— Язык прикуси, а то найду и вырву! — огрызнулась громогласная девушка. — Я сплю без одежды, чтобы кожа была эластичнее. Но естественно, это поможет не всем. Красота либо есть, либо и сохранять нечего.

— Злая ты! — ответили несколько голосов из разных мест тёмной комнаты.

Ада приподнялась на локтях и огляделась. Занимался рассвет. Глаза, привыкшие к тусклому свету, пробивающемуся из высокого узкого окна под потолком, различили два ряда застеленных тёмными покрывалами железных кроватей, стоящих параллельно друг другу. На каждой, насколько можно было различить, словно экзотический цветок, лежала или сидела девушка с длинными волосами. Большинство растерянно переглядывались и смущённо прикрывали обнажённые плечи.

Некоторые были одеты в лёгкие рубашки, либо совсем простые — с длинными рукавами, либо изящные, похожие на короткие платья, украшенные цветами и жар-птицами, сияющими на тяжёлых тканях в окружающем сумраке. Ада посмотрела на себя: на ней была та же белая пижама с чёрным Пегасом на футболке, в которой она привыкла спать дома.

“Значит, всё это правда”, — поежившись, как от холода, подумала Ада и на всякий случай ущипнула себя за плечо. Она прислушалась к внутренним ощущениям и заметила, что испытывает лишь любопытство и лёгкое возбуждение от происходящего вокруг. Никакой тоски по дому, где всю жизнь чувствуешь себя лишней, особенно после рождения младшего брата.

Продолжало светлеть, словно кто невидимый включал лампочки вверху, а они разгорались всё ярче, пока не перебили свет нового утра. Ада задрала голову, последовав примеру некоторых девушек: высокий потолок в виде конуса светился изнутри. “Башня”, — предположила Ада. — “Царевны в башне”.

Но долго пялиться вверх было сложно: кружилась голова и Ада боялась потерять сознание, да и самое интересное творилось здесь, рядом. Девушки молча осматривали друг друга, одиннадцать соседок совсем не походили одна на другую. Каждая была молода и по-своему привлекательна, на этом их схожесть и заканчивалась. Никто из девушек не задавал вопроса, как они сюда попали, не падал в обморок и не рыдал в голос, поэтому Ада предположила, что каждая находится здесь по своей воле.

— Ну, что вы на меня пялитесь, будто женского тела не видели? — громко и со смешком спросила в дальнем углу та самая девушка, которая оборвала насмешливую соседку Ады, когда та вздумала потешаться над её именем.

Ада подошла к полукругу девушек, столпившихся у крайней к стене койки. На ней, откинувшись назад, на вытянутые руки, и выставив вперёд большую грудь с торчащими розовыми сосками, сидела обнажённая девушка. Длинные гладкие чёрные волосы спускались до середины спины и контрастировали с матово-белой кожей цвета молока. На груди и животе незнакомки красовалась татуировка, изображавшая орла, раскинувшего крылья, доходившие девушке до выпирающих ключиц. Фигура обнажённой девицы была превосходной, однако если приглядеться, можно сказать, что бёдра могли быть уже, а ноги тоньше.

Аде она сразу понравилась: дерзким видом и нахальным взглядом чёрных глаз, пригвоздившим пару высокомерных особ в тяжёлых рубашках-балахонах.

— Меня зовут Ада! — вышла она вперёд, протягивая руку. — Тебе не холодно?

Черноволосая оперлась на предложенную руку и встала, откинув тяжёлые волосы назад.

— А меня — Далида.

Девушки, стоявшие рядом, испуганно отодвинулись, некоторые стыдливо отворачивались, Ада заметила лишь одну из круга, с кожей голубоватого оттенка и фиолетовыми волосами, которая с доброжелательным любопытством смотрела на происходящее. На ней была тонкая сорочка синего цвета, облегающая хрупкую фигуру, как вторая кожа. Однако заметив внимание к себе, девушка смутилась и опустила миндалевидные глаза цвета спелого ореха.

— Давайте знакомится, что ли? — спросила Ада, обводя глазами просторную круглую комнату и остановив взгляд на заинтересовавшей её инопланетянке. — Кто ты?

— Я? — переспросила девушка, тем самым голосом, похожим на журчание воды, и миг сделала испуганные глаза. Через мгновение она тихо добавила: — Селина Визор. Ундина.

Ада чуть не потеряла дар речи, ей так хотелось подойти и дотронуться до новой знакомой, чтобы убедиться, что та не истаёт, как предрассветное видение. Окружающие тоже уставились на морскую деву, отчего та засмутилась ещё больше, щёки русалки чуть заметно порозовели.

— А хвост где потеряла, ундина? — весёлым тоном спросила Далида.

Девушка только собиралась ответить, как раздался хлопок, и в дальней нише открылась замаскированная ранее под белый камень стен, дверь. В комнату стремительным шагом ворвалась высокая статная женщина, одетая в белоснежную хламиду, открывающую круглые колени. В руках женщина держала позолоченную указку.

— Ну что, малышня, уже разобрались, кто есть кто? — золотоволосая откинула волнистые пряди длинных волос и поправила тонкий обруч на голове. Ада встала в первых рядах, следом за ней, ничуть не смутившись собственной наготы, протиснулась Далида. Вошедшая окинула последнюю внимательным взглядом и довольно хмыкнула:

— Какой интересный набор мне достался! Люблю дерзость и молодость, — произнесла она и обратившись ко всем промолвила: — Меня зовут Жилка Фрирр, вы можете обращаться ко мне “соль”, что значит куратор курса, на каком бы факультете вы в итоге не обучались. Думаю, это все запомнили. Остальное — завтра. А сейчас прошу за мной, я распределю вас по временным комнатам, в которых вы проведете ближайшую неделю до выбора факультета. За мной, малышки!

Жилка повернулась спиной к недоумённо переглядывающимся девушкам, но в дверях остановилась вполборота и произнесла с лукавой улыбкой:

— И да, всегда забываю с этого начать: Добро пожаловать в Институт Кломхольм!

— Занятная особа! — произнесла Далида, как только дверь их комнаты закрылась, оставив девушек одних. — А как она проучила гордячку!

Жилка Фрирр вначале решила поиграть в добрую фею и позволила двенадцати новеньким разбиться на пары. Так как они стояли в замешательстве, испуганно поглядывая друг на друга и осматривая ярко освещённый, широкий коридор с бархатной дорожкой цвета дождевых туч, ведущей к широкой лестнице в несколько пролётов, золотоволосая нетерпеливо поиграла указкой и сказала:

— Ну что ж, так я и думала: нам всем нужна твёрдая и любящая рука. Особенно в начале пути.

Обаятельно улыбнувшись, она сделала знак сбившимся в кучу девушкам следовать за ней.

Вопреки ожиданиям Ады, они прошли мимо белоснежной лестницы, свернули направо, туда, где коридор сужался и напоминал гостиничный этаж с рядами расположенных напротив друг друга белых неказистых дверей с табличками. Вместо цифр на них были выведены крупные незнакомые символы.

— Так, ты и ты — сюда, — по-деловому начала распределять девушек Жилка. Указкой она выделяла одну из толпы, и та должна была отойти в сторону. Слово очнувшись от морока, некоторые пытались возразить против выбранной для них куратором соседки, пусть и временной, но все разговоры Соль пресекала грозным взглядом. Он словно пригвождал непокорных к стене и заставлял трепетать в неизведанном ранее страхе. Но очередная молния из глаза кураторши, была предназначена не Аде, а стоящей рядом, расфуфыренной, как королева с богатым приданным, желтоглазой и зеленоволосой девушке:

— Я — из народа измеров, и жить с девой, одетой как...лишайник, не собираюсь, — произнесла она надменным тоном.

Та, к которой относились эти слова, чуть не заплакала. Девушка с волосами мышинового цвета, собранными в толстый пучок на затылке, опустила голову и обняла себя руками, будто хотела закрыть от посторонних глаз свою ночную рубашку, похожую на сеть рыбака.

— О, узнаю злобный дух леса! Впрочем, об этом позже. Не хочешь — живи одна. Я сегодня в хорошем настроении.

Жилка взмахнула указкой в направлении зеленоволосой, и у той мигом исчез рот, словно его стёрли с лица ластиком. Наказанная побледнела и стала ощупывать своё лицо, издавая мычащие звуки. Слезы градом хлынули из её глаз, которые от этого стали нестерпимо яркими, как два изумруда. Аде даже стало жаль её, но стоило посмотреть на Соль, как она, даже не будучи виновной, захотела склониться перед златовласой и лепетать: “А я что? Я ничего...”

— Я думаю, теперь ты вольна жить вполне одиноко. Говорить-то всё равно не можешь!

Жилка повернулась, чтобы отправиться дальше, но онемевшая девушка рухнула ей в ноги и вцепилась в хламиду, умоляя пересмотреть решение. Соль смерила её сомневающимся взглядом и, вздохнув, махнула свободной рукой. Зеленоволосая вмиг обрела прежний вид и, не веря своему счастью, принялась рыдать в голос.

— Ну и хватит! — поморщилась куратор. — Продолжишь так громко плакать — испортишь красоту. И будет очень жаль!

Жилка наклонилась к прощенной девушке и помогла ей встать. Затем собственноручно вытерла той слёзы и ласково потрепала её по щеке, как добрая тётушка нашкодившего по недомыслию карапуза.

— Простите! — пролепетала зеленоволосая и перестала всхлипывать. — И ты — меня!

Она повернулась к девушке, которую оскорбила и смиренно склонила перед ней голову. Та стало



пунцовой и попятилась бы, если б остальные не удержали её на месте.

— Ничего! — произнесла она тихо, со вздохом.

— Надеюсь, вы и впрямь подружитесь! — примирительно произнесла Жилка и широко улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами. — Итак, все стали в круг! Вы только что видели, что я умею. Каждая из вас, Пришлых, тоже обладает магией. Какой — узнаем чуть позже. А сейчас запоминаем первое правило: выполнять всё, что я скажу беспрекословно. Вы двое — занимайте комнату, переодевайтесь в приготовленную вам одежду, а мы отправляемся дальше.

— Подождите, Соль! — произнесла чуть слышно девушка с волосами мышиного цвета.

— Да, малышка! Как тебя зовут?

Все взгляды вновь устремились на неё, Аде казалось, что девушка готова провалиться сквозь землю, но та собралась с духом и спросила громче обычного:

— Калиста, Соль. А вдруг, окажется, что кто-то из нас... совсем обычный?

“Ну, по крайней мере, точно не ты!” — подумала Ада, любуясь её изящными кистями и лодыжками. Стоит мужчине увидеть такую девушку: хрупкую и слабую, словно тростинка, как сразу захочется взять её под опеку. “Поклонников, наверное, немеряно было. Все любят слабых”, — с лёгкой завистью продолжила свою мысль Ада и тут же её устыдилась. Свой характер не выбираешь!

— Я сейчас кое-что вам скажу, — ответила Жилка, обводя девушек лукавым взглядом. — И вы убедитесь в своей исключительности: каждая пришла из другого мира, это ясно, однако, мы легко понимаем друг друга. Правда? Пришлые, в которых живёт магия Илиодора, интуитивно, без всякого обучения говорят на едином языке. Конечно, существуют наречия, но если воля Совета забросит вас в подобные обстоятельства, думаю, ими легко можно овладеть.

В голове у Ады опять теснились вопросы: один другого важнее, но, памятуя о том наказании, свидетелем которого ей пришлось сегодня стать, она смолчала. Видимо, так думали и другие. В воздухе разлилось напряжение невысказанных фраз.

— Нет! — словно почувствовав это, произнесла Соль. — Не всё сразу. А сейчас мы закончим заселение и сможем дать друг другу немного отдыха!

Девушки покорно последовали за куратором. Больше осложнений с распределением по комнатам не было. Ада старалась не думать, кого дадут в соседке ей, решив сдерживать свой язык и вести себя кротко, пока не узнает об этом мире чуть больше. В глубине души, он ей уже нравился, как и их куратор, которую она про себя назвала — ФаСоль. Однако предупреждение Хедрика насчёт этой дамы заставляло быть настороже.

Аду и Далиду распределили предпоследними. Обе девушки обрадовались, узнав, что им предстоит делить комнату. По крайней мере, так сказала её новая соседка. И пока причин ей не доверять у Ады не было. Наоборот, ей нравилась обнажённая, во всех смыслах, натура Далиды.

Следующий день принёс Аде новые вопросы, хотя кое-что прояснилось уже тем же вечером.

Её соседка, Далида Лонс, готова была рассказать землянке о своей прошлой жизни, но лишь после того, как обе облачились в новую одежду, сложенную на кресле возле каждой кровати. Далида придирчиво осматривала нижнее бельё кремового цвета, похожее на то, в котором Ада любила заниматься бодифлексом, и по недоумённому взгляду девушки землянка поняла, что та не знает, как его носить.

Ада терпеливо объяснила Далиде и показала на своём примере, насколько бельё удобное, не забыв продемонстрировать преимущество отсутствия швов на бюстгальтере.

— Похоже на сбрую, — морщась, заключила обнажённая девушка. — Может, они вздумали нас в мулов превратить?.. Пахать на себе я не позволю и это носить не стану!

— Ну, как знаешь! Тогда привыкай помалкивать!

Далида поняла намёк на кураторшу и, сопя и чертыхаясь, всё-таки надела бельё, а после вопросительно взглянула на Аду. Та отошла на шаг и кивнула:

— Прям хоть сейчас для мужского журнала снимай!

— И что это значит? — прищурилась соседка и взглянула на Аду с подозрением и недоверием. — Так это нормально или ты вздумала надо мной смеяться?

— Что ты! Это значит, мужчины бы от твоего вида слюни бы начали пускать!

— Ааа, — протянула Далида и улыбнулась, махнув рукой. — Ты про это... Так и пускают, я ведь — суккуб. Ну, то есть должна была ей стать, если бы не родилась бракованной.

Соседка вздохнула и присела на кровать, свесив голову, облокотившись на колени и переплетя пальцы рук на затылке. Ада осторожно опустилась рядом.

— Ты и вправду — демон?

— Не знаю, кто это. Я родилась в Лемурии, у нас есть суккубы, инкубы, нефелимы, но о дэ-эмонах я не слышала.

— Но ты — суккуб?

— Если бы! — Далида подняла голову и мрачно усмехнулась. — Моя мать была суккуб, и тётка, и бабка, а я — нет. Мужской род не особо западал, а те, кому я нравилась, не подходили мим родителям по разным причинам. Короче, я — брак в семье, поэтому когда хвостатый предложил билет сюда, я обрадовалась. Да и моя семейка, должно быть, тоже.

— Тебе тоже грифон дал кривое зеркало?

Далида кивнула.

— Хорошо — показывай, что дальше надевать, — вздохнула она.

Ада помогла несчастной облачиться в холщовое, до колен платье, такого же цвета, как и бельё. Одежда была на удивление удобной и не стесняла движений, хотя с виду и напоминала униформу работниц ткацкой фабрики “Заря”, на которой много лет назад работала бабушка Ады. Девушка подвела соседку к старинному большому зеркалу в резной раме, стоящему у окна. Придирчиво оглядев себя и новую знакомую с головы до ног, Ада осталось вполне довольна увиденным.

— А вы все там ходите без одежды? — спросила Ада соседку. Было очень интересно послушать о других людях, если можно было так назвать тех, кого перечислила Далида.

— Нет, что ты! — та как раз закончила заплетать косу. Она так ловко это делала, быстро и аккуратно справляясь с густыми прядями, что Аде стало стыдно, поскольку максимум, как она могла сладить со своей копной волос — завязать их в хвост на затылке. — Мы ходим в платьях, иногда обтягивающих и коротких, а порой и в длинных, как вот эти, что на нас.

— А под платьем?

— Тонкая рубашка, открывающая грудь.

— А трусы, лифчики? — не сдавалась Ада. Спать совсем не хотелось. Закрытые туфли, похожие на мягкие мокасины, были такими красивыми и удобными, что Ада не желала их снимать.

— Не понимаю.

— Ну, две полоски ткани, которыми мы закрыли низ живота и грудь.

— Аа, сбруя... Нет, такого, слава Вете, не было.

— А как же месячные?

— Я опять тебя не понимаю, Ада. Говори яснее, не загадками.

— Кровь раз в месяц. Оттуда, — девушка выразительно приподняла бровь.

— У тебя идёт кровь раз в месяц? — Далида округлила и без того большие глаза. — Ты порченная что ли? Это заразно?

Ада только махнула рукой и решила пока прекратить расспросы, чтобы не настроить соседку против себя.

— Давай спать, — настроение у Ады испортилось. Месячные ей и самой не нравились, потому что в первый день цикла жутко болел низ живота, но с ними можно было мириться, понимая, что это — неизбежное зло, как приход осени или трата наличности. А если на белом свете есть красивые женщины, которые несправедливым мирозданием избавлены от женских регул, и впрямь впору почувствовать себя порченной. Впрочем, Далиде тоже в чём-то не повезло, как и остальным. Жизнь вообще несправедлива. Всё существо Ады восставало против этого, но что она могла поделать? Хотя продолжала упрямо верить, что всегда можно изменить судьбу, пусть и в мелочах. А роптать — это последнее дело. Как там говорил Хедрик? Она сможет утолить страсть к справедливости, хотя Ада пока не представляла, каким образом.

Соседка ей нравилась какой-то внутренней свободой, раскованностью и наплевательским отношением к чужому мнению. Может, они неплохо поладят или даже станут подругами?

— Везёт тебе. Я рада, что в твоём мире не знают месячных, — тихонько сказала она, когда девушки улеглись постель. Далида по привычке сняла всю одежду, заявив, что даже куратор не сможет заставить её спать в тряпках.

— А я рада, что меня поселили с тобой. На самом деле, я просто душка. В глубине сущности, — зевнув, произнесла Далида, и через пару секунд Ада услышала её мерное дыхание.

“Что же будет завтра?” — предвкушала девушка, пока её саму не сморил глубокий сон. В эту ночь обошлось без кошмаров.

## Глава третья. Время отбора

— Начнём, все в сборе! — произнесла Жилка Фрирр, дважды пересчитав по головам собравшихся.

Девушки сидели в квадратном зале, потолок которого подпирали массивные колонны. Ада чувствовала себя, словно на собрании секты, настолько помещение напоминало церковь, только вместо алтаря были кафедра и длинный стол из белого камня, похожего на мрамор. По обе его стороны возвышались статуи выше человеческого роста, выглядящие как живые; они изображали женщин, одни из которых смахивали на горгон, а другие — на птицелюдей, и мужчин со змеиными хвостами, державших в руках толстые книги.

Лавки, на которых сидели иномирянки, стояли в несколько рядов, зал был разделён на левую и правую половину широким проходом, ведущим прямо к столу преподавателей, как их окрестила Ада. За трибуной сидели три человека не старше сорока лет. Женщина в белоснежной рубашке, погружённая в собственные мысли, ни на кого не смотрела, но с первого взгляда было понятно, что она здесь главная. Двое мужчин, сидящих по бокам от холодной красавицы, были полными антиподами друг другу, как суровый аскет-учёный и светский фат.

— Разве нас было не двадцать? — спросила Далида, наклонившись к Аде, и одновременно оглядывая заполняющееся людьми помещение.

— С чего ты взяла, что мы — единственный набор? Возможно, каждую ночь прибывает пополнение. А за неделю могло столько Существ притащиться!

Ада счастливо вздохнула. Время в этом мире пролетело для неё как один миг: она успела сдружиться с Далидой и Селеной — застенчивой ундиной с фиолетовыми волосами. С остальными девушка тоже старалась быть доброжелательной.

Вся подготовка к распределению занимала несколько часов в день, в течение которых Ада выполняла различные задания: от выбора скрытых от её глаз предметов, до интуитивного составления зелий. Приходилось опускать руки в чаны с водой ядовито-жёлтого цвета, пересказывать сны, угадывать будущее неизвестных людей на картинах и слышать своё тело. Были и беседования, где она сидела в комнате одна, и разные голоса задавали ей, на первый взгляд, весьма далёкие от магии вопросы. Ада старалась отвечать честно и спокойно, но иногда, казалось, что спрашивающие просто стараются вывести её из равновесия. Особенно, их интересовало: знает ли она своего настоящего отца. Девушка лишь пожимала плечами и качала головой. На очередной распрос, кто дал ей такое имя, она без обиняков отвечала:

— Приёмная мать. Она назвала меня в честь дочери лорда Байрона.

Больше эта тема не поднималась, чему девушка была несказанно рада, хваля себя за верный выбор романтического ответа, содержавшего лишь одну грань правды: Светлана Грекова была информатиком, и всего лишь отдала через приёмную дочь дань восхищения изобретательнице вычислительной машины и создателю первого языка программирования.

Всё остальное время иномирянки были предоставлены сами себе за одним лишь исключением: им ни в коем случае нельзя было выходить за пределы крыла замка, где проживали вновь прибывшие. Окна комнат были всегда зашторены, Аде хотелось посмотреть, что за жизнь течёт за стенами белокаменного замка, но стоило отодвинуть занавесь, как взгляд наткнулся на металлические пики невысокого забора, за которыми до самого горизонта простирался зелёный луг.

И вот сегодня одной тайной станет меньше. Так Ада утешала себя, хотя циничная Далида перед выходом в общий зал мрачно хмыкнула:

— И пятью другими больше!

В глубине души Ада понимала, что подруга права и была благодарна ей за ту неприглядную правду, которой соседка щедро делилась с окружающими.

— Позвольте мне поздравить вас с окончанием недельного испытания, — начала Соль, вызвав мановением указки мёртвую тишину. — Оно было тяжёлым, хоть вы этого могли и не заметить. Сегодня каждая получит метку своего факультета, на котором проведёт ближайшие три года. Разумеется, если подпишет контракт.

Златовласая Жилка, одетая по случаю праздника в длинное белое платье, напоминала счастливую невесту, дожидаящуюся жениха у алтаря. Помолчав, она продолжила:

— Я бы представила вам главу этого академического королевства в стенах замка, но она в состоянии сделать это сама. Пожалуйста, гранда Эмма Минос.

Аде казалось, что она присутствует на собрании в Педагогическом университете, где её угораздило проучиться целых два курса. В подобных случаях, полагалось громко аплодировать, что и принялась машинально делать Ада. Она очнулась, когда поймала на себе недоумённые взгляды присутствующих. На задних рядах захихикали, сидящие впереди оглядывались, чтобы посмотреть, кто посмел шуметь. Девушке захотелось провалиться сквозь землю, она почувствовала, что краснеет. Вначале была призрачная надежда, что в суматохе большинство не поймёт, кто явился причиной веселья, но она быстро завяла, затоптанная явными насмешками будущих сокурсниц.

— Тихо! — негромким твёрдым голосом произнесла Эмма, встав в полный рост. Иномирнянки пристыженно замолчали. Ада с восхищением посмотрела на тонкую талию гранды, затянутую в кожаный корсет. Главная дама напоминала молодую укротительницу диких зверей: одеждой, подходящей для арены цирка, и манерами, выдававшими в ней человека, привыкшего повелевать мягкой рукой в железной перчатке. Такой не захочешь говорить что-либо поперёк, слишком ледяным был её взгляд, плотоядной — улыбка, а блестящие каштановые кудри казались живыми Существами. Аде почудилось, что перед ней живое воплощение Медузы Горгоны: в этом новом мире то, что раньше считалось сказкой невежественных предков, было такой же реальностью, как Интернет — в родной вселенной землянки.

— Я понимаю, что ты не хотела меня обидеть. Полагаю, в твоём мире этот жест означает приветствие, — начала Эмма с лёгкой улыбкой, которая не вызвала у Ады никакого доверия к этой стройной даме без возраста. — Я — ректор Кломхольма, а это мои заместители, с которыми вы встретитесь на занятиях, к какому-бы факультету вас не причислили: Мортигер Сеймур — из рода Магов, прекрасный знаток истории права и нынешних законов Илиодора. Будьте внимательны на его уроках и всё хорошенько запоминайте: путь до Стокла, общественной тюрьмы, совсем не так долог, как мнится иным.

Мужчина, сидящий по правую руку от ректорессы, приподнялся и, приложив руку к груди, поклонился сидящим девушкам. Весь его вид выдавал в нём любителя женщин и дамского угодника, он так и стрелял глазами по первым рядам и довольно улыбался.

— Он здесь точно не ради науки, — мрачно усмехнулась Далида.

— Внешность довольно интересная, — добавила вполголоса Ада. — Думаю, студентки сами перед ним ковром стелются.

Далида презрительно хмыкнула и пожала плечами.

— А это мой второй заместитель — Нардик Стенсен, — продолжила Эмма, когда первый гул голосов затих на задних рядах. — Преподаватель танцев и светской этики. Его уроки пригодятся вам не меньше всех остальных.

Нардик, напротив, выглядел как воплощённая мораль и поборник самой суровой добродетели. Орлиный крючкообразный нос и внимательный взгляд серых глаз контрастировали с его ухоженными, почти женскими руками с идеальным маникюром. Профессор чуть привстал и поторопился сесть на место, словно лишние движения были для него в тягость.

— И этот сухарь будет учить нас танцам! — скептически озвучила Ада свои мысли.

— Мне это вообще всё меньше нравится, — откликнулась Далида. — Зачем нам вообще уметь плясать?!

Словно отвечая на её вопрос, ректор добавила:

— Чуть позже вы всё сами поймёте, а пока дам совет: на первом же балу, который мы, по традиции, даём после распределения, у вас, наверняка, появятся поклонники. Слушайте вашу Соль, и не делайте поспешных шагов, способных погубить Пришлую. С другой стороны, Илиодор уважает любой выбор женщины, но особо чествует замужних дам.

— Ой, — послышался огорчённый голос сзади. Ада обернулась, но ещё до этого по нежному переливу интонаций угадала Селину.

Это и впрямь была ундина, фиолетовые пряди её волос были как обычно заколоты спереди так, чтобы всем стали видны крупные серьги с разноцветными камнями, которыми так любила украшать себя девушка. На её лице явно проступило огорчение, будто она ожидала услышать совсем другое. Ада сдружилась с Селеной, как только услышала историю о её красавице-матери, скрывающей ото всех тайну рождения единственной дочери, непохожей на остальных морских дев даже внешне. Эта история тронула до глубины души, потому что была созвучна с её собственной.

Но, тем не менее, пробить стену молчания, которой окружала себя Селина во всём, что касалось её

страхов и планов на будущее, Аде не удалось. Ундины с удовольствием слушала размышления и споры двух приятельниц и готовно кивала, если была с ними согласна, но стоило им спросить о ней самой, как она замыкалась и только вздыхала. Далида была уверена, что всему виной несчастная любовь морской девы, оставшаяся в том, покинутом ею мире. И сейчас, увидев выражение лица ундины, Ада впервые мысленно согласилась с соседкой.

— В этом году Пришлых ровно восемьдесят. Восемьдесят девушек, красивых и талантливых. Я желаю каждой из вас найти своё место в Дольнем мире и конкретно в Илиодоре.

Ректоресса с холодной улыбкой села на место и снова приняла отрешённый вид. Жилка, будто только этого и ждала и немедленно приступила к отбору, казалось, предстоящая процедура вызывает в ней трепет и пробуждает любопытство. Жилка молча подошла к первому ряду и попросила девушек вытянуть левую руку вперёд ладонью вверх. Аде не было видно, что происходит дальше: вставать с мест без разрешения правилами не позволялось. Девушки сидящие впереди поочередно вскрикивали и тёрли свои предплечья, недоумённо их рассматривая. Зал хранил молчание, весь обратившись в слух. Только ректоресса и два её заместителя, казалось, не проявляли никакого волнения, будто происходящее — из тех случаев, которые повторяются из года в год, переставая быть чудом.

Соль проходила между рядами и, едва касаясь позолоченной указкой нежной девичьей кожи, отправлялась дальше. Зал начал гудеть, как растревоженный улей. Рука болела и ужасно чесалась, будто внутри находилось что-то живое, прогрызающее себе путь наружу. Ада посмотрела на Далиду, делающую вид, что её это ни капельки не беспокоит, но было заметно, как она морщится от боли. А потом девушка увидела и знаки, похожие на тёмные крылья, раскрывающиеся на предплечье соседки. Рисунок проступал всё чётче, уже было отчётливо заметно каждое перо, словно он готовился ожить. Подруги уставились на татуировку, затаив дыхание, будто боялись спугнуть магию.

— Как красиво, — произнесла первой Ада, прижимая нывшее предплечье к груди. — И очень подходит к твоей тату. Ну, той, что на груди.

— Покажи, что у тебя!

Ада колебалась. Ей не хотелось показаться трусливой и нерешительной, но сейчас и вправду было страшно: вдруг, её рисунок далеко не так привлекателен?

— Давай же!

Ада выпрямила руку и, увидев точно такую же красивую метку, чуть не расплакалась от радости.

— Мы теперь вроде как одной крови, — заявила Далида с довольным видом.

— А у других что?

Подруга пожала плечами. Ада и сама чувствовала скованность во всём теле, заставляющую сидеть прямо.

Скосив глаза влево, Ада увидела, что зеленоволосая Мара, которую в первый же день показательно наказала Соль, рассматривает на своей руке метку в виде раскидистого дуба.

Тем временем Жилка закончила странную процедуру, которую Ада уже окрестила про себя — “клеймение”, и вернулась на трибуну, ожидая пока гул утихнет.

Девушки замерли и приготовились слушать.

— А сейчас вы узнаете, какой факультет станет вашим домом на ближайшие три года, — произнесла Соль и взмахнула указкой. В воздухе появился рисунок волн, сотканный из синей пыли: ширясь и разрастаясь, он завис над залом, вызвав вздох восхищения, пронёсшийся по рядам и затихнувший где-то сзади.

— Факультет Сирен приветствует своих новых учениц, — произнесла Эмма, встав из-за трибуны и выйдя вперёд. — Идите сюда, не бойтесь.

Девушки потянулись к ректорессе: сначала робко и несмело выходили первые, за ними торопились и прочие, боясь отстать. Всего вышло семеро, в числе которых была и Селена, поднявшаяся с места с таким видом, будто её символ — какая-то ошибка, которую вот-вот обнаружат. Стоило последней девушке ступить на возвышение, как рисунок распался, окутав их облаком переливающейся голубой пыли.

— За вон той дверью вас уже ждут, — произнесла Соль, показав на неприметный выход сбоку от трибуны, когда новые сирены перестали повизгивать и успокоились. Эмма кивнула, её белоснежная

рубашка совсем не пострадала от голубой пылицы, которая сияла на коже и одежде избранных. Ада машинально подумала о том, как это здорово, что законы физики работают здесь немного иначе, и больше нет нужды отвлекаться на такие досадные дела как стирка и уборка.

Настала очередь нового символа: в этот раз им было раскидистое дерево, вырвавшееся из указки Эммы.

— Дриады — воистину, современные богини, умеющие любить всем своим существом.

Эта группа была многочисленна. Ада насчитала двадцать три иномирянки, в числе которых была Мара и та, кого она обидела в свой первый день здесь: тихая, но, как оказалось, талантливая рассказчица Калиста, истории которой настолько чудесны и наполнены необъяснимой прелестью, что вопреки здравому смыслу, им хотелось верить и знать, что где-то есть вечная любовь и преданная дружба.

За ними последовали Саламандры — девушки с волосами, цветом похожими на снег или серый пепел, семнадцать фейри объединились под знаком бабочки с разноцветными крыльями. Зал пустел, и Аду охватило беспокойство: неспроста её оставили напоследок, Далида тоже нахмурилась.

— Ламии, — произнесла Жилка с торжественным видом, будто это непонятное слово означало нечто особенное. Ада, стараясь не думать о тревоге, кусающей за сердце, рассматривала красавиц с чуть раскосыми глазами, символом этой девятки была змея с извивающимся телом в виде трех колец. — Заклинательницы крови.

— Теперь, наверно, и нас позовут! — прошептала Далида, покусывая ногти. Ада оглянулась: осталось одиннадцать претенденток, которые пока не принадлежали ни к одному факультету. Оставшиеся старались держаться независимо и гордо, словно происходящее их совсем не касалось.

“Неужели и у меня такое же высокомерное выражение лица?” — подумала Ада, глядя на девушку, сидевшую на два ряда позади них. Темноволосая, с высокими скулами, она напоминала неприступную азиатскую принцессу, сошедшую с разворота глянцевого журнала о средневековой Японии.

— А теперь, особенный факультет, — произнесла Эмма, переглянувшись с Соль. — Гарпии.

Из двух указок вырвались языки пламени, схлестнувшиеся в воздухе и образовавшие символ — Тёмные Крылья.

## Глава четвёртая. Первые уроки

— Вот собственно и всё, что вам сейчас надо знать, мои новые ученицы! — Келисия, декан факультета Гарпий, отошла к окну и стала вполоборота, открыв всем предмет своей гордости — длинные ноги, казавшиеся безупречными. — Осталось только подписать.

Ада посмотрела на бумагу, похожую на современный папирус и снова перечитала контракт, призванный связать её с университетом на три года. Её права, прописанные гораздо скуднее обязательств, смущали чуть ли не больше последних.

— Что вас так тревожит? — спросила декан, неслышно подойдя к Аде и встав за её спиной. — Адаманта, верно?

— Ада, госпожа, — машинально проговорила девушка, не смея поднять глаза на красавицу, от которой пахло цветами.

Келисия была живым цветком, предпочитая алый и золотой всему прочему многообразию оттенков. Красные розы, воткнутые по бокам в головной убор, напоминающий остроконечный золотой ободок, никак не вязались в сознании Ады с тем, что она читала о полуженщинах-полуптицах в мифах Древней Греции. Да и наряд декана был более чем откровенным для учебного заведения. С его пышными чёрными рукавами, сужающимися книзу, золотым металлическим корсетом, похожим на доспехи, глубоким декольте, костюм Келисии больше подходил дорогой куртизанке, чем преподавателю ВУЗа. Золотой чокер с алым сердечком довершал намёк на вольные нравы хозяйки.

— Меня надо называть не так, вила Адаманта. Забудь обо всём, что ты знала прежде. Вы все должны обращаться ко мне по имени.

Ада склонила голову.

— И всё же ты не ответила на мой вопрос. Первая заповедь факультета — мы все одного вида, и пока вы не вышли замуж и не перешли в стан мужа, вы должны считать нас своей семьёй, от которой не может и не должно быть больших секретов.

— Кел-лисия, — Ада поднялась со скамьи и взглянула в светло-коричневые глаза декана. Если бы та не сказала ранее о своём возрасте, перешедшим грань в полвека, Ада решила бы, что они принадлежат молодой девушке, только что вышедшей в свет и мечтающей о сказочной любви, которая вот-вот станет явью. — Я немного не поняла второй пункт.

— Давай посмотрим вместе. Ааа... Если вы выйдете замуж до окончания Кломхольма, то автоматически исключаетесь из института. Видите ли, мы воспитываем будущих правоохранителей и судебных советников, а у замужней — совсем иные заботы.

— Но это нечестно! — вырвалось у Ады, продолжавшей стоять. Далида делала ей знаки замолчать и сесть на место, но девушка предпочитала их игнорировать.

Келисия резко обернулась: красная накидка перекинута через плечи задела сидящих по обе стороны прохода. Декан улыбнулась смущённой улыбкой юной девушки и посмотрела оценивающим взглядом на Аду:

— Узнаю сестру. Справедливость — основа мироощущения любой гарпии, вот только научиться отделять правильное умозаключение от только кажущегося таковым — этому ещё предстоит научиться всем вам. Твой вопрос, Адаманта, относится к теме будущих уроков, которые начнутся сразу после первого бала.

— Расскажите нам о нём, — слышались робкие голоса со всех сторон.

— Сначала — дело. Помните: любая подпись, поставленная гарпией, не может быть отменена ни при каких обстоятельствах! Вы — воплощённое право.

— А что будет с теми, кто не подпишет? — задумчиво спросила азиатская принцесса, на которую при распределении засмотрелась Ада. Вопрошающая и сейчас держалась особняком, полная достоинства и холёной красоты, девушка явно знала себе цену и не собиралась продаваться задёшево.

Келисия обернулась и неслышно, словно пантера перед броском, подошла к сидящей на заднем ряду девушке с замысловатой высокой причёской.

— Остелия, я рада, что мы украли вас из вашего унылого болота.

— Я была наследницей рода и собиралась выйти замуж, — спокойно ответила девушка, продолжая сидеть. Она мельком взглянула на декана и уставилась в пустоту перед собой, словно Келисия была



очередной просительницей, домогающейся щедрот властительницы.

— Ты родилась прежде всего гарпией и даже будучи в изначальном мире осталась бы ей, только нераскрытой, — мягко начала декан, повернув голову девушки лицом к себе. Красные ногти впились в белую кожу, но лицо Остелии осталось спокойным. — Постепенно ты бы стала сварливой, ревнивой душой, которой пренебрёг бы даже последний воин в армии твоего сиятельного мужа, рассказывающего в кругу себе подобных о твоих причудах и странностях. А потом тебя бы заменили на новую: покладистую и понятную, а наследницу ждал бы религиозный замок или больница для сумасшедших.

Калисия отпустила лицо Остелии, сделавшееся бледным, раскосые глаза иномирянки наполнились ненавистью и сдерживаемой яростью. Декан поцеловала девушку в лоб, оставив на нём алый след помады, словно метку, печать новой жизни.

— Это касается и всех остальных. Если вы думаете, что потеряли возможности, счастье или достижения, то смею заверить: заблуждаетесь. Дольний мир — ваша Отчизна по призванию. Ещё стоило бы поспорить, где вы иномирянки: здесь или там, где родились. Ничто не бывает случайным, даже если кажется таковым.

— То есть, мы рождены для того, чтобы стать гарпиями? — задумчиво произнесла Далида, наморщив лоб.

— Вы рождены гарпиями. Это гораздо больше, чем просто завлекаловка для мужчин. Думаю, ты понимаешь, о чём я, — с улыбкой произнесла декан и вышла вперёд так, чтобы её видели и слышали все сидящие. — Тем не менее, решать надо сейчас. Либо вы подписываете и становитесь на три года нашими воспитанницами, либо отправляетесь назад.

Декан пожала плечами и обвела взглядом каждую из одиннадцати. Ада заметила, как она сдерживала ехидную улыбку, от которой у девушки поползли по спине мурашки. Ада почувствовала, что это проверка на прочность и стоит кому-то дать слабину, как последует наказание. Девушка была уверена, что Калисия с нетерпением ждёт, пока кто-то попадётся в расставленные сети. Ада боялась, что это будет свободолюбивая Далида, не приемлющая ограничений и запретов, но подруга смолчала и первой поставила подпись под своим договором, приложив руку со знаком гарпии к шершавому холодному пергаменту.

Ада с облегчением поспешила сделать тоже самое. Вслед за ней подписали и остальные. Остелия колебалась, что отражалось на её ухоженном лице, но в конце концов, она вся будто сникла и сдалась.

Декан выдержала паузу и произнесла с искренней улыбкой:

— Вы даже не представляете себе, как я вами горжусь!

— А что было бы с той, кто отказалась? — не сдержалась Ада.

— Ничего страшного, — спокойно ответила Калисия. — Ей бы просто пришлось заново отвоёвывать право жить там. После переноса, память об иномирянке стирается из скрижалей истории прошлого мира. Такой девушки там будто никогда и не было.

Стоило Аде поставить подпись под контрактом, навсегда избавившись от любых сомнений насчёт своего места в Дольном мире, как она почувствовала, словно груз, давивший на плечи, внезапно исчез, стало легче дышать и привольнее жить.

Уже прошло несколько дней, как девушки приступили к занятиям, проходившим на втором этаже. Замок оказался магическим во всех смыслах: внешне он выглядел небольшим и невысоким, похожим на гостиницу в средневековом стиле. Внутри же институт был огромным, стоящим из бесконечных анфилад учебных комнат, выйдя из которых, всякий раз оказываешься совсем в другой части замка.

Учащиеся разных факультетов практически не пересекались друг с другом, разве что на смежных занятиях. В частности, “Магии виновных”, с которой и началось обучение гарпий. Преподавателем оказалась высокая женщина с длинными ухоженными седыми волосами. Персилия Лира, как она представилась группе, состоящей из гарпий и ламий, сохранила былую красоту, которую не портили даже многочисленные морщины, избородившие лоб. Ада с завистью посмотрела на её ладную фигуру без капли жира, серебристый комбинезон сидел на преподавательнице как влитой, будто она родилась в нём.

— Вам наговорят обо мне всякого, в основном, неправду, поэтому я поспешу сама представиться, чтобы быстрее ввести в курс дела, — начала она свою речь вместо приветствия. — Я — бывший

ректор Кломхельма, посветившая ему свою жизнь и умения. Мой предмет имеет к последним самое прямое отношение. Итак, для чего он гарпиям — понятно, они стоят на стаже правосудия, но и ламиям это будет небезынтересно, поскольку, если вы выберете профессию, а не замужество, то найдёте себе достойное вашего племени занятие.

— Ага, кровопийцы-палача, — засмеялись на задних рядах.

Ада и Далида, сидевшие рядом, обернулись. Ламии, державшиеся вместе, дружно зашипели на веселую сокурсницу с блестящими чёрными волосами и не думавшую скрывать, что последняя фраза принадлежала ей.

Персилия, перепрыгивая через ступеньки, ведущие к последнему ряду, быстро прошла назад и ухватила сказавшую за ухо.

— Что там у нас, насмешка?

— Ай, — вскрикнула девушка, из глаз которой брызнули слёзы.

— Не смейся над сёстрами! За вас это сделают представители Истинных рас, как они себя гордо величают.

— Простите меня, — причитала темнокожая девушка, приложив руку к уху, как только его отпустила Персилия.

— А ну, иди за мной, смешливая!

Персилия быстро спустилась вниз, будто за её спиной и впрямь выросли крылья.

— Давай, гарпия не может быть медлительной! Сейчас я продемонстрирую вам один нехитрый приём, освоив который можно быстро узнать, сказал ли вам мужчина комплимент искренне или как обычно нагло соврал.

Трибуны оживились и через мгновенье затихли, обратившись в слух. Никто из девятнадцати сидящих девушек не произнёс ни звука.

Персилия подошла к темнокожей девушке, которая вся сжалась под её взглядом и смотрела на преподавательницу, как кролик на приближающегося удава.

— Обними меня за талию, будто мы танцуем.

Жертва подчинилась, Ада даже с четвёртого ряда видела, как дрожали руки одногруппницы, когда она соединила ладонь с длинными пальцами Персилии.

— Кофе с молоком, — залюбовавшись несмело кружащейся в медленном вальсе парой, произнесла Ада. Несмотря на отсутствие ветра в аудитории, волосы Персилии были всё время в движении, словно парус от лёгкого бриза.

— Что это ты там говоришь? — прошептала в ответ Далида. — Не мешай, сейчас должно быть самое интересное.

Ада снова посмотрела на вальсирующих.

— Скажи мне что-нибудь неискреннее!

— Я ... Не знаю что, — пролепетала девушка, сбившись с ритма и начав путать, с какой ноги делать поворот.

— Ну, — протянула Персилия. — Этак тебя второй раз точно не пригласят! Слушай своё тело, доверься ему и улыбайся. Танец у каждой в крови, особенно, призванный понравиться мужчине. Ладно, перейдём к делу. Говори же!

— Вы очень добры.

— О, здесь и определять не нужно, по тону слышно, — засмеялась Персилия, а вместе с ней и девять ламий. — Ладно, остановись.

Девушка встала как вкопанная, отчего чуть не упала на преподавательницу, отошедшую на шаг назад.

— Смотрите, — строго произнесла та. — Кладёте руку на жилу собеседника или собеседницы и представляете кровь, текущую под вашими пальцами. Почувствуете толчок — вам сказали правду. Понятно? А теперь — разбейтесь на пары и попробуйте сами. У вас две минуты.

Персилия указала на круглый циферблат, висящий под потолком над креслом преподавателя.

Ада с Далидой оказались хорошей командой и здесь. У обеих получалось весьма неплохо, за что они удостоились благосклонного взгляда, прохаживающейся между парами Персилии.

— Стоп! — хлопнула она в ладоши, и пары распались. — Меняемся партнёрами.

На этот раз Ада встала в пару с невысокой девушкой со вздёрнутым носиком, придающим её лицу задорное выражение. Девушку звали Рестрика. Как и все ламии, она обладала врождённой грацией, Ада по сравнению с ней чувствовала себя деревянной, хотя минутой ранее, она открыла в себе природную страсть к вальсу.

— Вы с Далидой когда пойдёте выбирать платье? — неожиданно спросила партнёрша, стоило им начать танец.

— Что? — Ада не поняла вопроса.

— Что слышала. Девчонки со второго курса сказали, что завтра-послезавтра нас свозят в магазины бального платья. Всех разобьют на три потока. Когда вы поедете?

— А тебе-то что?

— Видала, как на твоей подруге сидит эта безликая форма? Хочу попасть в ваш поток. Вы мне поможете выбрать наряд, делающий меня неотразимой, а я расскажу вам кое-что об Истинных расах. Мы будем охотиться на них через пять дней. Или они на нас, — девушка вздохнула. — Первое впечатление очень важно.

Ада сжала запястье Рестрики и ощутила под пальцами чуть заметный толчок, который наполнил её радостью победы. Девушка говорила правду. Аде не терпелось поделиться новостью с подругой, но надо было дождаться окончания урока.

Персилия выстроила учениц в одну шеренгу и каждой дала краткое напутствие. Она потрепала Далиду по щеке и улыбнулась. Аде просто кивнула и прошла мимо. Девушка была рада за подругу, но пообещала себе, что станет лучшей студенткой. Зачем ей всё это нужно, она точно не представляла, как и того, что происходит за пределами стен института, но ей так не терпелось попасть на первый в жизни настоящий бал!

Здесь всё должно быть по другому, как в тех романах о викторианской эпохе, где дамы носили пышные платья, а джентльмены были благородны и учтивы, где жила истинная любовь, о которой мечтает каждая девушка в двадцать один год. Жизнь представлялась Аде нескончаемой чередой красочных событий с непременно счастливым финалом. Каким конкретно — Ада не понимала, но уже то, что она получит профессию и, возможно, найдёт достойного мужчину, который будет принадлежать только ей и уважать в своей второй половине личность, стремление сделать мир справедливее, уже замечательно. А самое главное — она чувствовала, что важна для института и этого мира так же, как и он для неё. Ада и другие пришли сюда не просто так!

— Вот именно, — мрачно заключила Далида, выслушав размышления подруги, когда они вернулись в комнату. — Как бы мы не оказались “мясом”!

— Ты имеешь в виду, что нас используют? Но это справедливо: кому многое дано, с того многое и спросится.

— Я не хочу замуж, — вздохнула девушка и уселась на кровать.

— Почему? Может, тебе кто-то понравится. Мы молоды, красивы, будем образованны. А не захочешь — так живи в своё удовольствие. Вон, декан и Персилия не замужем...

— Ага, конечно. А бал для чего? Думаешь, нас развлекать? Присматриваться будут. Всё уже порешили.

— А почему ты не хочешь замуж?

— Я... просто не хочу. Вообще ничего, связанного с отношениями.

— У тебя был неудачный опыт? У меня тоже, даже не один раз. Ничего, здесь всё будет по-другому, я так чувствую.

— Неважно, — Далида откинулась на подушку и улыбнулась. — Но за платьем пойду. Эта роба мне уже порядком надоела.

## Глава пятая. Платья, которые нас выбирают

Жилка Фрирр была сегодня ещё более оживлённой и радостной, чем обычно. Она собрала всех отправляющихся по магазинам в большом и светлом холле замка, на потолке которого висела позолоченная люстра, слишком маленькая, чтобы осветить каждый уголок, но подруга рассказала Аде то, что узнала от других девушек: всё это для красоты, свет же исходит из самого потолка. Многие в замке были ненастоящим, только для видимости.

— Так, вас тридцать, а я — одна, поэтому будьте добры — не теряйтесь в городе, — произнесла куратор, пересчитав девушек. Ада решила позже спросить мнение подруги: у Соль и впрямь всего одна белоснежная хламида, которую тщательно выстирывают големы — слуги из голубой глины, оживлённые с помощью магии, или целый шкаф одинаковых нарядов?

— А на чём мы поедем?

— А что делать, если потеряешься?

— У нас и денег нет, — неслись вопросы с разных сторон.

Ада понимала растерянность, царившую в их стихийно собранной группе, куда включили девушек из разных факультетов по принципу “с кем из друзей хочешь поехать?” Девушка уговорила Далиду проситься в первый эшелон.

— А то все лучшие платья разберут! — был её главный аргумент, и подруга сдалась.

И вот они с Рестрикой и Селиной держались вместе, чтобы не потеряться в толпе. Сирена по-прежнему робела и испытывала неприязнь к большим скоплениям народа. Ада понимала, что поездка в магазин, где должно быть, снуёт масса народу, была для неё мукой и пыталась разрядить возникшее напряжение, не упуская Селену из виду и вовлекая девушку в общий разговор.

— Так, вопросы позже. Наш экипаж уже прибыл, усаживаемся, я постараюсь кратко рассказать обо всём, что вам сейчас надо знать, — Жилка перестала улыбаться и сурово посмотрела на воспитанниц. — Быстро, последнюю накажу.

Девушки поспешили выйти во двор, лишь бы успеть сесть в экипаж первыми. Ранее они ещё никуда не выезжали и теперь всем не терпелось увидеть магазины и выбрать самое красивое платье для самого первого в их новой жизни бала. Ада подозревала, что каждая из них, в глубине души, надеялась встретить здесь суженого, хотя откуда им взяться в таком количестве, а главное — зачем таинственным Истинным расам иномирянки она не представляла и даже не хотела об этом думать. Особенно о том, как выглядят коренные жители Илиодора. Вдруг, кентавры? Попахивает зоофилией, а Ада Грекова хоть и любила секс и эксперименты, некоторые грани переступать была не намерена.

— Сейчас мы окажемся хуже всех! — возвратила девушку из страны эротических грёз в сегодняшний день Далида и потянула подругу к выходу, сердито цыкнув Селине, чтобы та не отставала. Сирена проявила удивительную ловкость и смогла протиснуться сквозь толпу возбуждённых девушек к выходу, следом прокладывая себе путь Далида, увлекая Аду за руку.

— Ну ты и молодец, бесхвостая! — начало было соседка Ады, но осеклась, проследив за рукой Селины, указывающей на длинный экипаж, похожий на лимузин, в который цугом были запряжены три крылатых тонконогих коня, переминающихся с ноги на ногу и нетерпеливо фыркающих.

— Они с крыльями! — протянула Селена, прижав руки к груди, да так и застыв на месте. Её глаза увлажнились, а кожа стала почти прозрачно-голубой.

— Пегасы, — машинально сказала Ада, вспоминая, как маленькой девочкой рисовала в альбоме подобных коняшек, непременно чёрного и красного цвета. А сейчас они стояли перед притихшей группой, такие сильные и гордые, и косили правым глазом на иномирянок, словно перед ними были аборигены с острова Тумба-Юмба.

— Проходим, ногокрылые не кусаются, — нарушила молчание Соль и подтолкнула воспитанниц к открытым дверям серебристого как лёд экипажа. Внутри было комфортно, притихшие девушки уселись на деревянные лавки, стоящие в два ряда друг напротив друга. Мадам Фрирр устроилась на отдельном сидении, походившем на ледяной трон. В этой обстановке её белая хламида и золотистые волосы, рассыпанные крупными кудрями по плечам и по спине, делали Соль похожей на Снежную королеву.

— Мы прибудем через полчаса, — начала она говорить, как только закрытый экипаж мягко тронулся с места. — Не перебивайте, пока я вам не позволю!

Одна из ламий под пристальным взглядом наставницы покраснела и опустила голову, метнув быстрый взгляд исподлобья на соседок.

— В том магазине, куда мы едем, платья вы можете выбрать любые — это подарок Кломхольма. Но я специально не буду вам ничего подсказывать относительно предпочтения Истинных рас. Так сказать, для чистоты выбора.

Экипаж слегка накренился и тут же выровнялся, ощущение твёрдой земли под ногами пропало. Это напоминало Аде полёт на самолёте, поэтому паника быстро оставила девушку, чего нельзя было сказать об остальных. Если бы не строгие взгляды Жилки, сидевшей неподвижно, с идеально прямой спиной, большинство бы, вероятно, начало визжать от страха и удовольствия.

— На всё у вас не больше пятнадцати минут, а после возвращаемся. Каждая получит по два урока танцев с самим Нардиком Стенсоном. И, конечно, инициация.

— Инициация? — переспросила Ада, не обращая внимания на жесты Далиды, призывающие помалкивать.

— Не можем же мы подsunуть благородным нераскрытых Пришлых! Вот так, Адалинда, тебе и прочим предстоит стать настоящими гарпиями или ламиями. А иным — Сиренами, — Жилка повернулась к Селене и ободряюще улыбнулась. — Это просто и совсем не больно. Почти. Ну, так говорят.

— А что будет с теми, кто не пройдёт?

— Восхищена твоим вопросом. Впрочем, Гарпии всегда дотошны и смотрят в суть проблемы. Всё просто: нет инициации — нет Пришлой. Не способные раскрыться отправятся назад.

Жилка обаятельно улыбнулась Аде, будто сказала комплимент.

— А это? — спрашивала Ада в пятый раз, примеряя очередное платье.

— Не то, — безапелляционно отвечала Далида и скептически хмыкала.

— Попробуй синее, — вставила Селена.

— Ты всегда говоришь синее или голубое! У вас что там, дома, других цветов не было?!

— Не сердись, пожалуйста, Далида, — пролепетала сирена. — Просто эти самые выразительные. Как эмоции, как музыка...

— Всё-всё, понятно.

Вполуха слушая перепалку подруг, Ада и сама понимала, что тёмно-зелёное платье оттеняющее её белую кожу и придающее девушку усталый вид, не подходит. Ада чувствовала сердцем и не могла отделаться от ощущения, что это очень важно: как она будет выглядеть на первом балу. И как назло, всё, что девушка примерила, ей не нравилось.

Ада переоделась в свою форму и вышла в общий зал с намерением схватить первое попавшееся и больше не мучить себя, придирчиво разглядывая отражение, тем более время, отпущенное Соль, истекало.

— Я обойду всё по-быстрому ещё разок и что-нибудь да нарою, — бросила девушка спутницам и, не дав им возразить, отправилась вглубь лавки, лавируя между белокаменными манекенами, на которых было надето готовое платье.

Магазин вызывал в ней безосновательное, но такое глубокое чувство страха, что статуи в любой момент могли ожить или словно в дальнем углу лавки, там, куда не проникал свет, таилась ненависть, смотрящая на девушек из глубины подсобки. По словам Соль там были свалены в кучу и разодраны на тряпки никем не выбранные платья, ставшие ненужными и неинтересными, стоило им перестать быть новыми. Та же участь вскоре постигнет и это великолепие, развешанное по украшенным витринам и разложенное по бархатным подушкам на диванах с позолоченными ножками.

— Чем вам помочь, вила? — подошла к Аде хозяйка лавки, представленная Жилкой как феяри Виванна. — И вашим подругам, я смотрю, тоже требуется помощь.

Лёгкий голубой наряд, состоящий из полупрозрачной ткани, окутавшей тонкую фигуру феяри, казалось был живым облаком, охраняющим Виванну от назойливых глаз так хорошо, что Ада так и не поняла, как она выглядит.

— Вовсе нет, — ответила девушка, сама удивляясь неприязни, которая вызывала невысокая дама с вкрадчивым голосом. — Но спасибо за предложение.

— От которого в моей лавке не принято оказываться.

Аду удивил напор и настойчивость эфирного создания, призванного, по её разумению, порхать с цветка на цветок и пить нектар, пьянея от ароматов майского луга, обласканного первым солнцем, и она предпочла вежливо улыбнуться, соображая как бы поскорее отделаться от хозяйки магазина готового платья.

— Вот и умница! Пойдём — познакомишь с подругами.

Виванна с необыкновенной для тонких пальцев цепкостью и силой взяла Аду под локоть и потащила к примерочным. Длинные ногти впивались в кожу, словно когти хищника, волокущего пойманную и тут же немного придушенную жертву на обед к детёнышам.

— С сиреной познакомь, — услышала Ада шёпот, и феяри тут же громко произнесла: — Я с радостью помогу вам и остальным. Так, с чем мы имеем дело?

Виванна придиричливо оглядела Селену с ног до головы и удовлетворённо кивнула, будто осталась довольна увиденным.

— Кто ты, вила?

— Сирена, — медленно, словно сама не верила в произносимое, ответила Селена, но не улыбнулась в ответ назойливой продавщице.

— Я так и подумала. Хрупкость ты, верно, взяла от матери, а вот нрав... явно не водный. Ну, я совсем не обидчива, — произнесла Виванна тоном, который означал только одно: "Я обидчива до крайности". — Пойдём, у меня для тебя что-то особенное.

— Но время кончается.

— С Жилкой я всё улажу, не беспокойся.

Фейри схватила Селену за руку и попробовала увлечь за собой, но Селена вдруг проявила характер и заупрямилась, с сисой, которую Ада и не подозревала в ней, девушка отдернула руку, получив глубокую царапину — след когтей Виванны. Вместо крови на нежной коже сирены выступила голубоватая жидкость, которая тут же высохла, запечатав повреждение полупрозрачной плёнкой.

— Не тащите меня. Я без подруг никуда не пойду!

Виванна остановилась в нерешительности и даже высунулась из платья-облака, показав всем яркосиние глазки-бусинки и длинный нос. Феяри окинула взглядом всех троих и подошедшую ближе Рестрику, а потом, издав звук, похожий на хмыканье, махнула рукой и рассмеялась хрустальным переливом.

— Ладно. Но только четверо! И ни одной больше!

Она поманила девушек вглубь подсобки, туда, где жила темнота и, не оглядываясь более, уверенной лёгкой походкой прошла в указанном направлении. Решимость покинула Селену, и она снова посмотрела на подруг вопрошающим взглядом.

— Что это она к нам пристала? — спросила Далида у Ады.

Та пожала плечами:

— Хотела с Селеной познакомиться.

— О, а ты оказывается знаменитость! — проговорила Рестрика, впервые с интересом взглянув на сирену. — Всё это явно не просто так.

— Она меня с кем-о спутала. Может, не пойдём?..

— Вот ещё, — упрямо ответила Ада. — Я сюда приехала за приличным платьем, как и вы все. А эта длинноногая феяри явно хочет нам помочь. Не будем ей в этом мешать.

— А что она потребует в обмен? — спросила Рестрика, растягивая слова. — Неплохо б сразу обговорить условия.

— Стоя здесь, это нам не удастся, — заключила Ада и первой направилась вслед за Виванной

— Идите ко мне! — услышала Ада Виванну где-то впереди. Тьма окутывала девушку, даже голоса оставшихся в основном зале здесь звучали тише. Воздух подсобки был наполнен ароматом цветов, таким насыщенным, что у Ады закружилась голова.

— Эй, вы здесь? — услышала она голос Далиды совсем рядом.

Ада уже хотела ответить, но не успела: в темноте, откуда ни возьмись, маленькая бабочка, взмахивающая огромными по сравнению с телом голубыми крыльями, стала единственным источником света. Тонкие, будто сотканые из шёлка, они коснулись щеки Ады, девушка от неожиданности отшатнулась, натолкнувшись на Далиду. Та громко вскрикнула, ей вторили голоса Рестрики и Селены.

Когда Ада снова решила посмотреть на летунью, та уже была не одна: три таких же бабочки держались около фейри, бесшумно взмахивая огромными крылышками. Лунный свет заставлял одежду хозяйки сиять, Виванна легко оторвала кусок от юбки и бросила вперёд, тот миг превратился в новое порхающее создание, освещающее небольшую комнату, заставленную сундуками и одинаковыми коробками на бесконечных полках деревянных стеллажей. Фейри проделала это ещё раз, а потом снова, пока не стало достаточно светло. Словно поняв молчаливый приказ хозяйки, бабочки, каждая размером с орлана, поднялись вверх и застыли под потолком, изредка бесшумно взмахивая крылышками.

Благодаря мягкому рассеянному свету комната напоминала пещеру Али-Бабы с нетронутыми сокровищами, а Виванна — голубого джина из арабских сказок.

— Встаньте все сюда! — по-деловому сказала она, указав на место справа, между окованным медью сундуком и тонконогим подсвечником, увенчанным чёрным шаром. — Здесь я храню самое лучшее, что создала за все годы. И щедро делюсь им с особенными Пришлыми.

— Чем же мы заслужили такую честь? — иронически спросила Далида.

— Вы — ничем. А вот за неё — меня просили, — фейри указала на Селену.

— Это какая-то ошибка, — еле слышно пролепетала ундина.

Виванна цокнула языком и засмеялась хрустальным переливом, как серебряный колокольчик:

— Ты скоро освоишься. И это хорошо, что у тебя такие бойкие подруги. Иди сюда, милая!

Фейри протянула длинную изящную руку с чёрными ногтями, будто покрытыми лаком в дорогом салоне, и ободряюще улыбнулась Селене, высунувшись из окутавших её облаков голубой ткани. Сирена приосанилась и сделала шаг навстречу, но руки не подала.

— Для тебя — подарок от родственников, — ничуть не смутившись, Виванна хлопнула в ладоши и оторвавшись от земли, легко, не прилагая никаких усилий, взмыла в воздух, доставая коробку с верхней полки. На секунду зависнув, фейри закружилась, как оторванный лист с дерева в безветренную погоду.

— У меня здесь никого нет!

— Это ты так думаешь, глупышка! Ну, держи! — Передала она коробку Селене так, будто в ней хранилась несомненная ценность. Увидев, что девушка приподняла крышку, чтобы рассмотреть содержимое, фейри хлопнула по картонке. Звук получился так громким, что Селена и остальные вздрогнули. — В своей комнате распакуй: сказано же — подарок!

— А мы? — подала голос Рестрика, видя, что фейри, окутанная облаком тончайшего газа, направилась к выходу, увлекая за руку растерявшуюся Селену, которая продолжала прижимать к себе доставшуюся в подарок коробку с платьем.

— Ой, простите, совсем забыла!

— А как мы теперь домой попадём? — спросила Далида, скрестив руки на груди. — Наши, должно быть, уже уехали.

— Ни о чём не волнуйтесь. Жилка пришлёт за вами малый экипаж. А насчёт платьев — вы правы: фейри всегда держат слово, — Виванна высунулась из рюшей и воланов. — Выбирайте, какое захотите. Но внутрь чур не заглядывать! Давай начнём с тебя! Ну, кровожадная ламия, что желаете?

— Вот ту, с самого верха! — быстро выкрикнула Рестрика, указав на приглянувшийся ей короб.

— А мне самую дальнюю, вон с того края! — Далида указала на комод в тёмном углу, с единственной сиротливо брошенной на него коробкой.

Ада задумалась, что предпочесть и стоит ли участвовать в слепом выборе. Как так можно, не видеть платья, в котором собираешься отправиться на первый в жизни настоящий бал! Вместо этого она решила спросить длинноносую хозяйку лавки, которая явно была наблюдательна и наверняка была кладезем знаний об Истинных расах.

— Почему все говорят, что нам так важно понравиться Истинным расам?

— Я закончила Кломхольм очень давно, милочка, — незамедлительно последовал ответ. — И лектор из меня никакой, не то, что модистка!

— Я настаиваю, чтобы вы ответили! — вмешалась Селена. — Вы же хотели мне помочь! Думаю, эти сведения как раз пригодятся на балу.

— Ну хорошо! — приторно засмеялась феяри. — Так бы сразу и сказали. Только не ждите, что я буду посыпать правду сахарной пудрой. Пришлых будут выбирать, как домашнее животное, способное год за годом рождать Истинных. Но возможно перед самой свадьбой, именно одну из вас забракуют и предпочтут лучшей по происхождению! А теперь берите, то за чем пришли и уходите!

Горячность, с которой высказалась Виванна, обескуражила Аду и стёрла желание продолжить расспросы. Девушка хотела схватить первую попавшуюся коробку, но передумала, сама не понимая почему.

— Можно мне взять то, что в сундуке?

— С чего ты взяла, что там что-то есть? — быстро спросила феяри, как бы невзначай загоразивая собой одно из деревянных хранилищ “ветоши”.

Уверенность Ады окрепла, она метнула быстрый взгляд на Далиду, и та сразу вступила в разговор:

— Было сказано: выбрать что хочешь.

— Может, пойдём уже? — озиралась по сторонам Рестрика и поводила плечами, как от холода.

— Ада выберет — и пойдём, — кивнула Селена.

Фейри издала звук, похожий на бормотание и хмыканье одновременно, но отошла в сторону. Сундук не поддавался, хотя никакого замка Ада не обнаружила.

Виванна расхохоталась и оторвала очередной кусок от своего кажущегося бесконечным наряда, ничуть от этого не пострадавшего. Он завис в воздухе, увеличился в размере, будто его кто-то тянул в разные стороны и превратился в голубое покрывало, в которое с лёгкостью бы завернулись все четыре девушки разом. Оно парило в воздухе как ковёр-самолёт, пока феяри не махнула рукой в сторону окованного медью сундука.

Стоило покрывалу накрыть его, как Ада услышала лёгкий щелчок, говорящий, что засовы с сокровищ Али-Бабы сняты. Девушка нерешительно подошла ближе и, повинувшись жесту Виванны, подняла крышку, оказавшуюся не тяжелее вечерней сумочки, и заглянула внутрь.

На дне тускло мерцало серебром ажурное платье.



## Глава шестая. Накануне

Ада вместе с другими новоиспечёнными гарпиями стояла на том самом зелёном поле, куда выходили окна их с Далидой комнаты и заметно нервничала. Виною тому были завтрашний бал, про который не говорил только ленивый, шикарное платье, добытое ей в лавке длинноносой фейри, но которое никак не желало надеваться до заговорённого часа. Это был прощальный “подарок” Виванны: фейри никак не хотела смириться с потерей столь ценного экземпляра своей коллекции. И последней каплей, переполнившей чашу терпения девушки, стала инициация, для которой они сейчас и собрались.

Вдруг, она не раскроется и как сказала Жилка, отправится восвояси, так и не испытав судьбу, манящую благами этого нового мира, одним из которых могла стать любовь прекрасного принца, представителя таинственных Истинных рас.

— Неужели они и впрямь могут превращаться в драконов или волков? — спрашивали девушки Соль во время совместных прогулок, на которые она сопровождала новых гарпий пару раз в неделю.

— Конечно, почему нет? Вы тоже кое-что сможете. После инициации, разумеется, — прибавляла Жилка и загадочно замолкала.

И вот это время пришло. А значит, Ада должна стать гарпией во что бы то ни стало! Вот только как это сделать, девушка пока не представляла. Она привыкла добиваться всего терпением и беспрестанным трудом, но поможет ли это здесь? Или на всё у неё будет лишь одна попытка?

— Кто хочет быть первым? — спросила Келисия с ехидной улыбкой и переглянулась с Соль.

У Ады всё сжалось внутри, и душой завладел холодный страх неудачи. В мгновении ока перед её внутренним взором промчались картинки, одна ужаснее другой: все прошли, а она — нет или каким-то образом девушка оказалась не гарпией, а таким Существом, для которого и факультета не нашлось в Дольном мире.

Келисия тем временем уже собиралась, что-то сказать, но Ада не дала ей это сделать:

— Я хочу! — вышла она из шеренги, сделав шаг вперёд и подставив разгорячённое лицо ласковому ветерку и лучам закатного солнца.

— О, доброволец! — удивилась декан, улыбнувшись кончиками ярко-красных губ. — Такого не бывало последние...

— Пять лет, — кивнула Соль.

— Почему решилась? — Келисия подошла совсем близко, обдав Аду запахом роз. — С чего вдруг?

— Я хочу быстрее узнать: подхожу ли.

— Ну и прекрасно, — промурлыкала декан, и Ада по мурашкам и прохладным прикосновениям ветра к коже живота поняла, что осталась в одном белье. Келисия, взяв её за плечи, развернула к себе и внезапно обняла. Девушка прикрыла глаза, тело била нервная дрожь. Объятия стали крепче и превратились в оковы. Тонкие руки женщины гладили спину Ады, оставляя следы от ногтей между лопаток. Царапины начали жечь и гореть с такой силой, будто это были ножевые раны. Ада закусилла нижнюю губу, чтобы сдержать стон боли, сердце бешено колотилось, словно хотело вырваться из грудной клетки, как птица, мечтающая о небе.

Боль усиливалась, вытеснив все мысли и страхи, превратившись в одно острое желание: чтобы всё скорее закончилось, неважно как. Ада перестала чувствовать ветер и приносимые им запахи луга, слышать голоса и удивлённые возгласы, слившиеся в один крик, причём было непонятно: то ли кричат девушки, то ли она сама, помимо воли и устав от боли, ломающей сразу все кости и сдирающей кожу с обнажённой спины. Ада не могла разлепить веки и не ощущала под собой твёрдой почвы, она парила в пространстве, застряла между мирами, её подвесили на цепях между небом и землёй.

Боль ушла так же внезапно, как и появилась. Вернулись звуки и запахи, осталась только усталость в теле, которую трудно было объяснить. Так, должно быть, чувствуют себя те, кто весь день работал физически или рожал ребёнка, первенца. Это сравнение наполнило всё существо девушки радостью и сладостным предвкушением. Она снова стояла на земле, которая теперь, Ада уже знала это и без всякого официального подтверждения, принадлежала и ей. За спиной девушка чувствовала крылья, и это не было метафорой.

— Какое мощное раскрытие! — услышала она рядом голос Келисии. — Ты полна сюрпризов, ма вила.

Ада, глубоко вздохнув, открыла глаза в закатные сумерки, наполнившиеся стрекотанием насекомых. Первым, что она увидела, были ставшие тёмными, как наступающая ночь, глаза декана. В них читались удивление и что-то ещё, возможно, гордость.

— А теперь, сделай это осознанно, — произнесла она мягким голосом, как просьбу, обращённую к равной. Ада не до конца понимала, как именно ей надо оторваться от земли, но не хотела так скоро утратить переполнявший её восторг и ещё неизведанную радость момента, которые вскоре исчезнут для неё навсегда, чтобы вернуться к другой гарпии, готовящейся к инициации. Девушка сосредоточилась и ощутила силу за спиной, крылья резко расправились, причинив лёгкую боль, но она была даже приятна.

Взмах! Другой! Крылья наливались силой тысячи рук и ног, ветер крепчал, пряди волос, вырвавшиеся из хвоста, липли к влажным щекам. Третий взмах — и Ада взмыла вверх, как пробка из под шампанского. Луг внизу уменьшался, как и фигуры девушек, сбившихся в тесный круг, Ада посмотрела вперёд, увидев вдалеке горы, царапавшие снежными верхушками небесный свод, сосновый лес с вековыми деревьями, огни города, расположенного неподалёку от Кломхольма. Там, где сливалась с горизонтом широкая дорога были едва заметны катившиеся самоходные экипажи. Ночное небо тоже было живым: то тут, то там, девушка могла различить кареты, запряжённые пегасами, но их пути лежали далеко от института.

Ада почувствовала зов не как звук, а как лёгкие вибрации, волны, проходящие по телу. Пора было возвращаться. Она спикировала вниз головой и лишь у самой земли мягко опустилась на траву босыми ногами.

— Тише, — встретила её Соль. Жилка кинула тревожный взгляд за спину Ады. — Убирай их.

— Но как это сделать? — с улыбкой спросила девушка, ещё раз аккуратно взмахнув крыльями, как кокетка ресницами.

— Не знаю, у меня таких нет, — Соль пожалала плечами и отошла. Ада вопросительно посмотрела на Келисию, стоявшую неподалёку с другими девушками, вновь построенными в шеренгу, и нерешительно сделала шаг навстречу. Стоило Аде увидеть, что декан ей улыбается и совсем не сердится, как она расслабилась и облегчённо выдохнула, опустив плечи. Крылья за спиной пропали, девушка их больше не чувствовала, отчего в груди всё сжалось в комок.

— Я и слова сказать не успел! — удивилась декан. — По крайней мере, одна гарпия у нас в этом году есть.

Келисия обернулась к Жилке и сказав что-то вполголоса, возвратилась к Аде, успевшей послать ободряющую улыбку Далиде. Та в ответ только хмыкнула.

— Иди в комнату, вила. Тебе надо выспаться: завтра предстоит не меньшее испытание. И мой тебе совет, Адаманта: выбери мага. Они наименее болезненно воспринимают женскую силу. А теперь, ступай. И не оглядывайся. Никогда не оглядывайся! Никто этого не стоит!

Ада смотрела на Далиду, одетую в нежно-лиловое платье, которое сидело так хорошо, будто шили специально для неё. Со стороны не было заметно никакого волнения, хотя Ада знала, что подруга ждала бал почти с таким же нетерпением, как и она сама. Лишь причины у девушек различались.

Далидой двигало любопытство и природное желание нравиться, ловить восхищённые взгляды, усиленно делая вид, что ей они безразличны. Ада, напротив, желала посмотреть на высшее общество Дольного мира с тайным умыслом найти среди них благородного не по крови, но по духу. Разочарование в прошлых отношениях, вызванное изменами партнёров с теми, кого Ада считала хуже себя, болезненно ударило по самолюбию, которое отчаянно нуждалось в реванше. “Высокомерная идиотка! — сказал ей Андрей, последний молодой человек, поняв, что Ада не простит интрижку на стороне. — Это нормально, когда мужик изменяет”. Она так и не смогла смириться, а тем более делать вид, что подобное не ранит и можно остаться друзьями, пожелав вчерашнему возлюбленному счастья на стороне.

— Ты что не одеваешься? — спросила Далида, поправляя причёску, над которой долго колдовала приглашённая для этого случая фея с фиалковыми глазами. Ада засмотрелась на красавицу и не сразу заметила, что вместо ног у неё маленькие аккуратные копытца, прикрытые мягкими кожаными мокасинами, служившими ей вместо обуви.

— Я боюсь: вдруг платье мне велико и вообще не подходит!

— Вот и посмотрим. Но я лично в этом сомневаюсь, не зря эта Виванна так в него вцепилась!

Ада вздохнула и достала из шкафа серебристое платье, казалось, сотканное из нескольких слоёв

тонкой паутины. Оно было почти невесомым и невероятно приятным на ощупь.

— Что стоишь? Одевайся!

— Сейчас! — ответила Ада и, аккуратно положив его на кровать, сняла форму, бросив на себя в зеркало критичный взгляд.

Видя нетерпение соседки, девушка, не глядя больше на своё отражение, стала облачаться в серебристый наряд. Длина рукавов, аккуратный вырез спереди — платье будто было сшито специально для неё.

— Ого! — округлила глаза Далида. — Они только твою спину увидят, сразу к ногам упадут! Почему у меня всё так закрыто?!

— Ну прям, — Ада смутилась, потому что и сама чувствовала, что вырез на спине, спускающийся чуть ниже талии, слишком провокационен. И волосы забраны наверх, кроме одной волнистой пряди, которая будет только приковывать взгляды. — У тебя вон как плечи обнажены, обожаю такой фасон! Может, поменяемся? Мне лиловый тоже к лицу.

— Ага, у тебя платье заколдованное! И не думай! Пойдём лучше!

Далида направилась к двери.

— Подожди ещё минуту! — Ада придирчиво рассматривала своё отражение. Платье было превосходным, обтягивающим стройные бёдра и расширяющимся книзу. Девушка даже в смелых мечтах никогда не воображала себя в таком дорогом наряде! — Сюда бы серьги...

— Пойдём — хватит! Ты и так вся сияешь как драгоценный камень.

— Смотри, что шло в комплекте!

— Перчатки здесь лишние.

— Вообще нет, смотри, как они подходят.

Светло серебристые, ажурные перчатки и впрямь нравились Аде. Она чувствовала себя в них настоящей леди. Будучи ещё подростком, девушка представляла себя на таком балу, где можно было надеть пышное платье, скрыть своё "я" под чёрным домино, а руки облачить в элегантные шёлковые перчатки, доходившее до локтей.

Правда, к платью прилагались короткие ажурные, но Ада была в восторге, усмотрев в этом знак, что всё будет так, как она захочет.

Девушки спустились в холл, где уже царил оживление. Люстра торжественно сверкала тысячами маленьких голубоватых сосулечек, ковровая дорожка цветом похожая на море в спокойный день спускалась по лестнице и провожала первокурсниц до порога, чтобы выпустить их в новый мир, начинающийся за металлическими пиками забора Кломхольма.

Во дворе от света ламп и треножников со светящимися шарами, расположенными вдоль главной дороги, ведущей через сад к массивным кованым воротам, было светло как днём.

Жилка и деканы, разодетые в длинные платья, ректоресса, болтающая с заместителями то ли во фраках, то ли в смокингах — всё это Ада видела и одновременно почти не замечала. Она старалась не отстать от Далиды, которая, видно, поставила себе цель: перекинуться парой ничего не значащих фраз с каждым во дворе, в том числе и с расфуфыренными ламиями и новоиспеченной феями. Ада подумала, что подруга пытается скрыть волнение за пустыми разговорами с посторонними и намеренно тянет время.

Было душно и мутно, и Ада хотела лишь одного: чтобы все уже расселись по ожидающим за воротами маленьким закрытым экипажам, запряжённых крылатыми конями и оправившись навстречу судьбе.

— Если тебя не заметят на первом балу, могут пригласить на втором. Или третьем, — вспомнила она слова ламии Рестрики. — Если конкурентки не обскачат. Следующий год — опять пополнение. Видели третьекурсниц с тоскливыми, как у буйволов в упряжке глазами?

— А что, это правда? — спросила Ада у Селены, когда ламия их покинула. — Мы здесь только вроде товара? И учёба лишь прикрытие?

— Слушай её больше! — встряла Далида и демонстративно хмыкнула. — Змея — она и есть змея! Я совсем не хочу замуж. Стоило ехать так далеко, я и дома могла хомут найти! Вон, Эмма же не замужем!

— Я тоже не хочу! — тихо сказала Селена. — Да и страшно же! Какие они там?

— Это мы вскоре точно узнаем, — ответила Ада с лёгкой улыбкой.

И вот теперь этот вечер настал. Далида косилась на неё с опаской:

— Что ты так разнервничалась? Повеселимся от души, потанцуем, поедим... и пококетничаем. Относись ко всему как к игре.

Ада промолчала, скользнув взглядом по тёмным кустам окружающего замок сада. Не могла же она рассказать новой подруге, как давно мечтала найти равного себе, который бы позволил Аде быть партнёром по жизни, а не красивым приложением к дому с высоким забором. Не стеснясь и не пряча ум за легкомысленной оболочкой только потому, что парни предпочитают видеть рядом беззаботных девушек. Ада же была серьёзной и не любила тусовки, на которых пиво лилось рекой, а мужские взгляды напротив становились всё более сальными и смелыми.

И пусть подростковый психолог твердил о том, что девочка сублимирует нехватку родительской любви за счёт ранних отношений, она с вызовом говорила окружающим, что ищет и достойна самого искреннего чувства, но всегда втайне сомневалась в этом.

Наконец, подошла и их очередь садиться в экипаж цвета морской волны, рассчитанный на пятерых. Этой пятой стала Мара, зеленоволосая дриада, как-то незаметно примкнувшая к компании.

Всю дорогу, занявшую больше часа, девушки промолчали, лишь изредка перекидываясь ничего незначащими фразами. Тему предстоящего бала упорно обходили стороной, каждая смотрела в окно или на свои руки, вздыхала украдкой, и стоило ей поймать чужой взгляд, слегка улыбалась. Далида начала фальшиво напевать весёлую мелодию, больше подходящую для портового кабака, чем для приличного общества.

— Может, хватит? — Мара сложила руки на груди и откинулась на бархатную подушку. Селена облегчённо вздохнула и счастливо улыбнулась.

— Приехали! — опередила Ада собравшихся ссориться девушек, указав в окно на сияющую огнями столицу.

## Глава седьмая. Немного о драконах

Это было именно то, о чем Ада грезила: балльный зал, наполненный светом и красивыми людьми, словно сошедшими со страниц любовного романа. Лёгкая музыка вальса опьяняла и заставляла думать о флирте и любви. Жавшиеся у стен и огромных колонн первокурсницы, более опытные и обжившиеся в Илиодоре иномирянки, смеющиеся и свысока поглядывающие на провинциалок из других миров — здесь было душно и тесно от красавиц в балльных платьях и сопровождающих их кураторш.

Ада сразу заметила среди множества потенциальных невест мужчин: не в меру серьёзных, кидавших спокойные размеренные взгляды на смущающихся девушек. Были и другие — моложе, с наглыми глазами. Они откровенно рассматривали институток, словно выбирали на рынке лучший кусок мяса, желательно свежий, блестящий, ещё пахнущий кровью, недавно бежавшей по жилам.

“Ярмарка тщеславия”, — подумала Ада и почувствовала лёгкое разочарование: было что-то унижительное во всей этой блестящей обстановке а-ля королевский приём, что-то неприемлемое для её самолюбия.

Все эти речи ректорессы и мрачного господина в чёрном с горящими глазами, представленного им как глава города, отдавали пафосом и сладкой ложью, настолько приторной, что в неё даже не хотелось верить. Маги, волкодлаки и драконы — названия Истинных рас были для Ады пустым звуком. Они никак не вязались в её представлении с находившимися здесь, как на подбор, привлекательными мужчинами не старше сорока пяти, которых не портили даже пигментные пятна на виске или лбу. У иных был заметен хищный жёлтый отблеск в глазах. Аде на ум пришло сравнение с невольничьим восточным рынком, где богатые эфенди присматривают себе новых рабынь.

— Мне здесь не нравится, — мрачно сказала она Далиде, нахмутив брови.

— Не ной! Ещё и два шага сделать не успела. Надо всех инкубов поближе рассмотреть.

— А зачем? Ты же замуж не собираешься.

— Ну, это не значит, что нельзя пообниматься или пофлиртовать, — озорно пожала плечами подруга и пленительно улыбнулась. Ада рассмеялась: Далида и впрямь была обольстительна, как кокетка, поставившая себе цель непременно выйти замуж в этом сезоне. Это было тем более смешно, потому что не являлось правдой.

— Не бросайте меня! — окликнула их Селена. — Вы же обещали!

— Ну так и не отставай! — цыкнула на неё Далида. — Мы же не няньки. Здесь развлекаться надо, а не жаться друг другу, как птенцы перед змеей.

— А Рестрика уже этим и занимается, — добавила Ада, заметив танцующую в паре с волкодлаком ламию. — Я пройду сначала в банкетный зал.

— Ну и молодец! — откликнулся Далида. — Я сейчас тоже присоединюсь к танцующим.

Девушка решительно направилась к большой группе институток с первого курса, стоявшей у белой колонны.

— Я с тобой! — решительно сказала Селена Аде, тесный мирок коротой распался, как и компания девушек, всего несколько минут назад вместе робевших у высоких стен городской ратуши, похожей на готический собор. Почти у самого выхода Селене молча предложил руку молодой человек в сером, ладно скроенном костюме, похожий на подающего надежды мелкого чиновника. Ундина, растерянно посмотрев на спутницу и смущёно улыбнувшись, приняла приглашение.

Ада вошла в банкетный зал одна, с высоко поднятой головой и очень обрадовалась, увидев среди немногочисленных собравшихся дриаду Калисту. Но подходить к общающимся молодым людям и разбивать своим не прошеным присутствием дуэт, девушка не собиралась, поэтому, сделав вид, что ей стало душно, отошла к зашторенному окну.

Свет в этом зале, в отличие от предыдущего, был мягким и приглушённым, музыка еле пробивалась сквозь увешанные гобеленами стены. Ада с интересом рассматривала один из них, изображавший сцепившихся в небе драконов: крупного красного и другого, золотого с гривой как у льва и с длинным хвостом, увенчанным жалом, похожим на горный пик.

От картины исходили эмоции гнева и боли, что Ада удивилась, как можно было повесить такое в зале для увеселений. Она подошла ближе, чтобы рассмотреть детали.

— Это известный сюжет, поэтому его и хранят в каждом доме, включая Городскую Ратушу, —

услышала Ада сзади приятный мужской баритон и вздрогнула от неожиданности, что её застали врасплох.

Помедлив с минуту, девушка обернулась, приняв безмятежный вид и жалея, что в этом мире нет настоя валерьянки, который можно “хлопнуть” перед волнительным моментом.

— Скучно здесь? — спросил мужчина и нагло улыбнулся, тряхнув белыми, как снег волосами, словно породистая лошадь.

— Я не люблю толпу, — ответила Ада, посмотрев в тёмные глаза незнакомца. Тот немного опешил то ли от наглого ответа, то ли от абсолютной серьёзности сказавшей правду.

— А что вы любите?

— Когда незнакомцы не мешают мне любоваться прекрасным гобеленом.

Ада понимала, что откровенно грубит и боялась предположить, что ей за это будет, и кто этот самоуверенный наглец, решивший, что имеет право заставить неопытных девушек врасплох. Он, наверное, подумал, что Ада засмущается, опустит глаза и станет что-то лепетать о прекрасном вечере.

— Ну, я на это надеялся. Но не слишком. Вы ведь гарпия, верно? Вам, вероятно, смущение не знакомо.

— Я что, сказала это прямо сейчас?

— Да, — усмехнулся белогривый и стал похож на грифона Хедрика. Такой же широкоплечий, высокий и крепкосбитый. — Вполголоса. Но у меня прекрасный слух, так что вам придётся впрямь учитывать это.

— Не придётся, — ответила Ада и демонстративно отошла к длинному столу, на красной скатерти которого стояли блюда с самыми разнообразными яствами. Ада бы с удовольствием выпила красного вина, но напиток, похожий на него, был налит в длинный сосуд из горного хрусталя, наклонить который, не разлив ни капли, было под силу только спортсмену.

— Ну, так и лучше. Мне не надо будет угадывать ваши желания, — не отставал ни на шаг незнакомец, зайдя с другой стороны. Ада чувствовала на себе его наглый бесстыжий взгляд, оценивающий и холодный, как у хищника, присматривающего жертву.

— Что вам от меня надо? — Ада повернулась к молодому человеку и с вызовом уставилась на пигментное пятно в виде голубоватого широкого завитка на правой щеке.

— Я пока вам этого не скажу. И да, правильно заметили пятно. Я — дракон.

— Правда? Я подобных вам иначе себе представляла.

— Какими же?

Ада задумалась, чтобы точнее подобрать слова:

— Бесстрашными, мудрыми и спокойными.

— Я вас разочаровал?

— Наверное. Не только вы, всё вокруг. Этот бал больше похож на рынок, где толпятся жадные до скидок покупатели в надежде первыми урвать недорогие новинки.

Дракон усмехнулся:

— А в вашем мире было не так?

— Конечно, нет. У нас женщина сама решает с кем ей быть и когда танцевать. Устроили тут себе выбор наложниц!

— Мне нравятся такая злость. Вы всегда говорите неудобную и неприличную правду?

— Нет, но сегодня я в ударе.

— А что такое скидка? — неожиданно спросил молодой человек, придвинувшись ближе. Аде стали видны его зрачки, меняющие форму с круглой на кошачью. Голос дракона сделался вкрадчивым, он гипнотизировал и парализовал девушку помимо её воли, Ада хотела отодвинуться, но ноги не слушались, а язык прилип к нёбу.

Мужчина встал совсем близко, но руки не распускал. От него пахло горячей кожей и мускусом. Ада подумала, что он сейчас её поцелует, но дракон лишь смотрел в глаза, словно хотел проникнуть в душу. Это длилось не дольше минуты, но к щекам Ады прилила кровь.

— Отпустите немедленно! — выдохнула она.

— Кого я вижу?! Младший Ладон, — услышала Ада насмешливый голос Соль. — Не пугайте мне Пришлую, Марк! В этом нет чести.

Мужчина отстранился, и морок развеялся.

— Добрый вечер, сиятельная Фрирр, — произнёс дракон вежливо и слегка поклонился. — Мы просто беседовали о сегодняшнем бале. Весело тут, не правда ли?

— Марк, не насмешничайте! Неужели сын пятого Драка подыскивает себе невесту? Я думала, что...

— Всё может быть, Фрирр. Даже если сиятельной об этом не известно, — дракон сверкнул глазами и поспешно отошёл, скользнув на прощанье взглядом по Аде и гобеленовому ковру.

— Пойдём, ма вила. Ты должно быть заблудилась. Я уже чувствую себя пастухом, собирающим разбредавшихся овец., — холодно улыбнулась Соль, вцепившись в руку Ады, и потащила её в бальный зал. Раскланиваясь и улыбаясь, но, всё ещё крепко держа девушку, златоволосая куратор направилась прямо к выходу.

— Мы уходим? — осведомилась Ада. Она начала злиться, что с ней обращаются как с ребёнком, разрисовавшим фломастерами обои в спальне родителей.

— Он просто так не отстанет. И всё одно распугает потенциальных ухажёров. А ты — обычная наивная дурочка!

— Разумеется, Соль. Вам виднее.

— Не дерзи! — шикнула Жилка и вывела девушку во двор, где в ночном воздухе пахло костром, а в тёмном саду кричали, как свора сплетниц цикады.

Соль сделала знак голему, похожему на лилипута. Тот застыл у ворот и, увидев Фрирр, проворно побежал, раскачиваясь из стороны в сторону, пока не скрылся в темноте.

— Драконы для Пришлых — не лучшая компания. Они высокомерны и ратуют за чистоту крови. Ты что, совсем всё позабыла, что я вам рассказывала? Декан дала тебе хороший совет искать мужа среди магов, но он был не для твоей дырявой головы!

Жилка буквально втокнула Аду в подъехавший одноместный экипаж и прежде чем закрыть дверцу, серьёзно сказала:

— Сиди в комнате и подумай, как сделать так, чтобы о вашем общении с Марком все быстрее забыли. Пришлые — лишь развлечение для драконов. А маги или волкодлаки не станут связываться с замаравшей себя девушкой!

— Чем ты её расстроила? — время от времени спрашивала Далида. — Соль так тебя волокла, будто застала за чем-то... неприличным.

Ада упорно молчала или переводила тему. На всех переменах и занятиях, девушки шептались о прошедшем бале, делились впечатлениями, такими свежими и яркими, будто он был только вчера, а не три дня назад. Говорили все, но не она. Далида в отместку тоже не распространялась о том, как провела вечер.

Каждый день в институте приносил столько знаний, что Ада устала удивляться и молча записывала свои впечатления автоматической ручкой с вечными чернилами в толстую тетрадь, выделенную под дневник. Далида первое время пыталась заглянуть через плечо, пока та писала, но получив пару раз отпор, отступила и стала уважать право Ады на тайны.

Девушка и сама подозревала, что обзаведётся парочкой секретов, одним из которых стало письмо того самого дракона, содержащее всего одну двусмысленную строчку, отдающую насмешкой: "Спасибо за доставленное удовольствие". Подписи не было, но Ада не сомневалась, кто являлся отправителем.

Записку прислали на следующий день, с утренней почтой и отдали нераспечатанной. На конверте размашистым почерком было написано: Министерство образования. Гарпии первого уровня, Грековой.

Бумага была плотной и лаковой, почерк крупным, но небрежным, с вензелями и завитушками, более приличествовавшими какой-нибудь романтической девице, чем молодому человеку, представителю “золотой молодёжи”. Жилка много чего порассказала ей тем же вечером.

Девушка так и записала: “Драконы высокомерны, заносчивы, жадны и ищут в спутницы равную себе: например, из волкодлаков или магов. Для них важно одобрение семьи, против которой никогда не пойдут. Держись-ка, Ада, от них подальше”. Но ей казалось, что помимо прочего она нарушила чьи-то планы, и от этого становилось тревожно.

— Пойдём, мечтательница! У нас растениеводство через двадцать минут.

— Иду! — отозвалась Ада и спрятала тетрадь в стол, предварительно скрепив её своей печатью. Это правило девушке нравилось: подделать рисунок на руке было невозможно, он был сродни отпечаткам пальцев.

Занятие проходило в скромной теплице Флоринды Синкс, дамы в толстых очках, прятавших умные и добрые глаза преподавательницы. Дриады всегда являлись на её уроки первыми и слушали, затаив дыхание, словно та открывала им смысл жизни.

Далида же, напротив, терпеть не могла эти поучения, высказанные неторопливым тоном:

— Растения как мы с вами, только лучше.

— Ритуал благодарности крайне важен в таком миротворческом деле, как выращивание садов.

— Среди растений главное то, какое вам нравится больше...

Ада прошептала на ухо подруге:

— Просто мудрые вирши. Книга афоризмов и только!

— Что это значит? Гадость сказала, да? — хихикнула Далида.

— Адамантия, — громко сказала Флоринда, сняв очки и потерев глаза и переносицу. — Мы все смотрим на вас, как на подающую большие надежды. Не испортите свой высокий балл. Для любой дамы очень важен цветущий сад. Он отражает красоту вашей сущности, поэтому у некоторых растут лишь сорняки.

Дриады дружно засмеялись.

— А можно из растений делать зелья? — спросила Ада то, что её давно интересовало.

— Зелья — это мифы, Сказки для доверчивых гарпий, — оскорбилась Флоринда и приподнялась во весь свой невысокий рост. — Но кое-какому ритуалу я вас научу. Калиста, поди сюда!

Дриада с мышинными волосами в которые теперь были вплетены зелёные веточки, легко поднялась и подбежала к длинному столу Флоринды, заставленного горшочками с землёй. Калиста протянула руки над одним из них, их накрыла маленькими ладонями Флоринда. Обе стали бормотать что-то неразборчивое, отчего у дриады зелёные веточки в волосах зашевелились и принялись извиваться, как змеи. Через мгновение из центра горшка вытянулся бутон, тут же превратившийся в чайную розу.

Дриады захлопали в ладоши и заулыбались. Гарпии отреагировали сдержаннее, но по блеску глаз было заметно, что фокус им понравился.

— Это ремесло обожают маги. Они, как и мы, приветствуют красоту во всех её проявлениях, но их женщины намного холоднее любой из вас. Так что, пользуйтесь преимуществом.

— А драконы? — выкрикнула Далида, улыбнувшись Аде.

— А драконы — дело другое, — закончила урок Флоринда и показала девушкам, что они могут быть свободны.

— Подожди меня снаружи, — попросила Ада подругу и та, посмотрев долгим взглядом, кивнула.

Ада решила: пока представился удобный случай прояснить волновавший её вопрос. Она подошла к Флоринде, дающей указания суетящимся за уборкой големам, и спросила, глядя в глаза:

— Почему меня каждый раз называют разными именами, любимыми, только не моим?

— Потому что это другой мир, — улыбнулась Флоринда.

— Но ведь остальных Пришлых это правило не коснулось!



— Спросите вашу Соль.

— Она не скажет правду, а Келисия посмотрит так, что больше и спрашивать не захочется.

— И для вашего ж блага, Адалия. Выберите уже себе одно из новых имён и успокойтесь. И мы все успокоимся, — добавила сероглазая дриада дрогнувшим голосом и поспешила удалиться так быстро, как будто за ней гнались стая валькирий.

## Глава восьмая. Девичьи секреты

Следующее письмо не заставило себя ждать, а потом было ещё одно, и ещё. Они не содержали никаких предложений или попыток сблизиться, и тем ещё более будоражили любопытство.

“Ты уже можешь пролететь хотя бы пару длин и не свалиться?”

“Мне понравилось твоё платье цвета кипящего серебра. Рассчитывала на оборотня?”

“Я до сих пор не могу спать, гадая, что такое скидка?”

Ада злилась на иронический тон посланий, но с нетерпением ждала писем, объясняя Далиле, что они приносят оживление в её ставшую размеренной жизнь. Разумеется, она не отвечала, хотя могла бы: в одном из писем был указан адрес. “Если вдруг захочется излить на меня обиду”.

— А почему ты не ответишь? — спросила как-то Далида, так пристально глядя в лицо подруги, что девушка покраснела.

— Но ведь это запрещено.

— Во-первых, всегда можно обойти запрет, если очень захотеть. Во-вторых, на это смотрят сквозь пальцы. Большинство ведут переписку, даже если поймают, строго не накажут.

— Откуда знаешь?

— Общаюсь со старшими курсами. И тебе не помешало бы. Узнаешь много интересного.

— Например?

— Да про мир вокруг. Про Истинные расы. — Далида улыбнулась и добавила: — Про драконов.

— С чего ты взяла, что он мне интересен, как мужчина? — Ада подняла бровь.

— Конечно, интересен. Но ты права, на твоём ухажёре свет клином не сошёлся. Да, с драконами и впрямь всё сложно.

— А почему раньше не рассказывала? Не доверяешь?

— Так ты и не спрашивала. А я сама не лезу с поучениями. Мне просто самой было очень интересно узнать, почему так необходимо выйти замуж, и я выяснила, — Далида сделала театральную паузу и посмотрела в окно комнаты.

— Ну?

— Что ну? Я никогда...

— Ага, без просьбы. Выкладывай, давай.

— Среди Истинных много мужчин, а вот с женщинами засада. Их рождается мало, и слабые попадают. Поэтому нужен приток свежей крови, девушек, способных рожать, помалкивать и благоволить перед величием Столпов общества, — Далида презрительно фыркнула. — Но со мной они промахнулись.

— Почему ты так негативно относишься к замужеству?

— Это что? Технология допроса в действии?

Ада понимала, что невольно использовала последний изученный приём на “Магии виновных”: сначала вызови сильные эмоции, а потом спроси самое важное. Если почувствуешь, что связь разорвалась, значит, подозреваемый лжёт. Самым сложным было ухватить её, и не потерять, отвлекшись на свои мысли. Не говоря уже о том, что противник может ставить блок.

— Прости, нечаянно вышло. Если не хочешь, можешь не говорить. Больше не спрошу, обещаю.

— Ладно, — проворчала подруга и улыбнулась. — Только дай Безвозвратное слово.

— Конечно, — согласилась Ада, но в душе кольнула обида: подруга могла бы верить ей и просто так. К тому ж секрет, наверное, и яйца выеденного не стоит.

Ада встала напротив Далиды, протянув той руку знаком крыльев вверх. Темноволосая гарпия накрыла её своей так, чтобы их знаки соприкасались.

— То, что сейчас будет сказано в этой комнате, я сохраню в тайне до конца моей жизни, — произнесла Ада, ожидая боли. И та пришла: сначала в виде жжения в накрытой руке, потом покалывания, достигшего кончиков пальцев. Оно стало таким сильным, что девушка вспомнила, как в детстве дотронулась до огромной медузы, когда барахталась у берега Чёрного моря.

— Я принимаю твоё слово, — произнесла Далида и отёрнула руку. Ада посмотрела, как с метки на предплечье сходит краснота, и она становится такой же, как и была.

— Первый опыт прошёл успешно, — сказала Ада, потирая переставшее болеть предплечье.

— И не говори! Ну, раз взяла слово, придётся сказать, — продолжила Далида. — Всё дело в том, что я не хочу быть игрушкой. Не хочу, чтобы кто-то хвастался моим расположением. И... я боюсь боли при родах, очень боюсь. И секса тоже. Сама мысль о нём мне неприятна. И о том, как мужчина поведёт себя после.

— Может, с тобой просто были грубы? Не все же такие...

— Никто мне не грубил! — огрызнулась Далида, став лицом к окну и притворив створки. — Никто.

— Тогда почему ты решила, что всё будет именно так?

— Потому что это было со всеми, кого я знала дома. Боль, унижение, самоуверенность, разящая от того, кто недавно смотрел восхищённо, а потом он просто тебя избегает. Всегда одно и то же. Неужели, ты думаешь, что здесь будет иначе? Чувства не длятся долго.

— Ты хочешь независимости. Я понимаю это и где-то даже разделяю. Здесь не обязательно выходить замуж, но зачем отказываться от секса?

— Нельзя отказаться от того, чего у тебя никогда не было, — сказала Далида и повернула бледное лицо к стоявшей рядом Аде.

— Ты девственница?

— Я не тронута и не собираюсь это менять, — ответила бывшая суккуб, поджав губы и опустив глаза. — Давай спать, я устала.

На следующий день Ада получила новое письмо на лощёной бумаге с замысловатым вензелем золотого дракона на шапке: “Приглашаю посмотреть мою коллекцию крошечных единорогов. Есть интересные экземпляры. Через два дня, после вечерних занятий, я пришлю экипаж. Отказа не приму, в противном случае принесу их к тебе в комнату”.

Еще никто так отчаянно не добивался её внимания, поэтому Аде было приятно настойчивость мимолётного знакомого. Но чувство самосохранения и здравый смысл подсказывали, что избалованный дракон вряд ли влюбился в неё с первого взгляда и без памяти, а также без оглядки на традиции и устои общества. Значит, он преследовал свою, пока неясную для девушки цель. И Ада собиралась выяснить, какую. Просто так, из любопытства.

Она была в холле за полчаса до назначенного времени и с нетерпением прохаживалась по ковровым дорожкам, рассматривая висевшие на стенах картины, преимущественно, портреты покровителей Кломхольма и ректоров с момента его основания почти полторы тысячи лет назад. Чтобы не сорвать свой собственный план и не поддаться искушению, Ада решила явиться к месту свидания в безликой форме института.

А там... Было несколько вариантов: либо она гордо откажется ехать, гордо заявив, что “я не доверяю вам и вообще не такая”, либо намеренно опоздает на полчаса и посмотрит, вскарабковшись на ближайшее дерево, кто приедет и сколько прождёт. Ада подозревала, что всё это подстава или бледнолицый дракон решил поразвлечься с первой попавшейся иномирянкой.

“Даже если б и планировала поехать, а я совершенно не хочу, то мне и нечего надеть”, — подумала она, разглядывая коралловое ожерелье одной из ректоресс на портрете. “Ну право слово, в одном и том же не пойдёшь же! Моей стипендии вряд ли хватит на хорошее платье”.

— Ада, привет! Я шла мимо и подумала... Можно тебя попросить? — услышала она за спиной хрустальный голосок Селены и обернулась.

— Конечно, перестань трястись! Сколько уже прошло, месяц как мы здесь?

Ундина зарделась:

— Ты права. Я всё равно чувствую себя чужой. Словно занимаю чьё-то место. Каждый день просыпаюсь и жду, что сегодня мне об этом скажут. Вообще не понимаю, по каким критериям выбрали именно меня.

— Им видней. Значит, ты не очень прижилась бы в том мире.

— Напротив. Я там была на своём месте. И никто не заставлял меня выходить замуж.

— Разве у вас не принято жениться?

— Нет. Мы вольны выбирать с кем жить и как. От кого рожать тоже... Ты торопишься?

Ада поняла, что слишком часто смотрит на круглые настенные часы над входом. Девушке стало стыдно: Селена ей и впрямь очень нравилась. Притом именно своей ненавязчивостью и тактичностью. Обидеть сирену Ада не хотела, но время, назначенное драконом, приближалось, так Ада и не успеет занять удобный наблюдательный пункт, а прибежать с раскрасневшимся лицом равносильно признанию в симпатии. “Вот ещё!” — подумала Ада. — “Подруга важнее всяких драконов”.

— Прости, я просто нервничаю. Пойдём к нам в комнату, Далида будет рада.

Сирена растерялась и принялась отнекиваться:

— А вдруг она спит? Нехорошо получится. Я тебя хотела попросить. Ты же собиралась в свой день проехать по магазинам? Уже нашла с кем?

Честно говоря, Ада совсем забыла, что приближался первый день, когда первокурсникам будет позволено посетить торговые ряды столицы, но с условием, что девушки не должны разъезжать по одиночке. Далида участвовать в массовым выезде отказалась, заявив, что её эти глупости с покорением Истинных не интересуют, девушка твёрдо вознамерилась делать карьеру, а для начала стать лучшей на курсе.

— Нет, пока не думала. А надо бы. Хочешь — поехали вместе! Далиду в них не затащишь!

— Я поеду, — замялась Селена и с надеждой посмотрела на Аду, выпалив на одном дыхании: — Только и ты поедешь со мной.

— Куда же, если не секрет?

— Я хочу пройти прослушивание в театре “Аллюзион”.

Ада никогда не слышала о таком, но, впрочем, и не особо интересовалась культурой жизнью столицы. Однако, такой шаг вряд ли одобрит Соль.

— Почему ты решила поступить в труппу? Кем? Актрисой?

В голове начал складываться пазл: сирены — признанные мастера искусств, с их факультета выходят артисты, художницы и свахи. Может, будущая слава вскружила голову Селене, и та решила, что может стать артисткой уже сейчас, не дожидаясь окончания обучения? К тому же, это вполне законный способ избежать неугодного замужества.

— Если Соль или кто ещё узнает, вряд ли обрадуются.

— Я всё продумала, не бойся, — затараторила ундина. Её глаза неестественно блестели: — Напрямую подобное правилами не запрещено. Я просто попробую спеть на настоящей сцене. Вдруг, им понравится, и я буду принята в театр статисткой. Выступления по вечерам, я сама всё объясню Соль. Считай это практикой.

— Я и не знала, что ты так любишь петь, — протянула Ада, напрочь забыв о свидании. — Почему ты не говорила?

— Я боюсь разочаровать знакомых. Не хочу фальшивой похвалы, по дружбе. Пусть меня прослушают те, кому я безразлична.

Ада сдалась и кивнула. Такая воля к победе заслуживала уважения. Селена в её глазах превратилась из хрупкой и застенчивой девушки, готовой упасть в обморок от всякого двусмысленного слова, сказанного в её сторону, в железную деву, с порога нового мира бросившую вызов судьбе.

— А знаешь, как мы поступим? — сказала она, почувствовав желание ехать на прослушивание немедленно. — Мы сразу туда и отправимся.

— Нет, Ада. Можем не успеть в магазины, вдруг там много желающих, и ждать придётся долго? Ты же так хотела новое платье!

— Плевать на платье! Сначала дело, потом — шопинг. Да и зачем оно мне? Прельщать некого.

“Теперь точно”, — сразу всплыла мысль, но Ада отмахнулась от неё, как от назойливой мухи. Всё равно, у них с мажором не могло быть ничего общего. И жалеть ни стоит: ни его, ни себя!

## Глава девятая. Череда случайностей

Писем больше не было. Ада не удивлялась, лишь иногда испытывала лёгкое разочарование, когда другие девушки получали послания и, прижав их к груди, с покрасневшими лицами шли наверх, в свои комнаты, чтобы остаться наедине с белой бумагой и начертанным на ней обещанием счастья.

Девушка успела неплохо узнать сокурсниц: почти все они уже привыкли к новому положению воспитанниц института и предполагаемых невест. Первый бал заронил в их сердца опасения, что выберут не всех. Конечно, оказаться в роли племенной кобылки никому не хотелось, но Ада понимала, что каждая считает себя лучше остальных и надеется на взаимное настоящее чувство.

Старшекурсницы смотрели на “молодняк” с ухмылками, снисхождением и иногда с жалостью. Многие были помолвлены или дали обещание: правила Кломхольма допускали это при условии, что дата свадьбы будет назначена не раньше окончания третьего курса. В противном случае, заключившая брак, немедленно исключалась. Далида считала того, кто написал правила для воспитанниц и конкретно это положение, недалёким:

— Так они же всё равно войдут в стан к мужу. Какой смысл в дипломе?

— Наверное, интеллигентная жена ценится больше. Интересно, а развестись можно?

— Уйти из семьи? Сомневаюсь...

Ада ещё больше укрепилась в подозрении, что обратной дороги для ступившей на алтарный камень, нет. С другой стороны, одиночество пугало не меньше. Даже заняв приличное место в том же Кломхольме, после работы придётся возвращаться в пустую остывшую комнату и ложиться спать, обнимая подушку. В детстве Ада мечтала о большой, дружной семье, взаимной трепетной любви, такой огромной, чтоб как в стихе “любви — звездопада. Красивой-красивой! Большой-большой! А если я в жизни не встречу такой, тогда мне совсем никакой не надо”.

Ада и ждала, отказываясь от выгодных с точки зрения общества и подруг кавалеров, стоило тем проявить неуважение к девушке или втихаря, мимоходом ей изменить.

Но как принято в этом мире, она пока не разобралась. Если быть замужем означает стать вещью, то покорно благодарю.

— Ада, я сама не понимаю. Но меня тема замужества вообще не волнует, — сказала Селена, когда обе уселись в небольшой экипаж, и Ада решила отвлечь подругу от тревожных мыслей по поводу предстоящего прослушивания.

— Ещё одна!

— Ты про Далиду? Я даже и подумать не могла, что она выберет карьеру.

— Никто из вас пока ничего не выбрал. Встретите благородного, и всё позабудете.

— Жалко, что нельзя родить для себя. Я бы решилась.

— Почему нельзя? — машинально спросила Ада, глядя в окно на проплывающие вниз луга и холмы.

— Так мне сказали. Надо провести какой-то обряд. Дриады этим занимаются и... наша Соль, представляешь?

— То есть просто забеременеть нельзя? Какой прекрасный мир!

— Хватит, Ада! Вечно ты иронизируешь.

— Эй, Селена, выше нос! У тебя глаза сейчас как у выброшенной собачки, подбегающей к прохожим, чтобы те её приютили. Ты ведь не милостыню идёшь просить, а работу. Вот увидишь, они сразу тебя возьмут!

— А ты будешь в зале?

— Если надо, то да.

— Спасибо тебе! Это много для меня значит. Особенно за то, что ты, даже не слыша меня ни разу, уверена в результате.

— Как говорят у меня на Родине, “земля слухами полнится”. Преподаватели вокала от тебя в восторге.

Селена замолчала и всю оставшуюся дорогу рассеянно смотрела в окно, руки ундины находились в

постоянном движении, пальцы то сцеплялись в замок, то разглаживали несуществующие складки на голубой юбке.

Ада, чтобы не смущать подругу, прикрыла веки и попыталась представить себе платье, которое она могла бы купить, будь у неё достаточно денег и времени.

В столице она почти не бывала, если не считать бала в Городской ратуше на севере Илиодора, но о городской моде наслышана. Женщины носили длинные платья без пышных юбок и корсетов, некоторые предпочитали брюки, особенно незамужние юные девы или молодящиеся карьеристки. Ада сгорала от нетерпения примерить всё, что могли ей предложить местные магазины, а после, определившись с фасоном, копить деньги на очередной праздник.

Но сначала нужно помочь Селене. Подруга тайком, когда думала, что Ада не смотрит, бросала на неё обеспокоенные взгляды, в которых читалось: "Только, пожалуйста, не передумай!"

— Это здесь, вилы, — промолвил низкорослый гомункулус, открывая двери экипажа в переулок по соседству с площадью Искусств. — Только придётся немного пройтись.

— Пошли. Вперёд, за мечтой! — Ада за руку увлекла остолбеневшую ундину и вывела прямо на залитую солнцем и вымощенную крупным булыжником площадь. Сирена покраснела так сильно, что румянец на щеках вполне мог соперничать с фиолетовым отливом её волос.

Не дав ей опомниться, Ада, по-прежнему державшая её за руку, отошла в тень огромного круглого здания из белого камня, колонны которого напомнили ей о ДК в родном городе. Если бы не причудливые статуи в два человеческих роста, изображающие морских дев, то сидящих на камне и играющих волнистыми волосами, то протягивающих руки навстречу ветру, откинувшему их локоны назад, Ада бы поверила, что один и тот же архитектор путешествовал по мирам и оставлял свой след в искусстве.

— Ты куда?

— Ищу боковой вход. Вряд ли для рядового прослушивания они откроют главный.

— У меня приглашение, там всё написано, — сказала Селена спокойным голосом.

— Так давай его сюда!

— Я и так знаю, куда идти, — вздохнула Селена и, поймав удивлённый взгляд Ады, продолжила: — Мне всё подробно объяснили девочки со второго курса. Только вот стоит ли?

— Мы уже приехали. Сама мне говорила, что мечтаешь все дни петь на настоящей сцене!

Селена снова вздохнула и отвела взгляд, полный слёз:

— Всё равно не получится! Только опозорюсь! Поехали в магазины.

— Э, нет! Время уже упущено, и я очень хочу услышать тебя. Правда, — мягко сказала Ада, прижимая ундину к себе. — И если ты сейчас же не пойдёшь, я всё расскажу Рестрике, а она остальным ламиям. Уж они посмеются вдоволь.

Селена испуганно отстранилась.

— Да шучу! А ну пошли! Показывай дорогу.

Селена кивнула и юркнула за массивную деревянную дверь. Ада шагнула следом в прохладную темень узкого и сырого коридора.

— Селена! — позвала она, испугавшись, что останется одна и не найдёт выхода.

— Я здесь, иди на голос, — ответила хрустальным перезвоном ундина. Совсем далеко слышалось пение девушки, но слов было не разобрать. Шум походил на ласковый плеск волн на морском побережье.

Мысленно чертыхнувшись, Ада, вытянув руки, пошла вперёд, пока не наткнулась на подругу. По мере продвижения коридор расширялся и светлел, а в очередной поворот привёл в полутёмный зал, на освещённой сцене которого пела почти обнажённая девушка с голубоватой кожей, посыпанной какой-то пудрой.

В небольшом зале, похожем на партер театра, где вместо красных мягких кресел стояли длинные диваны, соседствующие с низенькими столиками, сидели другие девушки, каждая в одиночестве, и, наклонив головы, слушали песню о шторме в северном Океане, где никогда не бывает тихо.

Ада и Селена уселись на заднем ряду.

— А когда тебе выступать? — шёпотом спросила Ада.

— Тсс! Какая она удивительная, — зачарованно произнесла ундина и уставилась на певунью, лицо которой скрывали длинные волосы. — А песня какая! Магическая, у меня мурашки по телу.

Ада пожала плечами. На её взгляд, певица излишне старалась и от того выглядела слегка карикатурно со своими заламываниями рук, запрокидыванием головы и высокими нотами, взятыми напоказ.

— Уверена, ты сможешь лучше, — произнесла она, когда пение смолкло.

— Хорошо бы. Я следующая.

— Не бойся, я тебя поддержу.

По сигналу мужчины с носом, напоминающим клюв, который сидел в тени, справа от сцены, конкурсантка поклонилась и заняла своё место в зале. Ада порадовалась удачно выбранному наблюдательному пункту: ей всё видно, а она незаметна для участников этого спектакля.

Селена прошла на сцену, её шаги гулко отдавались эхом в почти пустом зале. Вот она встала и, закрыв глаза, запела на незнакомом языке. Вначале голос дрожал, но постепенно набирал силу, как ручеек, превратившийся в горную реку. Аде тоже хотелось закрыть глаза и превратиться в слух, слиться с голосом ундины, тёплым и ласковым, как ванна с пеной. Девушка поймала себя на мысли, что так хорошо ей давно не было. На глаза навернулись слёзы, не понимая слов, она была уверена, что поют о маме, той самой, которая впервые видит своего ребёнка и любит его, беспомощным, но крепким.

И вдруг всё разбилось. Тёмная рука непонятного страха сдавила горло, мешая дышать и думать. Паника сменила радость, тоска и серость — наслаждение пением подруги.

И вот пришёл зов. Он отличался от того, что слышала Ада на инициации, когда взмыла вверх на собственных широких крыльях. Там — был ласковый оклик, приглашение спуститься на землю, а сейчас — приказ, послушаться которого не было сил и воли. Девушка поняла, что сделает всё что угодно, только бы он прекратил стучать в голове, отдавая в виски и вызывая тошноту.

Она открыла глаза, боль немного стихла. “Посмотри, — шипел зов. — Взгляни на меня и замри”.

Ада поняла, что не подчиниться — значит, вернуть страх, который сродни смерти. Девушка посмотрела туда, где на диване ещё недавно сидел мужчина, слушавший сирен, но он уже был не один. За спинкой дивана, чёрной тенью стоял источник её боли и хозяин зова. Лицо высокого господина оставалось в тени, да и он сам казался порождением темноты, обитающей в углах нежилого дома. Мужчина, годившийся ей в отцы, стоял и спокойно рассматривал Аду, не пряча свой интерес. Так приглядывают антикварную вещь на барахолке, прикидывая, можно ли будет после выручить за неё сумму, покрывающую расходы.

Ада встала и пошла на зов, спокойно наблюдая за происходящим со стороны. В глубине души она чувствовала неловкость от того, что привлечёт к себе внимание и после придётся выдумывать причину, по которой подошла к незнакомцу. Она бы с радостью посмотрела на Селену, начавшую сбиваться и вскоре замолчавшую, но не могла отвести взгляд от синих глаз темноволосого в чёрном костюме. Он походил на ворона, который с одинаковой лёгкостью может давать как мудрые наставления, так и выклевывать глаза.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина, когда Ада приблизилась.

— Ада, — прошепел чужой голос, оказавшийся её собственным.

— До сих пор?! — гаркнул ворон. Желваки заиграли, квадратный подбородок обозначился ещё резче. Зов сдавил грудь Ады, словно тисками.

Кто-то вскрикнул, на пару секунд паутина морока ослабла, и Ада смогла сделать шаг в сторону, а потом, не разбирая дороги, побежать на онемевших ногах в спасительную темноту коридора, где можно обмануть нить, привязавшую её к ворону. Голова была пустой и тяжёлой.

Руки нащупали дверь и потянули на себя засов.

— Эй, поаккуратнее! — услышала она иронический окрик и тут же, щурясь от света, столкнулась с кем-то.

— Извините, — пробормотала она, сглатывая вязкую слюну.



— Да полно, это вы меня простите. А разве гарпии поют? — Голос был знаком. Слишком знаком, чтобы ошибиться. Она знала только один приятный баритон, превращающий каждую фразу в насмешку. — Ну и как пробы? Успешно?

И не дожидаясь ответа, белогривый галантно поцеловал Аде руку. Зов исчез, уступив место усталости и приятной расслабленности.

— Я тоже рад вас видеть, фурия. Признайтесь, вы ведь знали, что я приду сюда сегодня? — полутвердительно продолжил мужчина, пряча усмешку превосходства. — Хотели попросить прощения или выразить сожаления, что не пришли тогда в сад?

Ада уже почти пришла в себя, и случившееся стало казаться не более, чем игрой воображения. Зов исчез, будто девушка никогда и не слышала мысленных приказов, а стоявший напротив и ухмыляющийся дракон был реальностью, с которой надо что-то делать, например, стереть чувство превосходства с его лица.

При свете дня полутёмный театр казался иллюзией усталого разума или игрой расстроенных нервов. Что если просто померещилось? Но мужчина в чёрном вёл себя так, будто знал Аду или слышал о ней. Однако, беспокоило другое: она просто сбежала, бросив в ответственный момент подругу.

— Мне надо вернуться! — бросила Ада и, развернувшись, потянула ручку двери, всё ещё дрожа от пережитого.

— Подождите, — мягко произнёс дракон и накрыл своей холодной ладонью её руку. — Как только я вас повстречаю, вы сразу ускользаете. Это не честно. Так что вы здесь делали?

— Я пришла поддержать подругу, она как раз проходит прослушивание. А вы?

Ада посмотрела прямо в тёмные глаза дракона. С вызовом и дерзостью, словно хотела отыграть за досаду, грызущую девушку изнутри.

— Дракона не спрашивают о его целях и намерениях, — отстранившись, произнёс белогривый так, будто указывал прислуге на её место. Но тут же спохватился и виновато улыбнулся.

— Ну что ж. Значит, я только что сломала систему. Аллилуйя!

— Что это такое?

— Забудьте! — Ада снова развернулась к двери, но решила бросить на прощанье ядовитую стрелу: — Вы, разумеется, вольны оскорбиться и гордо уйти в закат.

— Не получится! Сейчас день.

Девушка поняла, что не может сдвинуться с места, тело предательски слушалось белогривого. Ада чувствовала, что при желании, она может сломать чары, но на это уйдут все силы, да и уходить вдруг расхотелось. Всего пять минут. Она выскажет дракону, всё, что думает о сильных мира сего и отправится утешать Селену, а заодно и просить прощенье за свой нелепый побег.

— Как вас зовут, рыжевласая?

— А вы до сих пор это не узнали?

Дракон засмеялся, как захваченный врасплох на месте преступления мальчишка, таскающий конфеты из буфета:

— Вы правы. У вас странное имя для Пришлой. Особенное, я бы сказал.

— Зато у вас, Марк, слишком обычное для дракона.

— Итак, Ада, я хочу получить ответ на вопрос: что вы здесь делаете? Почему не хотите мне ответить?

Ада посмотрела на него пристально, желая сказать очередную колкость, и с ужасом поймала себя на мысли, что ей хочется дотронуться до его щеки, клейменной знаком Истинного. Аккуратно, еле заметно провести кончиками пальцев по фарфоровой коже и...

— Идите своей дорогой. Вы заслоняете мне солнце, — произнесла она, чуть прищурившись и стараясь больше не поддаваться иллюзиям и непонятным чувствам.

— Какая прекрасная фраза! Я её запомню.

— Она не моя, увь. Но сейчас она точно выражает бушевающие меня чувства.

— Вы занятая! — с нежностью проговорил дракон и вновь улыбнулся. Сейчас он походил на довольного лиса, который получил удовольствие от мышинной охоты.

— Просто раньше вам никто не говорил правду, высокомерный Марк. Все только млели, угадала?

— Я слышал, что все гарпии — фурии, но вам больше бы подошёл факультет ламий. Змеиного яда у вас в избытке, — холодно ответил дракон, вновь заковавшись в панцирь.

— Я последнее время часто с ними общаюсь. И раз разговор не клеится...

— Хотите, я скажу вам, зачем пришёл сюда? — в глазах Марка что-то блеснуло. Ада подумала, что раздутая гордость. — Я жду дядю, чтобы вместе отправиться в Совет. Довольны? Вы первая, кому я дал отчёт.

— А взамен, я должна пасть низ и целовать вам ноги?! — Ада начала злиться на свою беспомощность и на мужчину, который, словно кукловод, из прихоти распоряжался её волей. А потом её пронзил страх, тот самый, от которого девушка и сбежала на яркий свет мостовой. Ада присмотрелась к Марку: открытое лицо, лукавый взгляд, — нет, ничего общего с человеком в чёрном, лицо которого она толком и не рассмотрела.

— Вы снова говорить непонятные для меня вещи, — равнодушно произнёс дракон, но уходить не спешил.

Ну уж нет! Если нельзя сбежать, она выскажет, что думает до конца!

— Попробую объяснить. В моём мире, ваша фраза, сказанная таким тоном, означает следующее: “Эй, детка, посмотри, кто перед тобой! Будь рада, что я вообще обратил на тебя внимание!”

Марк засмеялся: на это раз сдержанно, и снова уставился на Аду, как на диковинную игрушку:

— Внимание дракона дорогого стоит.

— Боюсь, мне нечем расплатиться за него! — выпалила Ада и тут же пожалела о сказанном, прозвучавшем неоднозначно. Конечно, есть, как и любой девушке из Пришлых!

— Вы в чём-то схожи с моей матерью, — тем временем спокойно произнёс Марк и с интересом взглянул на Аду, но как-то по-новому, словно увидел в ней то, что раньше оставалось скрытым.

— Она тоже гарпия?

— Нет, фейри ручьёв.

Марк замолчал и продолжал смотреть на Аду кошачьими глазами. “Всё-таки, лис”, — подумала девушка, невольно улыбаясь пришедшему на ум сравнению.

Пауза затянулась, но казалось, дракона это совсем не волнует. Прохожие стали кидать на них любопытные взгляды: парочка, стоящая в тени плакучей ивы, у боковой двери театра так близко друг к другу приковывала внимание. Ада понимала, что это неизбежно, хоть и неприятно. Они не походили на случайных знакомых или давних друзей, остановившихся перекинуться парой ничего не значащих фраз, скорее на тайных возлюбленных. Девушке почему-то стало стыдно, будто это она всеми силами удерживает дракона, а не наоборот.

— Марк, идите своей дорогой. Прошу вас, — произнесла она тихо, не глядя на него. — Я не лучший объект для лёгкого флирта. Не тратьте на меня время.

— Почему вы решили, что я с вами флиртую?

— А это не так? — Ада быстро взглянула в тёмные глаза Марка и не отводила взор до тех пор, пока он первым не сдался. Сколько времени это заняло, она не смогла бы подсчитать, даже под угрозой смерти. Секунду, казавшуюся вечностью, или вечность, промелькнувшую за полоборота большой стрелки на циферблате площадных часов.

Ада прикрыла веки и сосредоточилась на путях, удерживающих её здесь, рядом с этим непонятным мужчиной, вызывающим странное волнение. Совсем не любовный интерес, нет. Скорее это сродни затруднённой дыханию, неполному вздоху, от которого колет в груди.

— Вы умеете летать? — неожиданно спросил Марк весёлым тоном. Теперь в темноте глаз с голубоватыми белками прятались озорные искорки.

Ада растерялась, сбив настрой, который мог бы помочь очнуться от действия чар дракона.

— Немного, — смущённо ответила она. — Нам пока не разрешают много практиковаться. Говорят, должны окрепнуть крылья.

— Разве для этого не надо больше тренироваться?

Девушка пожала плечами.

— А вы когда научились летать?

— Я не помню. Наверное, когда и ходить. Или раньше. Однако, мне не верится, что вы легко смиряетесь с запретами, Ада.

Он произнёс её имя так, как пробуют дорогой коньяк, смакуя кончиком языка послевкусие.

— Мне ещё страшно. Я боюсь упасть, — произнесла Ада то, что совсем не собиралась говорить. Страх она считала позорным клеймом. Девушка, вынужденная сама пробивать дорогу в жизнь, не может позволить себе слабости, доступные маменькиным дочкам.

— Может, позвольте разделить с вами кусочек неба, скажем, на закате? Я вас не обижу и смеяться не буду, наоборот, покажу как держать равновесие.

Ада улыбнулась. Ей хотелось принять предложение, тем более, лишний раз ощутить встречный ветер в волосах, близость облаков и слетать туда, к снежным шапкам далёких гор на севере. Но как быть с предостережениями Соль и Эммы? Зачем им врать? А если, она начнёт сближаться с драконом, который по праву крови намного выше и сильнее? Стоит ему захотеть, и никто её не защитит. Дают ли в этом мире второй шанс? Ада очень в этом сомневалась.

— Спасибо за предложение, — ответила она, мысленно разорвав паутину морока на мелкие кусочки. Злость всегда помогала ей быть сильной. — Жаль, что я не могу его принять. Моя Соль права: между нами — пропасть, которую нельзя перелететь. Даже дракону и сыну всемогущего шестого Драка.

Ада юркнула в ледяную темень узкого коридора театра, не дав собеседнику вставить не слова. Надо уходить, пока может. Правда бодрит сильнее самого крепкого кофе.

## Глава десятая. Алый и другие цвета

— Ну что, готовы подняться в небо? — громогласно спросила Миролика Флай и оглядела выстроившихся в шеренгу первокурсниц факультета гарпий. Девушки привыкли на её занятиях смотреть себе под ноги, когда преподавательница вот так, как сегодня собирала их на лугу позади Кломхольма и как назло выбирала ветреную погоду.

— Научитесь укрощать ветер — сможете соперничать с драконами, — не раз повторяла низкорослая леди, которую и не заподозришь, что крылья вообще способны поднять её плотное тело от земли. Но Ада сама пару раз видела, как тренер взмывала вверх и легко закладывала в воздухе самые крутые виражи и входила в пике.

— А зачем нам с кем-то соперничать? — спросила тогда Ялисия.

— Узнаете позже, когда будете из себя что-то представлять, — оборвала Мирослава гарпию с медовыми волосами, туго затянутыми в узел на затылке.

— Эта выскочка везде слово вставит! — прошептала Далида Аде.

— Хочет, чтобы её заметили и запомнили все вокруг.

— Зачем?

— Есть такой тип лю...мужчин и женщин, — пожала плечами Ада. — “В каждой бочке затычка” называются. Она думает, что станет любимчиком и лучшей на курсе.

— Кто тут у нас самый разговорчивый? — строго спросила Миролика и остановилась напротив подруг. — Давай, Грекова, с тебя и начнём.

Ада вышла вперёд, приготовившись расправить крылья за спиной. Она уже чувствовала покалывание между лопатками и совсем перестала поёживаться от холода. Мурашки, бегавшие по коже, прикрытой двумя полосками ткани, исчезли, уступив место разливающемуся изнутри теплу, будто Ада выпила чашку глинтвейна.

— Погоди! Сейчас я научу вас обращаться. Кто знает, что это такое? Ялисия, прошу вас, — Мирослава указала на переминающуюся с ноги на ногу девушку, старающуюся всеми силами обратить на себя внимание преподавательницы.

Увидев, что её знаки не остались без поощрения, девушка сдержано улыбнулась и вышла из шеренги:

— Спасибо, что разрешили ответить, — начала она традиционный ритуал благодарности учителю. — Обращаться — значит сменить кожу, стать гарпией и внешне, и внутренне.

Ялисия выдохнула и довольная собой посмотрела на Миролику. Но та лишь нахмурилась в ответ:

— Поменьше общих слов из учебников. Как ты это понимаешь?

— Я... Я думаю...

— Прекрасно! Способность, как необходимая, так и редкая, к сожалению. Итак...

— Это способность сосредоточиться на полёте и не бояться нового облика.

— Ты, я смотрю, тоже боишься потерять красоту? — Миролика обошла вокруг долговязой девушки, откровенно рассматривая её со всех сторон, и довольно хмыкнула. Аде стало жаль выскочку, на веснушчатом лице которой пылала краска смущения и стыда. — Ну, а Адалика что нам расскажет? Пособие по полётам процитируешь?

Ада подобралась и выдохнула:

— Надо принять себя такой, какая ты есть!

Эта фраза была универсальной, прочитанной где-то, то ли в журнале “Космополитен”, то ли в умной статейке, подsunутой Яндексом, в духе “семь приёмов, позволяющих жить на полную катушку”. Приёмы не работали, а фраза — всегда.

Вот и теперь, Миролика подошла поближе и заглянула снизу вверх в лицо девушки, словно желала проникнуть в её мысли. Ада испугалась, что преподаватель подумает, что она хотела посмеяться над мадам Флай.

— Простите, если сморозила глупость.

— Тебе нравится холод? — неожиданно спросила та.

— Не очень. Но если надо, потерплю.

— А что ты скажешь, если я прикажу тебе раздеться?

— Я это сделаю, — ответила Ада без тени смущения, чем вызвала одобрителный смешок Далиды и аханье у остальных.

— Почему? Тебе нравится обнажаться, хочешь мне понравиться или думаешь, что я не посмею такое приказать?

Миролика напоминала следователя, вцепившегося в подозреваемого мёртвой хваткой, потому что сроки поджимали, и начальство требовало закрыть дело сегодня же.

— Боишься, что тебя выгонят? — продолжала она допрос, прохаживаясь вокруг Ады так быстро, что девушка видела только фалды её длинного чёрного платья, треплемые ветром.

— Я хочу летать лучше всех, — выкрикнула Ада.

— Зачем?

— Не знаю, просто чувствую, как зовёт небо, как шепчут звёзды и плывут ватные облака, — Ада говорила всё, что приходило на ум, она чувствовала, что на её стороне правда, которая поможет.

Миролика вздохнула:

— Осторожнее! Я тренировала некоторых, таких же, как ты, и из трёх вернулись только двое, — грустно проговорила она и замолчала, уставившись вдаль. Потом встрепенулась и сурово посмотрела на девушек:

— Думали, я забыла о вас? Грекова, раздевайся! Быстро! И ты, как тебя там? Ялиссандра?

— Ялисия, госпожа. Мне надо снять всё?

— Нет, две полоски, — усмехнулась Ада, подавляя желание закрыться руками. К чему? Мужчин здесь не было, а узкая ткань и так скрывала самую малость.

— Ты слишком много дерзишь, Грекова! — цыкнула Миролика. — Начинай!

— А что мне делать? Крылья выпустить? — спросила Ада, чувствуя за спиной приятную тяжесть и ломоту в плечах.

— Не торопись! Сосредоточься! А вы все — смотрите! Этого в своде правил не прочесть! Надо чувствовать! — прокричала Миролика притихшим девушкам. — Молодец, Ялисия!

Ада посмотрела на веснушчатую и чуть не раскрыла рот от удивления: кожа Ялисии с ног до головы была насыщенно-горчичного цвета, словно она натянула комбинезон, спина, ягодицы и живот оказались покрыты рисунком в виде завитков и концентрических окружностей. Белки глаз так сверкали в нарастающих сумерках, что больно смотреть, а крылья покрылись перьями, как у орлицы. И всё же Ада отметила, что Ялисия стала, пожалуй, даже красивее, чем прежде: исчезла сутулость, спина расправилась, и крылья горделиво сложились за спиной.

— Ой, вот это превращение! Браво! — Миролика захлопала в ладоши, ей вторили остальные, включая Аду. Счастливая новообращённая приложила руки к груди и наклонила голову в знак признательности.

Ада судорожно соображала, как сделать так, чтобы и у неё получилось. Все потуги оканчивались неудачей. Ада твёрдо решила, что если сегодня ничего не выйдет, она вообще не пойдёт спать, а тайком выскользнет из комнаты и будет пытаться снова и снова.

Тело ломило от усталости, крылья раскрывались и вновь повисали, Аде казалось, что ей в спину вонзали нож, раз за разом, но девушка, сжав зубы, не произносила ни звука. Спортивная злость больше не помогала. Хотелось тихонько плакать, сев в уголке и закрывшись от всего мира руками.

— Давайте кто-нибудь ещё! — тем временем равнодушно произнесла Миролика, потеряв к Аде интерес. Её взгляд говорил лучше всяких слов: “Тебя переоценили”.

— Похоже, эту яму тебе не перелететь! — чуть слышно произнесла Ялисия, скривив тонкие губы. Узоры на щеках потеряли красоту и гармонию, смявшись в вертикальных морщинках около рта.

Сквозь тело Ады словно прошёл электрический ток. “Эту пропасть нельзя перелететь”, — сказала

она напоследок Марку. А что если препятствия существуют только в нашей голове? Мы сами не верим в себя, оттого нас и преследуют неудачи?

Мысли перескочили к Марку. Она ушла так поспешно, что до сих пор чувствовала себя виноватой. Дракон ничем её не обидел, только предложил помощь в полётах. Как оказалось, она ей была очень нужна.

А Марк, видимо, подумал, что она какая-то дикая. Зато теперь точно отстанет. Эта мысль наполнила Аду непрошенной грустью. Крылья за спиной перестали слушаться, то взмахивая от каждой тревоги, то складываясь за спиной, словно хотели согреть хозяйку в прохладе сгущающихся сумерек и порывах ветра.

Ада закусила губу от досады, на глаза просились слёзы. Далида тоже легко обернулась: изумрудный оттенок кожи очень шёл ей. Подруга пыталась утешить, но лишь усиливала отчаяние Ады. Видя это, гарпия обняла девушку, обдав запахом лесных цветов, и отошла.

Ада понимала, что осталась в числе отстающих, и надо было срочно взять себя в руки. Каждая попытка только усиливала неуверенность в себе. И прекратившиеся письма всё время не выходили из головы. Хотя, три дня ещё не срок...

Как она там сказала Марку на прощание: “Эту пропасть не перелететь”. Значит, раскрытие — это её потолок? Всё так и закончится, отбытием домой, в изначальный мир? А вдруг, письмо придёт уже завтра, но Ада так никогда его и не прочтёт?! Больше не будет неба и обтекающего тело ветра, ощущения свободы и силы за спиной? И совместных полётов? Они с Далидой уже сговорились, как только подучатся, устроить состязание в воздухе. Может быть, и с Марком удалось бы полетать?

Ада внезапно почувствовала слабость в ногах и подумала, что сейчас рухнет на зелёный ковёр на глазах у всех и решила устоять во что бы то ни стало. Вскоре по босым ногам пробежал электрический ток, поднимаясь всё выше, захватывая каждую клетку тела, пока не достиг макушки. Было щекотно, потом пришла боль, будто тысячи мелких иголок вонзились в обнажённую кожу, на руках выступили капли крови. Они стали сливаться между собой, и вот уже скрыли белую кожу под алым пупырчатым узором.

Ада оглядела своё новое тело, насколько могла, кинув взгляд даже на крылья, раскрывшиеся за спиной. Они превратились в алое пламя, на которое хотелось смотреть бесконечно. Сердце зашлось от дикой радости быть здесь и сейчас. Получилось! У неё получилось!

Оглушённая внутренним ликованием, ослепшая от собственной окраски, Ада хотела лишь одного: взлететь. Это неукротимое желание билось в ней, подобно сердцу готового к внешней жизни, но ещё не рождённого ребёнка.

— Ну, я не сомневалась! — услышала девушка довольный голос Далиды.

— А я уже было начала! — усмехнулась Миролика и обратилась к остальным: — А теперь обращаемся снова. Полётов на сегодня не будет!

— Как так? — неслось со всех сторон.

Внутри у Ады будто всё оборвалось, но стоило закрыть глаза и начать считать вдох-выдох, как желание полёта отступило и свернувшись калачиком, затихло в глубине живота.

Вновь почувствовав холод, Ада открыла глаза. Всё было как прежде: луг, вечер, Миролика с развевающимися фалдами чёрного платья и обнажённые тела, белеющие в ночи. Девушки спешно одевались и молча расходились, словно после какой-то мистерии. Аде не хотелось разговаривать, как и Далиде, шагавшей рядом и всё время вздыхавшей.

Уже на самом пороге подруга, шедшая впереди, затормозила и обернулась с лукавой улыбкой:

— Кстати, тебе письмо пришло. Из Министерства образования.

— И ты молчала?!

— Я боялась, что оно помешает тебе сосредоточиться. Прости, если была права.

Аде не хотелось злиться, тем более вид у подруги был более, чем виноватый. В серых глазах плескалось любопытство.

— Ладно, — усмехнулась Ада. — Пойдём, почитаем, что там он придумал на этот раз!”

## Глава одиннадцатая. Приглашения

“Предлагаю отдохнуть после учёбы в пятый день Апалала в Золотой Тиамат. Не отказывайте, прошу! Там подают дивные арагорийские устрицы под розовым соусом. Вас никто не увидит, обещаю. Захотите уйти раньше — держать не буду. Ну, почти”.

— Опять без подписи, — произнесла Ада, рассматривая лощёную бумагу с золотыми вензелями. — Почему нельзя себя как-то обозначить? Приписку сделать?

— Наверное, считает, ты и так узнаешь отправителя.

— Некультурный и самоуверенный...дракон. Одним словом.

— А что это ты так злишься? — Далида подошла ближе и заглянула подруге в глаза. — Щёки покраснелись. А, поняла: давно не писал?

— Глупости! Я вообще никуда не пойду, — Ада отшвырнула от себя лист со сложенным под ним серым конвертом и демонстративно открыла створки шкафа с намерением пересмотреть и проветрить свои вещи. Это было настолько шито белыми нитками, что не могло никого обмануть. Полка шкафа, на которую Ада складывала вещи, всегда оставалась полупустой: всего три сменные формы для занятий, пара комплектов нижнего белья из грубой ткани и серебристое платье, добытое на дне сундука Виванны, фейри-модистки. Долго не завозишься!

— Ты и впрямь не пойдёшь? Осталась неделя.

— Я сказала, — упрямо повторила Ада, подавив неуместное сожаление, вспыхнувшее в глубине души.

— Скажи хоть причину. Настоящую.

— Я не понимаю, что ему от меня нужно. Только не говори о любви. Мы перемолвились всего парой фраз.

— Ааа. Понятно, — произнесла Далида, откинувшись на подушки. Ада захлопнула дверцы шкафа и сделала то же самое. Из приоткрытой створки тянуло ночной прохладой. — Селена мне говорила, что тебя долго не было. Парой фраз, видать, не обошлось.

— Много ты знаешь о мужчинах. Ты же ни с кем не встречалась!

— Не забывай, я — суккуб. Пусть и не состоявшаяся. Любовным интересом тут за версту несёт!

— Ничего подобного! Мне безразличен Марк Ладон.

— О как! Я вообще-то не о тебе говорила. А уже и имя узнала, — засмеялась Далида. — Тебе нужно новое платье. Эти, как их? Жёлтые пластинки ведь не потратила?

— Рувы. Конечно, нет. Я предпочитаю простую воду всяким бодрящим эликсирам местной столовой.

— После обращения, нам должны позволить внеплановый налёт на магазины. Поедем вместе?

— А Селена?

— Она будет ждать ответа из театра и никуда носа не высунет. Сама сказала.

— А что такое этот Тиамат? Ресторан?

— Не знаю ничего о сторонах. Но вот, что там вкусная еда, слышала.

Ада усмехнулась и призадумалась: права ли Далида? Что она чувствует к Марку? Честно? Заглянув вглубь себя, решила: исключительно интерес, приправленный капелькой лёгкого флирта и нотой желания нравиться. А впрочем, так ли это важно?

Далида упоминала, что драконы иногда женятся на Пришлых. Какое слово верное: иногда или женятся?

С этими мыслями она и заснула.

Ада была пламенем, которым хотел овладеть лёд серебристой пещеры. Алые крылья распускались за спиной, оставляя разводы в воздухе, и с каждым их взмахом одежда на теле девушки таяла, растворялась, подобно снегу под апрельским солнцем. Но ледяные кристаллы, сверкающие как

драгоценные камни, нежно треща, словно нащёптывая милые глупости, подступали всё ближе и совсем не боялись огненных крыльев. Стоило отвернуться от них, как Ада чувствовала холодное дыхание за спиной, будто лёд был живым существом, тянущим руки к обнажённой горячей коже девушки.

Крылья держали его на расстоянии, но Ада понимала, что вскоре они не смогут противостоять северному вторжению, и с нетерпением ждала этого, ещё более разжигая огонь в груди и внизу живота.

Ада отвернулась, не в силах смотреть на кристаллы, слившиеся в один огромный камень. Сердце билось где-то в горле, крылья обернулись вокруг неё, спрятав от внешнего мира, как в детстве, когда забираешься под одеяло, накинутое на сдвинутые стулья.

И наступила тишина, прерываемая лишь возбуждённым дыханием. Ада боялась шевельнуться, ожидая чего-то и одновременно боясь, что ничего не произойдёт, кроме того, что лёд отступит.

Девушка прикрыла глаза, пытаясь собрать разбегающиеся мысли и найти выход, вернуться в привычную зелень лугов, к ласковому ветру, привычно дующему в лицо. Две Ады были заключены в одном теле. Одной, то, что происходило сейчас с ней, казалось неправильным, а другая — радовалась, как статистка, отдающаяся за крошечную роль режиссёру на пыльном столе в тёмной подсобке.

Ноги задрожали, Ада побоялась, что сейчас упадёт, по коже пробежал холодок, крылья исчезли, как последняя броня девственницы. Разумное “Я” больше не властвовало и тихо смотрело со стороны, как ледяные руки обнимают её тело за талию, спускаясь всё ниже, по округлостям бёдер, чтобы вновь подняться вверх, туда, где в ямке между ключицами бьётся синяя жилка.

Рыжие волосы аккуратно отведены назад, оставив шею беззащитной перед ледяными поцелуями. Огонь внутри Ады уютно тлел, как уголёк в камине домашнего очага, а снежный белогривый дракон продолжал гладить кожу девушки, покрывшуюся мурашками.

Потом Марк резко развернул Аду к себе, и, не дав опомниться, впился в её губы...

Девушка вскрикнула и проснулась, дрожа то ли от холода, то ли от охватившего её возбуждения. Льянные простыни походили на раскалённую сковородку.

Одеревенелыми пальцами, стараясь не разбудить мирно спящую Далиду, Ада нащупала свёрнутую на стуле одежду и кое-как нацепила на себя мокасины. Шлёпая задниками, она побежала в душ, находящийся на этаже, моля о том, чтобы в нём никого не было. Надо смыть с себя наваждение и прийти в себя. Пока ещё не поздно.

Через пару дней пришло другое письмо, пахнущее мускусом и горячей кожей, а ещё немного страхом. Белая лощёная бумага, золотые вензеля, складывающиеся в причудливый узор, не могли сгладить ощущения чёрной злости, разившей от послания.

“Держись подальше от драконов”, — было написано незнакомым крупным почерком с сильным нажимом. И всё: ни адреса, ни отправителя, будто письмо подкинули под дверь.

Так оно и было, поскольку на все расспросы привратник, голем-великан из голубой глины, только разводил руками. Ада проверила и службу Кломхольма по связям с внешним миром, где трудились три брата, похожие на лилипутов.

— Никаких новых писем вам не приходило, — ответили они, стоило заполнить бланк-требование о доступе к интересующей информации. И все трое уставились на Аду, по их скептическим взглядам совсем не детских лиц девушка поняла: доложат Соль, а может, и ректорессе. Хотя её запрос внешне выглядел невинно.

— Надо узнать, кто подложил письмо, — загорелась идеей Далида. После каждого занятия она начинала разрабатывать планы, всё время разные, временами авантюрные, граничащие с безумием, но дни шли, а девушки так ничего толком и не выяснили.

— Мне уже надоело. Забудем, — предложила Ада, как только они уселись на скамье в ожидании первого занятия по врачеванию, которое должна была вести сама Жилка Фрирр.

— Как знаешь. Только потом о нём больше не говори.

— Договорились.

— О чём вы вечно шепчетесь? — спросила дриада Мара, уставившись на девушек жёлтыми глазами.



— Тебе-то что? — огрызнулась Далида. — Сиди тихо и продолжай дальше выслуживаться перед Жилкой. Боишься, что второй раз накажет?

— Я теперь одна из её любимец с нашего факультета, — кокетливо передёрнула плечами дриада, откинув назад зелёные волосы, заколотые спереди древесными защипками.

— Надеюсь, так будет и впредь, — услышали девушки со спины звонкий голос Соль, незаметно вошедшей в класс. — Приступим.

Жилка всегда выглядела свежей и неутомимой, будто законы физического мира были не для неё. Магия давала определённые преимущества владевшему ритуалами, но и требовала огромного напряжения сил. Полёты приносили Аде радость, хоть и отнимали немало энергии. Любое проявление магии было опасно для тех, кто не полностью познал этот мир и сложные взаимосвязи, пронизывающие его.

В первый урок Жилка показала, как справляться с головной и зубной болью, если те застали врасплох, но это давало лишь кратковременный эффект.

— А как избавиться от них навсегда?

— Это тема явно не первого урока, — ответила преподаватель, потрянув золотистыми кудрями, но глаза её оставались серьёзными.

— Пожалуйста, расскажите, Соль, — неслоь со всех сторон.

— Ну, так и быть, немного общей теории не повредит. Для любого серьёзного дела требуются двое, а иногда и трое. Единоличной властью целителя обладают некоторые маги. Вам же придётся взаимодействовать между собой. Искренней настрой на результат, правильно выбранное время и заклинание над собранными ингредиентами — и всё получится. Каждая дриада уже талантливый целитель, остальным же надо практиковаться больше.

Девушки с распустившимися цветами и веточками в волосах заулыбались и снисходительно посмотрели на гарпий.

— А теперь у меня для вас приятная новость. Ежегодно, Маги приглашают первокурсниц с двух факультетов на праздник Мидсумар, который состоится через пять дней. На этот раз повезло вам. Это будет красивый вечер, Покорители Воздуха покажут много чудесного, будьте горды выпавшей вам честью. Я и Эмма Минос, наша уважаемая ректор, тоже будем там.

Жилка сделала паузу, обводя всех присутствующих сияющим взглядом, а потом добавила:

— Выберите себе хорошие платья завтра, не тратьте день Посещения на разные глупости.

Соль так пристально посмотрела на Аду, что внутри у девушки всё покрылось инеем. Фрирр кивнула ей:

— Останься, ма вила. Тебе будет особое напутствие.

## Глава двенадцатая. Новые знакомства и почти подарки

День Посещения, отведённый подругами под поход по магазинам готового платья, за примеркой и перерывами на горячий кофейный напиток, бодрящий и одновременно успокаивающий расстроенные нервы, пролетел почти незаметно.

Торговые залы, начинающиеся в Переулке Модисток, зазывали посетительниц яркими мигающими вывесками и витринами, оформленными вручную в виде картин, рассказывающих на разный лад истории о невестах и просто красивых юных девушках. Одна из них, с белокурыми длинными волосами откинулась на постель, глаза манекена были прикрыты, а рука, прижатая ко лбу, должна была выразить отчаяние молодой девушки. Фарфоровое личико с едва заметным румянцем, казалось, принадлежало живому человеку, розовое бальное платье и ленточки в льняных волосах разметались по белоснежной перине, можно было во всех подробностях рассмотреть полупрозрачный шифон с мелкими стразами, покрывающий юбку и лицо манекена.

— Может, такое взять? — спросила Далида с сомнением.

— Розовое идёт только блондинкам.

— Ну, не знаю, — проворчала подруга и наконец отлипла от витрины.

Далеко, однако, девушки не ушли.

— Посмотри, какие шляпки! — ахнула Ада, застыв у витрины, выполненной в стиле старомодной комнаты, в которой сидело пять лисов, головы с заострёнными ушами-кисточками были украшены аккуратными шляпками с полупрозрачными вуалетками, придающими таинственность рыжему собранию.

— А туда уместно будет явиться в шляпе? — вернула подруга Аду в действительность.

— Ладно, пошли дальше.

— Заходите ко мне, вилы. В лавке Витора Силкинса всегда рады покупателям. — Поклонился им невысокий мужчина с чуть намечающимся брюшком, проступающим под светлой толстовкой. Торговец больше походил на любителя попить пиво, сидя на диване во время просмотра футбольного матча, чем на продавца роскошных платьев, но было в его улыбке и хитрых лучиках морщин вокруг светлых глаз что-то притягательное, отчего забываешь обо всём на свете и просто говоришь “да”, невзирая на последствия.

Внутри лавка была больше, чем можно предположить, заглядывая через витрину с выставленной в ней винтажно-одетой дамой. Лавка была заполнена манекенами, застывшими в причудливых позах, словно Ада с Далидой попали в разгар бала, прерванного заклятием старой ведьмы. Несмотря на прохладу, царившую внутри, очень хотелось пить.

— Отведаете бодрящего эликсира, дающего свежий цвет лица? Что это я? Конечно, да, — затараторил хозяин и засуетился.

— Мы не хотим вас утруждать, — промолвила Ада, опасаясь, что если так и дальше пойдёт, то от сэкономленных средств не останется и следа. Рувы надо беречь, иначе придётся идти в том же серебристом наряде.

— Да какое там! А за рувы не бойтесь. Это бесплатно, — торговец вновь поклонился, на этот раз ещё ниже, чем на улице. — А вы пока расскажите-ка, на какой праздник собираетесь. Помолвка, смотрины или чей-то день рождения?

— Мидсумар, — тихо ответила Ада и внимательно посмотрела на хозяина. Тот еле заметно вздрогнул и на минуту отвёл глаза, но потом вновь принялся улыбаться и трещать без умолку.

Один из манекенов, изображающий женщину, одетую в платье, похожее на семь рядов паутины, обёрнутой вокруг тела и пышную юбку зелёного цвета, вдруг ожил и поднёс на белой тарелке два фужера с бурлящим внутри прозрачным напитком. Ада почувствовала тонкие вибрации вокруг себя, слышала еле уловимые скрипы и стоны старого дерева и шелест листвы, доносящиеся из глубины магазина. Да и бесплатные эликсиры, стоящие как квартальная стипендия, — всё это было невероятным даже для Дольного мира.

Ада осторожно взяла прохладный фужер и вдохнула клубящийся над поверхностью напитка пар. Шестым чувством она распознала, что истинный эликсир абсолютно безвреден и, закрыв глаза, выпила залпом кислотоватую жидкость. Далида взяла было другой бокал, но Ада остановила её руку на полпути ко рту.

— Подожди, что-то тут не так.

Хозяин и вовсе замолчал и перестал натянуто улыбаться. Посерьёзневшее лицо было гораздо симпатичнее для Ады, чем недавняя довольная маска угодливого продавца.

— Так, и кто вы, разрешите узнать? — выпалил Витор и уселся на бочку, стоявшую недалеко от прилавка. Он сложил пухлые руки на животе и склонил голову набок, сделавшись похожим на старого грифа.

— Мы — гарпии первого уровня, — ответила Ада, сделав знак Далиде помолчать.

— Слишком ты прозорлива для первого уровня, — гаркнул хозяин.

— А что не так?

— А всё не так! Эликсиры у меня знатные, голову дурманят даже Магам, не говоря уже о Пришлых. А ты вона кака! Как зовут?

— Ада.

— А, так и знал, — рассмеялся хозяин и хлопнул себя по полной ляжке. — Везёт же мне! Из стольких посетителей Переулка натолкнулся на вас! Невеста для Мага прибыла, значит?

— Почему для Мага? — не удержалась Далида.

— Да потому что пять лет назад саламандра Маириам ушла к волкодлакам. Теперь на зеркальную подошла очередь Магов.

— Зеркальную? — спросила Ада, не понимая, о чём идёт речь.

— На тебя, то бишь, гарпия первого уровня. Твоё имя читается наоборот так же, как и обычно. О чём там Хедрик думал? Пригласить зеркальную гарпию в такой год! Старому миру точно приходит конец, — ворчал Витор, меряя шагами лавку.

— Вы знаете Хедрика? Грифона? — вскрикнула Ада.

— А то, — ухмыльнулся Витор и отбросил каштановую прядь волос со смуглого лба. — Он такой же осколок старого мира, как и я.

— А кто же вы, уважаемый? — спросила Далида. — И зачем хотели нас отравить?

— Зачем отравить? — удивился хозяин, всплеснув руками. — В Стокл мне ни к чему! Так, морок навести, да за лежалый товар рувы вытрясти. Это я могу. А вас скорее ламии отравят, те ещё змеи!

— А вы значит, сама доброта! Зачем мне всё рассказываете? Даже в Кломхольме ничего толком не объяснили, кроме того, что я должна сменить имя.

— Хитрюги, с Мойрой играть решили. В моё время старуху уважали и не шли наперекор, а нынешние светозарные считают себя выше Судьбы. Да только её не обманешь! Она, вона как, привела к старому дубовику зеркальную, — Витор достал из кармана трубку и, дунув в неё, принялся пыхтеть едким дымом. — Я помогу тебе, Ада. И сильные платя обеим справлю за бесценок. Ну, почти.

— И будете дальше здесь торговать, обманывая невинных девушек? — возмутилась Ада.

— А как же? — удивился тот, выпустив трубку изо рта. — Что ж мне теперь, прикажешь, дело закрыть? Это у вас, гарпий, мир справедливый. А где вы были, когда Драконы пожгли мою дубовую рощу? То-то же...

— Наверное, за дело? — усмехнулась Далида.

— Какое там! Чистой воды обман! Что я такого делал? Ну, угощу кого отравленной пищей, так это просто жертва в честь меня, дубового эфа. А оберегать целую рощу — не шутка! Раньше на это смотрели сквозь пальцы, а потом, взбесились, мораль поменяли, нельзя, стало быть. Убийство. Да и не лучших я приговаривал к трапезе, поверьте. Времена меняются...

— Понятно всё с вами. Так зачем же, если я гарпия, мне помогать?

— А ты когда за сильного Мага выйдешь, не забудешь Витора, справишь ему патент на лучшее место в Переулке.

Ада нахмурилась и кивнула. И тут же спросила:

— А что стало с Маириам?

— Померла она. Беременной. Слухи ходили, что Драконы лапу приложили, да доказательств не было. Так и остались волкдлаки без будущего вожака. Но пока ты не появилась, мир был в равновесии. А теперь? Отживает своё старый свет... Перемены придут вскоре в Илиодор...

## Глава тринадцатая. Повторные встречи

— Теперь мне понятен смысл слов Соль, — протянула Ада, глядя в окно, стоило девушкам усесться в экипаж, призванный доставить их с покупками домой.

Далида, расположившаяся напротив, забарабанила пальцами по изящно упакованным коробкам с новыми нарядами, заботливо уложенными рядом на сиденье.

— Кхм, кхм.

— Прости меня, пожалуйста, она просто запретила мне говорить.

— А ты давно стала чтить запреты? Как письма получать, так мы можем, а как с ближайшей подругой поделиться, так “запретили”!

— Ты права, Далида! Я думала, что Соль желает нам добра...

— Может и так, по-своему оберегает. А личные интересы шкуре дороже, как говорили у меня дома.

— Тебе везде мерещатся заговоры. С чего ты сразу поверила рассказням этого Витора? Не забыла? Он нас опоить хотел!

— Всё так, — Далида склонила голову на грудь и обняла колени руками, будто сидела не в экипаже, а у себя на постели. — Никому не надо доверять. Даже если подруга не договаривает, чего ждать от остальных!

— Да ладно, не сердись, пожалуйста! Жилка пообещала меня кое с кем познакомить. Сказала, что это очень важно для моего будущего, — сказала Ада и, видя, что Далида хочет её перебить, добавила: — С женщиной-Магом.

— И чем она тебе может помочь?

— Этого, разумеется, не объяснили. Но я знаю её имя — Лилиан Вилтор.

— Уже кое-что. Я поспрашиваю у старшекурсниц, — задумчиво проговорила Далида.

— Только не прямо. Ты как бы ничего о ней знать не должна.

— Думаешь, я совсем дурочка? — фыркнула гарпия. — Расспрошу об известных семьях среди Магов. Наша ведьма наверняка среди них.

— Попробуй, — с сомнением сказала Ада и надолго замолчала, пытаясь свести воедино всё узнанное за сегодня. Далида пыталась продолжить затухший разговор, но увидев, что Ада отвечает рассеянно, тоже замолчала.

Вернувшись в Кломхольм раньше остальных, девушки первым делом отнесли коробки наверх. Аде хотелось примерить платье из нежно-зелёного, как молодая листва, шёлка, но Далида, оставив подругу и не сказав ни слова, отправилась по своим делам.

Ада раскрыла коробку и провела кончиками пальцев по шёлковому морю, оставляя позади узкие вдавленные полосы, похожие на волны. Аккуратно сдвинув ткань, девушка достала пару резных листьев, на ощупь шершавых и жестких, похожих на огромные кувшинки. Ада слышала о таких: стоило встать на лист, и он сам принимал форму ноги, в итоге получалась красивая, надёжная обувь, которая нигде ни жала и не натирала. Рестрика говорила, что в вербенах, как называли эту обувь дриады, её создатели, ноги сами просятся в пляс, а походка становится летящей, как у фейри цветов.

Слышала Ада и другое: будто подобные туфельки изготавливают не только для благих дел. Суровый ко всяким несовершенствам, Нардик Стенсен, с затаённой радостью рассказывал, как неуклюжих девушек туфли для танцев делали ещё более неловкими. А что можно ожидать от дубового эльфа, промышлявшего в роще, как разбойник с большой дороги?

Но идти в студенческих мокасинах было бы ещё худшим вариантом. Уж лучше терпеть и молить небо о пощаде.

Зажмурившись, Ада наступила в центр листьев и тут же вскрикнула, но они уже обвили ступни и зелёными щупальцами, будто пальцами, накрыли щиколотки, поползли вверх, обжигая кожу как стебли крапивы. Жжение вскоре прекратилось, зато на ногах девушки красовались лёгкие сапожки с чуть загнутыми носами. Невесомые, словно паутина, они как раз пришлись по размеру, в такой обуви хотелось кружиться по комнате, приплясывая в такт весёлой музыке, звучащей в голове.

“Время примерить платье ещё настанет!” — подумала Ада, услышав сигнал, донёсшийся из пневматической трубы, и как была, в сапожках и нижнем белье, достала капсулу и с нехорошим предчувствием раскрыла письмо, оказавшееся вызовом в каминный зал.

Ада спешно сняла обувь, дотронувшись до узора на шиколотке, и напялила серую форму. Сначала нашивка на груди иногда напоминала ей номерной знак, как в концлагере или в тюрьме, сразу говорящий прохожим, кто перед ними. Но со временем, девушка перестала об этом думать и даже почти не замечала его.

Пройдя по коридору этажа, где жили гарпии, Ада старалась угадать, зачем и кому она так срочно понадобилась. Начав спускаться, девушка смотрела себе под ноги, по привычке считая летящие вниз ступени. Тридцать первая, тридцать вторая, тридцать третья и площадка в пять шагов... Разворот, не упасть на второй ступени с предательской выемкой — всё стало привычным и дошло до бездумного ритуала.

— Ада...нта! — услышала девушка дрогнувший голос Соль и чуть не столкнулась с ней. Никогда ещё на её памяти, Жилка Фрирр не выглядела столь растерянной, но куратор быстро обрела былую уверенность и строго посмотрела на воспитанницу. — Иди быстрее, тебя не будут долго ждать!

“Кто?” — так и вертелось на языке, но Ада сдержалась. Осталось двадцать три ступени и поворот направо приведёт к высокой комнате с молчащим в середине лета камином и мягкими диванами, сидя на которых чувствуешь себя турецкой принцессой.

Двадцать три ступени, и она будет внизу. Их оставалась двадцать, когда Ада резко остановилась. Подняв голову, словно от удара хлыста, девушка ощутила, как по коже пробежал холодок. Внизу стоял и откровенно рассматривал её господин средних лет, в тёмно-сером костюме. Тот самый квадратный подбородок и глубоко посаженные глаза. Нет, она не могла ошибиться! Это был ворон из театра. С чёрной меткой дракона на щеке!

— Что вы застыли? Вас не научили кланяться при встрече с представителями Истинных рас? — отрывисто спросил незнакомец. У него был резкий скрипучий голос, вводивший слышавшего его поначалу в ступор, но стоило побороть первое впечатление, как Ада отметила про себя, что мужчина гораздо моложе, чем ей показалось в начале. И вообще, просто строго одет, “с иголки”, бояться его нет никаких оснований. В конце концов, девушка здесь не одна.

Ада вопросительно взглянула на Соль, надеясь, что та подскажет как себя вести, но Жилка ловила взгляд дракона и, похоже, сама ждала, что будет дальше.

— Я задал вопрос и не собираюсь торчать тут более ни минуты.

— Я...шла в каминный зал, — проговорила Ада. Язык во рту сделался огромным и плохо слушался хозяйку, а стук её сердца, наверняка, слышали все в замке. — Меня позвали.

Чужой посмотрел на Жилку и та охотно пояснила:

— Хедрик Доден просил её позвать. Старый знакомый.

— Зачем она понадобилась грифону?

Ада почувствовала, как краснеет и спрятала улыбку: в каминном зале её ждал Хедрик, первый, от кого она узнала о Дольном мире! И кто дал ей неплохой совет относительно Соль. Может, он поможет прояснить ситуацию и расскажет больше о зеркальном имени?

— Уверена, это просто встреча старых знакомых, — проворковала Соль. — Эмма нас уже заждалась, сиятельный.

— Значит, подождёт ещё несколько минут, — произнёс мужчина и, не сводя глаз с девушки, поднялся по лестнице, остановившись несколькими ступеньками ниже. Ада не могла отвести взгляда от его строгих синих глаз.

— Знаешь, кто я?

— Не-ет, — выдавила из себя девушка.

— Врёшь, — отрезал тот и повернулся к Жилке. — Пойдём, нам много о чём надо поговорить с Эммой, а времени в обрез.

— Готовься к Мидсумар, зеркальная, — бросил Аде мужчина на прощанье.

— Она не...

— Знает, сиятельная. И в этом ваша вина.

Соль на мгновение нерешительно остановилась на вершине лестницы и бросала на Аду взгляды, полные тревоги. Девушка по-прежнему стояла на той же ступеньке, с которой увидела ворона-дракона, будто приросла к ней. Мысли лениво перекатывались в голове.

— Такое рано или поздно становится известно каждой подобной, — медленно проговорила Жилка так, будто Ады здесь и не было.

— Это вас не оправдывает, — мужчина резко повернулся и стал подниматься. По мере того, как он удалялся, Ада чувствовала облегчение, словно невидимые пути ослабевали, и она снова становилась собой. Девушке о многом хотелось спросить Соль прямо сейчас, кинуть в лицо обвинение в том, что её используют, как пешку в шахматной игре, но Ада боялась возвращения мужчины в сером костюме, противостоять которому была не в силах.

— Иди куда шла, — бросила Жилка с улыбкой. — И ничего не бойся. Скоро ты всё поймёшь. Возможно даже скорее, чем требуется.

Соль ещё раз ободряюще улыбнулась и поспешила наверх, придерживая полы белоснежного платья.

Ада стремглав кинулась вниз, чуть не сбив с ног Остелию, неторопливо выплывшую из-за поворота.

— Аккуратнее! — отчеканила та, скривив губы. С этой гордячкой Ада всегда старалась держаться ровно, признавая и уважая в ней аристократическую кровь, но сейчас девушке было не до любезностей. Она даже не посмотрела на гарпию, буркнув: “Извини” и поспешила дальше, туда, где её ждал Хедрик. Грифон, способный ответить на массу вопросов, которые теснились у Ады в голове.

— Прекрасно выглядишь! — протянул Хедрик в ответ на приветствия девушки, засыпавшей его с порога вопросами. Грифон сидел в кресле у молчащего летом камина, закинув ногу на ногу, и весело улыбался. Он был в точности таким же, как запомнился Аде с первой встречи.

— Подскажи мне, что делать?

— Разделить со мной следующие пару минут. Мне скоро опять в путь.

Ада, видя, что иначе разговора не будет, присела в кресло напротив и наклонилась в сторону грифона:

— Ну...

— Учиться хорошо, стать советником в суде или выйти замуж и родить лидера. Выбор богатый, — Хедрик подмигнул Аде.

— За Мага?

— Это уж как надумаешь. Или почувствуешь. Только не то и другое одновременно, — произнёс грифон и, встряхнув синим хохолком, поднялся на ноги. — Давай прощаться, чтобы рано или поздно увидеться вновь.

— Так зачем же ты меня звал? Чтобы вот так исчезнуть, не сказав ничего важного? — возмутилась Ада.

— Если ты не можешь чего-то услышать, вовсе не значит, что это не было сказано. Смотри, даже камин зажёгся от твоего гнева, — ухнул Хедрик, и Ада обернулась, проследив за его взглядом.

Угли камина и впрямь вспыхнули, добавив духоту тёплому июльскому вечеру.

— Твои проделки? — Ада повернула голову, но комната уже опустела. Угольки мирно тлели в камине, и через секунду последняя искра погасла.

— Ну всё, — произнесла вслух Ада, будто обращалась к кому-то невидимому. — Вы меня вынудили. Я пойду на свидание к Марку и узнаю всё, что от меня так тщательно пытаются скрыть!

## Глава четырнадцатая. Арагорийские устрицы и другие приятности

— Всё-таки решилась? — полу утвердительно спросила Далида, видя приготовления Ады.

— Сама видишь. — Девушка ещё раз посмотрела на себя в зеркало и поправила складки зелёного платья. — Ну? Как я выгляжу?

— Нервной.

— Сюда бы колье. — Ада провела кончиками пальцев по белоснежной коже в глубоком декольте, открывающего чуть больше, чем ей хотелось бы. Сквозь шёлк перчаток она ощутила биение сердца.

— И так славно. Иди уже, а то я обзавидуюсь.

— Странная ты, — произнесла Ада, обернувшись на пороге. — Не передумала девственницей оставаться?

— Нет! Иди, а то сейчас кружкой вдогонку запущу.

Ада улыбнулась и выскользнула за дверь. Коридор был пуст, но это не значило, что её выход останется незамеченным. Потом придётся давать ответ на неприятные вопросы, но сейчас её это совсем не волновало.

Когда она торопливо спускалась по лестнице, платье прошелестело слишком громко. Девушка бросила взгляд на часы над входом и выскользнула в прохладу летней ночи. Повея обнажёнными плечами, Ада спряталась от любопытных глаз под тёмной накидкой с капюшоном, закрывающим пол-лица. Девушка оглядела пустой двор и тёмный сад, откуда доносилось стрекотание неутомимых насекомых, и поспешила по освещённой фонарями дорожке к воротам.

Шорох гравия под ногами, шелест шёлка, стук собственного сердца, звуки ночи — всё казалось колокольным набатом, возвещающим об ужасном преступлении против института, ставшего ей домом. Впрочем, Ада понимала, что все в курсе её свидания и не останавливают нахалку лишь из негласного правила Кломхольма: каждая воспитанница несёт ответственность за свои поступки сама, она вольна делать, что хочет, но после — за всё даст ответ.

Ответы... Это было как раз той причиной, по которой Ада решилась на свидание с Драконом. “Основной”, — мысленно добавляла она каждый раз, чувствую болезненный укол совести. Девушка хотела увидеть Марка, перекинуться с ним парой ничего не значащих и не к чему не ведущих колких фраз, заглянуть в его чёрные глаза и немного пофлиртовать. Самую малость, так, для поднятия жизненного тонуса.

Руки поклонник до сих пор не распускал, так что принуждать к большему вряд ли будет. Как выяснила Ада, закон охраняет воспитанниц Кломхольма от притязаний постороннего мужчины, даже если он — сын пятого Драка, члена Совета и правительственной гильдии. Значит, надо разговорить Марка и вытянуть из него правду, на которую намекают все вокруг. Это как кусочки паззла, всё никак не складывающиеся в общую картину.

— Ада, я польщён: ты пришла, — услышала девушка вкрадчивый баритон Ладона за своей спиной. Задумавшись, она совсем забыла о происходящем вокруг.

— Но где ваш экипаж, сиятельный? Или вы своим ходом добрались? — Ада развернулась с улыбкой на губах. Она намеренно не стала снимать капюшон, чтобы видеть реакцию мужчины, не обнажая своих чувств.

Марк молча поклонился девушке и аккуратно взяв её за локоть, увлёк в сторону:

— Я подумал, что вам не хотелось бы лишней огласки, поэтому оставил его неподалёку. Жара спала, так что пройтись будет нам обоим на пользу. Вы так не считаете, вила?

— Это значит воспитанница Кломхольма?

— Не только. Любого учебного заведения, дающего право на дальнейшую работу.

— Есть другие? — Ада так жадно впитывала информацию, что совсем не смотрела по сторонам, не разбирала дороги, которой её вёл дракон, не думая о том, как после ужина вернётся обратно. Её почти не волновал элегантный мужчина рядом. Хотя она и чувствовала исходящую от него ауру спокойной уверенности и достоинства А ещё лёгкий, терпкий, щекочащий обоняние душик палёного дерева и пепла потухшего костра.

Марк рассказывал об академии с мудрёным названием, которую закончил пару лет назад, а Ада ловила себя на мысли, что хочет вечно идти рядом с ним, чтобы не было никакого продолжения



знакомства, дабы не разочароваться в этом элегантном мужчине с белоснежными волосами, падающими на высокий лоб.

— Позвольте вам помочь? — прервал её измышления Марк, когда они становились около двух чёрных пегасов, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу возле раскидистого дуба, вдали от основной дороги.

— Вы предлагаете мне ехать верхом?! — возмутилась Ада, когда поняла, что экипажа не будет. — Могли бы предупредить. Я не одета для конных прогулок.

— И лошадей боюсь, — добавила она, опасливо косясь на красные глаза пегаса.

— Они смиренные. И платье не помнётся, не беспокойтесь, — насмешливо ответил Марк, глядя на растерянную девушку.

“Зря я это затеяла”, — мелькнула мысль, но в ту же минуту пропала, стоило ей оказаться в крепких, но холодных руках дракона, с лёгкостью посадившего девушку в широкое седло. Прикосновения были приятными, но по спине Ады пробежали мурашки, стоило той ощутить под собой тёплое тело храпящего животного.

— Я упаду.... Никогда не ездила в дамском седле, — Ада пыталась подавить нарастающую панику и не проболтаться, что вообще сидела на лошади пару раз и то в детстве, когда родители прокатали её два круга по парку на смирной гнедой.

Тем более мягкие крылья, вырастающие из лопаток, щекотали руки и лицо девушки. При каждом лёгком взмахе создавался неслабый ветер, а что будет, когда животное заработает ими в полную силу? Да Аду просто сдует!

— Не упадёшь, я рядом, — произнёс Марк и легко вскочил позади Ады, приобняв девушку одной рукой и схватив другой уздечку. Ада одновременно испытывала неловкость от такой близости малознакомого мужчины, с другой — была в этом какая-то щекотливая приятность, которую девушка всеми силами старалась не показывать.

— А второй конь? Всё время будет привязанным?

Марк лукаво улыбнулся и выкрикнул слово на непонятном языке. Пегас, привязанный к ветке, тотчас встрепенулся и, замахав крыльями, подняв кучу пыли, резко поднялся в воздух. Державшая коня бечёвка натянулась, и мудрёный узел, фиксирующий привязь, распустился. Зависнув на пару минут, вороной описал в воздухе неширокий круг и взмыв ещё выше, полетел прочь, в западном направлении.

— Дома меня подождёт. Пора и нам выдвигаться, если ещё хотите попробовать устрицы и настоящий кофе. Как по мне, так он лучше всяких иных бодрящих сладостей.

— Мы полетим? — Аде стало зябко. Одно дело управлять своим телом и крыльями, это так же естественно, как и писать или переносить кружку, ухватившись за ручку. Другое — довериться без всякой страховки крылатому коню и насмешливому Дракону, уверенно захватившему её в кольцо рук. Марк совсем не прижимал её к себе, не нарушал известных границ, что импонировало девушке, но и не собирался отпустить, даже решилась она проявить характер и отказаться от поездки.

“Не откажешься”, — ухмыльнулся внутренний голос. Ада вздохнула и закрыла глаза, чтобы не видеть, как внизу удаляется земля, уменьшается раскидистый дуб, и картинка становится похожа на игрушечный пейзаж, заключённый внутри стеклянного шара.

— Уже можно смотреть, — промурлыкал баритон возле уха, и девушка подчинилась. Ей сейчас было это совсем не сложно. Наоборот, хотелось ощутить себя введомой и не думать ни о чём, кроме предстоящего ужина.

Внизу проносились тёмные тени и мелькали огни домов. Смотреть туда не хотелось. Ада хранила молчание, будучи не в состоянии что-либо спрашивать и сосредотачиваться на ответе. Марк тоже ничего не говорил, он, чуть нахмурившись, вглядывался вдаль. Лишь иногда, заметив, что Ада смотрит, на его губах мелькала лёгкая улыбка.

Дорога заняла чуть больше времени, чем ожидала притихшая Ада. Мышцы свело от усталости, всё тело было разбитым, словно она целый день провела за непривычной физической работой. Полёт завершился так же благополучно, как и начался.

— Почему у вас нет автомобилей? — вздохнула Ада, когда Марк помог ей спуститься. Откуда-то совсем рядом доносилось фырканье других лошадей. Проспект, рядом с закоулком, где и

приземлился пегас, был ярко освещён и многолюден. Даже отсюда виднелись разодетые дамы, на головах которых красовались маленькие шляпы золотого века Голливуда и элегантные господа в стильных костюмах, подсаживающие своих спутниц в открытые экипажи, запряжённые обычными лошадьми. Красивая жизнь, словно сошедшая с экрана, открылась перед восхищённой Адой лишь одной гранью, но и этого было достаточно, чтобы захотеть присоединиться к толпе радующихся и — сделаться частью высшего света.

— Что это?

— Самоходные повозки, — вернулась в реальность Ада.

— Есть, отчего же. Только затратно всё это, — Марк подвёл Пегаса к ближайшим воротам, освещённым одним фонарём. На стук вышел громадный голем, одетый как швейцар, и с поклоном принял лошадь. — Каждому дан запас магии на день, и дело хозяина, куда его потратить. А кроме самоходных экипажей приходится лечить царапины, восстанавливать силы после длительного перелёта и... очаровывать молодых девушек.

— Перестаньте надо мной подтрунивать, пожалуйста! Я уже не различаю, когда вы серьёзны, а когда шутите.

— Договорились. Оставшийся вечер я буду говорить вам только правду, согласны, гарпия первого уровня?

Ада рассеяно кивнула и с осторожностью посмотрела по сторонам, опасаясь, как бы кто не узнал в ней новую воспитанницу Клонхольма. Марк, кивая налево и направо, уверенно шёл к подобно Солнцу сияющему золотыми огнями, одноэтажному зданию, напоминающему пирамиду майя, какими их видела девушка на картинках в учебнике истории.

— Это и есть зиккурат “Золотая Тиамат”, один из лучших на улице Процессий, — с гордостью сказал спутник и пропустил девушку вперёд. Двери раскрылись, и Ада оказалась в длинном коридоре, освещённом подсветкой на полу. По обе стороны клубилась непроглядная тьма, в ушах звенело от тишины. Ада представляла себе ресторан иначе: там непременно должен стоять стук приборов по тарелкам, висеть люстра в полпотолка и расфуфыренные официанты, ловко лавирующие между столиками с подносами в поднятых руках, должны носить белоснежные перчатки.

— Разочарована? — Марк наслаждался её растерянностью и недоумением, должно быть, написанным на лице. — Жалеешь, что платье никто не увидит?

— Нет. Куда мы идём?

— Я же обещал тебе уединение. Нас никто не потревожит, — Марк понизил голос так, будто они находились в шумном зале.

Ада резко развернулась и наткнулась на стоявшего позади Марка, в глазах которого в полутьме окружающей обстановки вспыхивало синее пламя.

— Мы уже на ты? Или это ловушка? Насколько я знаю, закон охраняет таких как я? — говорила Ада, и мысленно судорожно искала выход из сложившейся ситуации, а заодно ругала себя за опрометчивость и наивность. В груди жгло пламя.

— Что такое? Я не собираюсь причинять вам зло. И как обещал, удерживать не буду. Драконы, между прочим, и писали эти законы.

Марк поднял руки в знак примирения, и Ада остыла. Девушке стало неловко, будто она споткнулась на ровном месте и тем самым обнажила внутренние страхи и неуверенность.

— Так может, и впрямь отбросим условности и перейдём на ты? Я не враг тебе, Ада, — произнёс Марк и дотронулся до руки девушки, заглянув в глаза. Аде захотелось прижаться к нему и заплакать, излить в слезах всю мерзость и безвыходность своего положения, заключающуюся в простом слове: предназначенная. Помимо её воли и желания.

Но стоило посмотреть на метку, впечатавшуюся в щёку мужчины, как наваждение уступило место животному страху: его дядя был тем самым вороном-драконом, которого она боялась до колик в животе. Он внушал ей ужас даже тем, что мог легко заставить Аду повиноваться. Такого совсем не интересовало её мнение и чувства. В глазах черноволосого Дракона отражалось лишь презрение. Она была товаром, разменной монетой в неведомой игре. Было бы справедливым, хотя бы узнать, ради чего зеркальную приносят в жертву государственным интересам.

Марк мог помочь прояснить всё, только захочет ли?

— Но друг ли? — спросила Ада и уставилась на мужчину, силясь прочитать по лицу бушевавшие

его эмоции. Это было не сложно, учитывая её познания в Магии виновных.

— Друг, поверь. И хватит меня проверять! Я обещал сегодня быть с тобой честным.

Марк предложил девушке руку и повел по коридору, который чем дальше они шли, тем ярче подсвечивался снизу, однако по бокам стояла всё такая же непроглядная тьма.

— Куда мы идём?

— В кабинку. Да не дёргайся, это всего лишь ужин. И всё. Ну, если не считать приятного разговора с красивой женщиной, которая хочет беседовать со мной лишь о скучных вещах.

Кабинка представляла собой квадратное помещение, освещённое тремя газовыми рожками. В интимной полутьме ярким пятном выделялся угловой красный диван, который просто кричал: “Я предназначен для вкусной трапезы и любовной игры!”

Аду вновь охватили сомнения в том, правильно ли она сделала, согласившись на свидание.

— Ты вся горишь. В таких случаях спасает вино, — произнёс Марк, усадив девушку с краю, и налил в высокий бокал молочно-белую жидкость.

— Это точно оно?

— Попробуй сама. Прекрасное и непревзойдённое “Молоко Драконицы”.

“А по виду похоже на нечто другое. Нет, что за пошлые мысли лезут в голову!” — подумала Ада и осторожно пригубила сладковатую жидкость, пахнущую цветами и мёдом. Потом сделала большой глоток, прохладный напиток разливался по телу, придавая мыслям тягучесть, а телу — расслабленность, как во время отпуска в тёплом краю, когда лежишь в густой тени в гамаке, и свежий бриз обдувает открытое тело.

— Ну что? Мой пафос был уместен?

— Вполне, — ответила притихшая Ада и, покосившись на металлические блюда на столе, накрытые непрозрачными крышками, сделала ещё один глоток сладкого вина. Разговор предстоял серьёзный, поэтому от добавки Ада решительно отказалась.

— Ты голодна, наверное? Слышал, все гарпии наделены отменным аппетитом. Хотя по тебе этого не скажешь.

— А Драконы едят обычную пищу?

— Сейчас сама увидишь. Не желать арагорийские устрицы, все влажные от розового соуса — гастрономическое преступление, — Марк говорил, не сводя с неё глаз. Голубоватые белки иногда поблёскивали пламенем. Аде вновь сделалось жарко, так, будто речь шла не о еде, а о ней самой. И это было чертовски приятно — чувствовать себя желанной! Не политической игрушкой, а женщиной, сидящей напротив привлекательного мужчины, от которого разлило уверенностью и мускусом.

Чтобы не смутиться ещё больше и не выдать симпатий, Ада решила промолчать и оценить хваленых моллюсков.

Огромное плоское блюдо в центре стола и оказалось тем самым деликатесом. Марк ухаживал за ней, сказав, что предпочитает разговор без посторонних глаз и ушей. Заведение подобного рода гарантировало конфиденциальность, конечно, если твой спутник — Дракон.

На голубом фарфоре, по кругу были выложено двенадцать устриц, каждая размером с ладонь. Их прикрывали сверкавшие кусочки льда, похожего на те, что Ада видела в недавнем сне. В центре блюда стояли три соусницы, наполненные густыми ароматными жидкими приправами различных цветов.

Девушка смутилась. Мало того, что в прошлой жизни она видела сей деликатес только в шоу из жизни миллиардеров, где на белоснежных яхтах накачанные мужчины в окружении длинноногих моделей вальжжно выпивали одну раковину за другой и, деланно морщась, закусывали долькой лимона. С другой стороны, раковины ведь были живыми, пусть и безмозглыми. А это накладывало отпечаток на удовольствие от приёма столь изысканной пищи.

— А какой из трёх соусов вкуснее? — спросила Ада после непродолжительного раздумья. Надо было съесть хотя бы одну, чтобы сославшись на тяжесть в животе, отказаться от остальных и перейти к приёму нормальной еды.

— Розовый. Полей чуть-чуть. Вот так.

Через пару секунд, не дав Аде опомниться, Марк присел рядом и, взяв устрицу, аккуратно раскрыл створки. Послышался щелчок, и студенистое, прозрачное, как слеза, содержимое, содрогнулось, когда на него капнули лимонным соком и густой, тягучей как карамель, жидкостью. Дракон поднёс раковину к губам Ады и, как бы случайно, провёл холодными пальцами по её щеке. Ада выпила, почти не чувствуя вкуса, стараясь не издавать никаких звуков, вроде хлюпанья, но Марк не уходил, буравя девушку чёрными глазами.

Ада нутром чувствовала, что последует за этими взглядами. Ей хотелось остаться на месте и просто позволить ему делать, что он хочет. Один раз и больше они не увидятся. Завтра — Мидсуммар. У Ады будет муж и другая жизнь. Лучшая ли?

Однако, что-то внутри неё зашептало о самоуважении. Зачем ей идти на поводу у Марка? Что он хочет: поиметь зеркальную, чтобы хвастаться в кругу друзей, просто секса без обязательств с понравившейся новой Пришлой или всё это заранее обдуманый план его дяди и подобных ему по укреплению власти Драконов?

Ада и сама не заметила, как задала этот вопрос вслух.

Сидевший рядом отстранился и с непроницаемым лицом пересел на изначально уготованное ему место.

— Всё мимо. Ты мне в самом начале понравилась, а уж потом я понял, кто передо мной. Это, во-первых. А во-вторых, мой дядя — четвёртый Драк, и у него достаточно забот помимо моих симпатий. Он рассказал, что видел тебя в институте. И если хочешь знать, приходил к вашему ректору, а не тебя разыскивал!

— Эмме?

— Конечно, он учредитель и благотворитель Кломхольма. Тагир очень много делает для города и страны в целом.

Марк говорил жёстко, словно бросал в Аду обвинения на суде, девушке стало стыдно и неловко от того, что она вечно высказывает свои мысли вслух. Что на неё находит, когда Марк Ладон рядом? Или эта сущность гарпии дала о себе знать?

— Не сердитесь, но ваши попытки меня обольстить выглядят слишком откровенно. Этого хоть вы не будете отрицать?

— Ну всё, оскорбилась и снова строишь стену. Как с тобой сложно!

— Ищите там, где легче, — бросила Ада и встала. — Я хочу домой, в институт.

Марк раздражённо пожал плечами и тоже поднялся, бросив салфетку на стол.

— Как пожелаешь. Ответь только: есть способ доказать, что ты ошибаешься в своих предположениях?

— Расскажи мне о зеркальных. Всё, что знаешь, без утайки.

— Хорошо. Но это займёт много времени. Сделаем так, — оживился Марк и улыбнулся — Обещаешь мне ещё одно свидание? Только одно. Мы ведь так и не выпили вместе кофе.

Ада растерялась. Её очень хотелось ответить да, но оправдан ли риск? Девушка чувствовала, что сближается с Марком больше, чем ей того хотелось. Но как ещё узнать правду о себе? Надежд на Соль и остальных нет, кто остаётся?

— Я согласна, Марк. Но и вы пообещайте, что расскажите мне всю правду. И не причините зла, не принудите к тому, на что я не буду готова.

Дракон посмотрел на девушку долгим взглядом и кивнул.

Ада рассердилась на себя за такую откровенность и одновременно прислушалась к внутренним ощущениям, нашёптывающим, что от Дракона исходят какие-то волны. Ада улавливала их на подсознательном уровне, но ухватить связь мешали эмоции.

Помолчав, Марк произнёс:

— Меня тянет к тебе. Сам не пойму почему.

Ада снова, словно под гипнозом, сказала первое, что промелькнуло в голове:

— Меня тоже.

Не успела девушка обругать себя за неприлично-правдивый ответ, как оказалась в объятиях Марка. Дракон нежно коснулся губами её полураскрытого рта, и Ада выпала из времени, ни о чём уже не жалея.

Но кратким поцелуем всё и ограничилось.

— Вот видишь, я держу данное слово, — улыбнулся Марк и предложил Аде руку. Девушка с благодарностью её приняла, заранее дав себе обещание в следующий раз быть настороже и не поддаваться влиянию Дракона. Каким бы повелительным и манящим оно ни было.

## Глава пятнадцатая. Сиятельные

Вернувшись домой, Ада застала в своей комнате Селену. Ундина сидела в кресле, абажур торшера бросал на её лицо с покрасневшимися глазами широкую тень. Вокруг суетились растерянные Рестрика и Далида. Последняя предусмотрительно поднесла палец к губам, чтобы вошедшая не сболтнула лишнего.

— Что случилось?

Селена отвернулась и всхлипнула. Ада отметила, что ундина сегодня совсем на себя не похожа: без огромных серёг, которые она так любила, волосы забран на затылке в небрежный пучок — во всём облике сквозила небрежность отчаявшегося.

Подруги пожали плечами: Рестрика с выражением лица, мол, “всё блажь, нашла о чём убиваться”, Далида с молчаливым сочувствием.

— Ничего страшного, — вздохнула Селена, не поворачиваясь. — Мне пришёл отказ.

“Ну, это не так уж неожиданно”, — подумалось Аде, а вслух она сказала:

— Не расстраивайся так, это я сорвала тебе выступление. Прости ещё раз, не понимаю, что на меня тогда нашло”.

Ада подошла к сидящей в кресле Селене и обняла её сзади, положив голову девушке на плечо.

Рестрика задумчиво произнесла:

— Нет, не похоже, что дело в тебе.

— Согласна, — поддержала ламию Далида.

Ада с удивлением уставилась на обеих подруг.

— Я чего-то не знаю?

— Письмо пришло три дня назад, — пртянула Селена смятый кусок бумаги, в котором угадался серый конверт официальных уведомлений. Обычно такие приходили из Министерств.

Ада осторожно расправила его на коленке. Внутри лежало письмо, написанное на дешёвой шершавой серой бумаге. Такой тонкой, будто предназначенной для скручивания сигарет.

“Вы нам не подходите. Извините за неточные сведения, отправленные ранее”. Ниже стояла подпись директора театра и замысловатая печать.

— Было ещё одно письмо, — пояснила Селена, вытирая тыльной стороной ладони заплаканные глаза. — Там говорилось, что меня взяли в дополнительный состав труппы.

Девушка закашлялась. Ада давно замечала, что здешний климат, при всей его мягкости, не прибавлял здоровья Селене. А уж когда ундина нервничала, у неё попросту был нездоровый вид.

— Что такого случилось за три дня? — ходила по комнате с видом дознавателя Рестрика, откидывая назад светлые жидкие волосы. — Ну и духота у вас! Совсем не проветриваете?

— Может, просто передумали. Взяли другую. Почему вы все считаете, что здесь непременно скрыт какой-то секрет?

— Чувствую, — вскинула и без того вздёрнутый носик ламия. — У нас же нюх на тайны. К тому же, от бумаги разит страхом и... почтением, вплоть до угодничества. Словно кто-то стоял за плечом писавшего и проверял, правильно ли тот подбирает слова.

— Зачем же портить мне жизнь? У меня нет здесь врагов..., — принесла Селена и непонимающе уставилась на письмо, словно оно могло выдать мотивы директора, так быстро меняющего свои решения.

— Дай сюда, — Рестрика стремительно выхватила мятую бумагу, всё ещё лежавшую на коленях Ады и, прокусив запястье, ламия несколько секунд стояла с закрытыми глазами. На её губах была кровь, которую девушка торопливо слизала раздвоенным язычком. Открыв глаза, сделавшиеся из голубых почти жёлтыми, ламия поднесла письмо к лицу и жадно вдохнула носом.

— Так и думала. Я всё верно сказала. Если бы можно было добыть немного крови писавшего эту ерунду, я бы могла отпределить, кто его заставил.

— Правда? — оживилась сирена. — А сколько надо крови?

— Вы тут всерьёз это обсуждаете? — встряла Далида, не дав Рестрике сказать ни слова. — Даже если она права, что с того? Ну узнаешь ты имя и должность запретившего тебе выступать в театре, и что? Пойдёшь выяснять отношения? Справшивать почему?

Селена опустила голову:

— Нет. Не хочу услышать, что бездарна, — еле слышно сказала девушка. — Я просто попробую в следующем году.

— Да, это правильно. Директор сейчас всё одно решения не поменяет. Ты только настроишь его против себя, — поддержала мысль Далиды Ада.

— Дело ваше, — фыркнула Рестрика, вновь став прежней миловидной девушкой. — Какие вы, однако, бесхребетные! Да попадись мне на пути тот, кто решил распорядиться моей судьбой без спроса...

— Дальше можешь не говорить. Нам всем уже страшно, — засмеялась Далида. — Ну, не сердись! Просто в случае Селены, всё это бессмысленно.

— Смотрите сами. Как знаете, — пожала плечами ламия. — Ладно, мне пора.

Рестрика замешкалась на пороге, словно что-то обдумывала, а потом повернулась и посмотрев на Селену произнесла:

— Немного надо. Три капли вполне хватит, только свежей, не вчерашней.

И тихо выскользнула за дверь.

Тут же засобиралась и сирена.

— Ты смотри, змею-то не слушай, — предупредила Далида, видя колебания девушки. — Им палец в рот не клади, дай интриги плести. А тебе ни к чему. Да и можем ли мы быть увеены, что она не расскажет всё ректорессе при первом удобном случае?

— Эмма... Точно. Это она интересовалась у меня результатами прослушивания, а через день пришло второе письмо. Я уверена, что это она! Только сейчас вспомнила... Я вс удивлялась, что она вспомнила моё имя...

— Но зачем ей тебе мешать? Могла бы прямо запретить, без этих тайн, — Ада задумалась. Явных причин вставлять палки в колеса сирене первого уровня, которую приняли в один из дополнительных составов труппы, не было. По крайней мере, таких, о которых бы знала Ада. Но ламии редко ошибаются, тем более с применением заклятья на крови. Это — универсальный проводник, позволяющий им узнать любую тайну, если та напрямую касается интересов третьего лица. — Далида права. Забудь и живи дальше. У тебя ещё будут шансы.

— Кстати о шансах, — оживилась Далида. — При Рестрике говорить не хотели. Мы выяснили, кто такая эта Лилиан.

— Какая Лилиан? — Ада сняла платье и переодевалась в ночную рубашку. После насыщенного вечера и выпитого вина девушке очень хотелось спать.

— Которая тебе должна помочь, — раздражённо сказала Далида. — Наша Соль ещё обещала познакомить с ней... Ну, Ада, сама же говорила!

— Ааа. Точно, — позёвывая, произнесла девушка. — Простите, девчонки, я так устала.

— Хорошо прошло свидание с Марком? — переключилась подруга-гарпия. Что-то насмешливое и тревожное послышалось Аде в её тоне.

— Норально. Я ещё не всё выяснила...

— Зато мы смогли узнать главное, — перебила Далида. Селена сидела притихшая и тоже жалостливоо смотрела на Аду.

— Говорите уже!

Сердце девушки ухнуло вниз в предчувствие несчастья.

— Лилиан Витор — девушка из знатного семейства Магов. Одного и самых родовитых. Красивая, умная, способная ведьма.

— И что? — Ада начала терять терпение, поэтому просто не смогла дослушать воззвания сирены магессе.

— Хорошо, здесь сладко не будет, — согласилась Далида и, сев на постель рядом с Адой, ихо сказала:  
— Она — невеста Марка. Того самого. Марка Ладона. Младшего сына пятого Драка.

“Ну и что? Ничего ведь не произошло. Просто надо вычеркнуть Марка из своей жизни. Да его в ней толком и не было”, — утешала себя Ада в моменты душевного волнения или некстати подвернувшихся воспоминаний. Иногда у неё получалось.

Но не в день празднования Мидсумар — летнего солнцестояния. Сегодня будет не просто бал, как им объяснила Соль, ожидается сбор всех Магов. Ведь там объявят имена новых жриц, контролирующих потоки энергии, управляющей Дольним миром, даты помолвок и свадеб, а будущие женихи присмотрят новых девушек среди приглашённых.

Ада подозревала, что вечером ей представят потенциального кандидата в мужа, и все ждут от неё если не восторгов, то примерного поведения и смирения. Девушка могла бы пойти на поводу у жаждущих такого союза и изобразить покорность, но в душе противилась подобной игре. Актёрство совсем не входила в сферу её талантов.

— Только прям там не начинай сопротивляться! — посмеивалась Далида. — Я иду повеселиться, а не смотреть драму с заламыванием рук.

— Прям по Шекспиру.

— По кому? Это что ещё за травоядное?

— Так, драматург. Писал пьесы для театра.

— Тогда Селена о нём слышана. А он хорош собой?

— Как сказать, драматург давно умер! — засмеялась Ада, поправляя складки зелёной юбки. Это всё уже было: такое же платье, тёплый летний вечер, обещающий встречу с мужчиной, застолье с невиданными деликатесами и так и невыпитым кофе. Но стоило вспомнить о студенистом теле моллюска, сжимавшемся от предчувствия беды или капли лимонного сока, как ностальгия уступила место отвращению.

А теперь всё иначе. Что ж! Ада старалась не поддаваться унынию, девушка давно взяла себе за правило ни о чём не жалеть, считая, что всё, что ни делается, к лучшему. Значит, её судьба — один из Магов. Истинные надеются, что через неё получают сыновей, будущих лидеров и вождей. Из-за власти весь сыр-бор.

Однако, беспокоило иное: зеркальные часто не выживали. Стоило им забеременеть, как девушки умирали. Далида и Рестрика собрали полное досье, в правдивости сведений сомневаться не приходилось.

— Что опечалилась? Опять о своём Драконе подумала?

— Далида, чем больше ты мне будешь о нём напоминать, тем скорее поверю, что и впрямь равнодушна к Марку.

— Всё, молчу! — всплеснула руками подруга и захихикала. — А посмотри, этот дубовик и впрямь не обманул: платье прекрасное. Почти ничего не скрывает, как я люблю.

Ада была другого мнения: толстый хранитель рощ посмеялся над Далидой, выбрав для неё такой наряд, в котором и в прошлом мире зеркальной было бы неприлично показываться. Треугольное декольте, узким клином доходившее до пупка, открывало всем имеющим глаза пышную грудь бывшей суккуб, прикрытую лишь маленькими кусочками ткани и татуировкой. Платье прямого покроя доходило до колен Далиды и, к счастью, не имело разрезов. Все попытки их сделать были жёстко пресечены Адой.

— А тебя не смущает, что окружающие могут решить, что ты доступна?

Далида удивлённо посмотрела на Аду, словно та задала вопрос, лишённый смысла:

— Какая разница, что подумают другие? Я же знаю, что это не так. И зачем прятать тело, данное тебе родителями, будто это что-то неприличное?

“Треховное”, — сразу подумала Ада. Смелость подруги её восхищала.



— Ладно, тогда выходим, — сдалась девушка. Надо перестать прятаться от судьбы и встретить уготованное ей с высоко поднятой головой.

Но все планы разбились в холле Кломхольма, стоило Соль выхватить её из толпы наряженных гарпий.

— Прекрасно выглядишь, ма вила! Но что за странный выбор цвета? В знак уважения к стихии Воздуха, могли бы выбрать оттенки голубого или, на худой конец, надеть белое.

Платье Фрирр тут же поменяло оттенок на голубоватый.

— Вот такое, например. Ну да ладно, не в одежке дело. Всем, кому я тебя представлю, отвечай вежливо и прибавляй “сиятельный”. Поняла?

— Даже женщинам? — Ада не могла не съязвить. Уж она скажет этой Лилиан, та точно засияет! И что они сделают? Обрато не отправят, а ради такого удовольствия можно потом и посидеть на хлебе с водой неделю-другую! Да, ведьма не виновата, что жених увлёкся другой, но жизнь вообще несправедлива, пусть терпит!

— Естественно. И не столбеней, как тогда с Тагиром. Будто приведение увидела! Из какой глуши Хедрик тебя вытащил?

Ада смолчала, леденя от одного только упоминания дяди Марка. Снова это имя! Только зачем оно ей? В сердце теплилась надежда, что больше они не встретятся.

— Ни с кем без моего разрешения первой не заговаривай. Подойдут — улыбайся и больше помалкивай. Но главное — чтоб этой иронии на твоём лице я сегодня больше не видела! Ступай!

— Что она тебе говорила? — накинулась Далида, как только Ада вернулась.

— Желала приятного вечера!

— Ага, счас! Так я и поверила! Ценные советы? Угадала?

Ада кивнула, рассеянно смотря по сторонам. Ехать хотелось всё меньше. Алкоголь на таких праздниках давали слабый: не напьёшься и храбрости не наберёшься. Сейчас бы виски! Один или два глотка, обжигающих рот, и она бы показала всем, кто считает новую зеркальную марионеткой!

— А как выглядит Лилиан?

— Зачем тебе знать заранее? Мне описали её только в общих чертах...

— Просто интересно.

— Ну, высокая, статная, причёски крутит на голове замысловатые.... Далась она тебе!

— Ты права, только не отходи от меня, пожалуйста!

— Обещаю! — только и успела ответить Далида. Взгляды присутствующих обратились на вошедшую ректорессу Эмму в бирюзовом брючном костюме, напоминающем кимоно. Она вполне могла сойти за землянку, отправившуюся на тематическую вечеринку.

Девушки расступились, образовав проход. Эмма, не торопясь спустилась, улыбаясь воспитанницам одними губами, взгляд её по-прежнему оставался холоден. Он скользил по верху голов и оживился только тогда, когда встретился с глазами Соль. Та еле заметно кивнула.

Чутьё подсказывало Аде, что происходящее важно для неё, поэтому девушка старалась не упустить не единой детали. Эмма резко повернулась, высматривая кого-то. Ада успела наклонить голову и почувствовала, как потянуло холодом. словно склизкие пальцы, раздвигая толпу, искали её. Хотелось спрятаться, убежать, вжать голову в плечи и, зажмурив глаза, затаить дыхание, будто тебя не существует. Но долго так не продержаться, да и окружающие, беспечно переглядывающиеся, не поймут. Однако, решение пришло само. Через пару секунд, показавшихся вечностью, чувство холода отступило и развеялась как дым.

Ада решила посмотреть на ректорессу, но Эмма уже вышла во двор. Следом, по знаку Соль, потянулись и остальные.

— Она так на тебя смотрела! — прошептала Далида.

— Как?

— Оценивающе и одновременно... с неприязнью. Может, этот Тагир что-то про тебя наговорил?



## Глава шестнадцатая. Мидсуммар

Вскоре Ада и думать забыла об Эмме и даже о вездесущей Соль, поскольку праздник оказался чудесным, наполненным волшебством, пронизанный тонкими нитями магии.

Светящиеся шары на длинных тонких ножках освещали всё поле, где проходил Мидсуммар, так ярко, что ночное небо казалось декорацией. Длинные резные столы с полированной поверхностью были заставлены большими и малыми блюдами с самым невероятным содержимым, обильно посыпанным зеленью и тёртым сыром, кроме маленьких пироженных, выставленных на больших тарелках.

Вокруг столов стайками бегали дети под надзором воспитательниц, слишком добрых, чтобы запрещать ребятам нет-нет да и стянуть с крайнего блюда какую-нибудь вкусноту.

В воздухе витал аромат жареного мяса и пряных трав: неподалёку на вертеле жарился громадный бык. Ада боялась спросить, где водятся такие крупные и, наверняка, опасные особи, но надеялась, что очень далеко.

Маги оказались весьма приветливой и вежливой расой. И на показ не делали различий между Истинными и Пришлыми, между первым уровнем обучения в институте и двумя другими.

Единственный минус, который Ада могла бы приписать этой расе — своеобразная внешность. Они не были безобразны, но и красивыми таких не назовёшь. Встреть девушка кого-нибудь из волшебников на улице, точно бы обратила внимание на руки, покрытые знаками, напоминающими руны. Те светились то голубым, то красным или зелёным, когда Маги показывали “фокусы”, как они называли малозначительное волшебство, предназначенное большей частью для развлечения непосвящённых.

Глаза Ведьмаков и Ведьм были в чём-то схожи с кошачьими: разрезом и желто — зелёным цветом напоминали собеседнику, что перед ним “человек”, способный выкинуть фортель только из шалости. Маги не были злыми или добрыми в привычном понимании, скорее хитрыми приспособленцами, способными как на геройство, так и на самую отъявленную низость.

— И откуда тебе столько известно? — спросила, скривившись, Далида, как только Остелия, та самая “китайская принцесса”, как её про себя назвала Ада, закончила давать Магам характеристику.

— Всегда обстоятельно подхожу к делу. Меня с детства воспитывали в понимании, что я должна выйти замуж за достойного мужчину. Попадание в Дольний мир ничего не поменяло в этих принципах.

— А что значит “достойный”? Чего или кого он должен быть достоин? Любви женщины, восхищения толпы, денег..., — спросила Ада, пристально глядя на любимицу Келисии, декана их факультета. “Наверное, их сближает высокомерие”, — часто думала девушка и испытывала перед обеими трепет, как крестьянка перед барынями.

— Естественно, это значит, прежде всего, знатность.

Ада кивнула, а в душе почувствовала брезгливость. Боясь, что это отразится на лице и придётся либо кривить душой и уверять окружающих, что подобная точка зрения тоже имеет право на существование, либо скандалить и портить вечер другим.

— Почему вы отошли от подруг? Вас обидели? — услышала Ада за спиной вкрадчивый голос и вздрогнула от неожиданности.

— Нет, просто мне стало грустно. Это не связано с праздником, — девушка повернулась, стараясь придать лицу любезное выражение. Сейчас только проблем с Соль не доставало!

Стоявший перед Адой молодой мужчина подал ей высокий бокал, наполненный густой жидкостью горчичного цвета.

— Возьмите ложку, это десерт. Поднимает настроение.

Ада машинально приняла ложечку, принадлежавшую, должно быть, игрушечному сервизу маленькой девочки. Узкие длинные пальцы незнакомца были горячими.

— В моём мире тоже были подобные десерты, — усмехнулась Ада. — Только их употребление стояло вне закона и плохо влияло на здоровье.

— Как интересно! — мужчина почесал узкий подбородок и прищурил кошачьи глаза. — Нет, у нас здесь всё безвредно, безопасно и приносит массу удовольствия.

— Вы ведь знаете, кто я? — Ада в упор посмотрела на незнакомца и поклялась себе первой не отводить глаз. Маленькие аккуратные усики незнакомца чуть дрогнули, будто он скривился. — И подошли не просто так? Утешить девушку из толпы?

— Вы всегда такая резкая?

— А вы всегда уходите от прямого ответа?

Мужчина ухмыльнулся и задумался. Ада решила, пользуясь случаем, попробовать чудо-десерт, потому как скорее всего её после сегодняшнего вечера посадят на хлеб и воду. Девушка прекрасно сознавала, что ходит по краю и грубит незнакомцу, совсем не виноватому в её плохом настроении и ущемлённом самолюбии.

Лакомство было отменным: прохладное и сладкое, как мягкое мороженное. Пыл Ады остыл. Незнакомец продолжал внимательно её рассматривать, словно прикидывал, стоит ли девушка продолжения знакомства.

— Простите меня за хамство, у меня дурной нрав, — промолвила, наконец, Ада, закусив нижнюю губу. Десерт она, как-то незаметно для себя, съела. — Всего доброго, сиятельный!

— Подождите! — Мужчина дотронулся до её руки и что-то еле слышно прошептал. Ада почувствовала, как жар разливается по телу, делая его мягким и податливым чужой воле, а потом, внезапно, загорелся иной огонь. Из центра груди он, словно волна, покотился навстречу чужой воле, и Аде подурнело. Тошнота подкатила к горлу. “Только бы не вырвало при всех! Проклятый десерт! Точно наркота!” — подумала она, хватаясь за руку мужчины.

Тот провёл перед её глазами рукой, и мир снова стал прежним, недомогание ушло.

— Вы не перебариваете ландыш? — насмешливо спросил так и не назвавший своего имени Маг.

— А должна? Что вы мне подсыпали?

— Ничего из того, что запрещено. Это наш обычай: проверять невесту. И не важно, Пришлая она или наша. Если девушка попробует сок ландыша, направленный специальным заклинанием, и ей сделается дурно, то она способна выносить и родить здоровых детей. Подделать реакцию невозможно. Простите ещё раз мою дерзость, вила, но, сами понимаете, вопрос крайне важен. — Мужчина низко поклонился Аде. На его лице было написано лёгкое смущение. — Позвольте представиться, Эмиль Моргийский.

— Ада Грекова, гарпия первого уровня, — ответила Ада, слегка склонив голову, и прикусив язык, чтобы не добавить: “Но вам это прекрасно известно, сиятельный”. — Я думала, нас представит друг другу Соль.

Ада огляделась вокруг в поисках Жилки Фрирр, но в этой части поля, неподалёку от площадки для состязаний в Магии Воздуха, к которой постепенно подтягивался народ в надежде на зрелищные номера, её не было видно.

— Я попросил её этого не делать. В конце концов, уж познакомится с Пришлой и сам в состоянии. Пройдёмся?

Эмиль предложил Аде руку и повёл девушку прочь от шумной толпы, к ближайшим клёнам, под которыми стояли белые резные скамейки. Словно по невидимому сигналу, сидевшие на них пары или отдыхающие поодиночке встали и отошли на достаточно большое расстояние, чтобы молодые люди могли спокойно пообщаться без опаски быть услышанными.

— Я вас слушаю, сиятельный, — слегка насмешливо начала Ада, когда ей надоели долгие взгляды, которыми её пытался пленить черноволосый Маг. К тому же, они казались такими неестественными, что вместо томления в груди, на которое, должно быть надеялся молодой человек, вызвали у девушки только желание высмеять его.

— Что вы хотите от меня услышать? — сдался Маг и принял обычный вид слегка грустной пантеры, этот образ ему шёл гораздо больше, чем предыдущий.

— Расскажите, почему вы хотите на мне жениться? Что даёт зеркальное имя?

— Вы уже и об этом знаете? Сами или кто подсказал?

Аде захотелось ответить, что додумалась сама, но это было ложью, которая претила её справедливой натуре. Девушка с подросткового возраста хотела, чтобы её любили, но прикидываться для этого кем-то иным было нелегко: нет-нет и выглянет из-за маски настоящее

лицо. Словом, дело это гиблое и неблагодарное.

— Поведал кое-кто, только имени я не назову!

— Да мне-то какая разница! — вздохнул Маг и устался на примятую траву под ногами. Аде стало жаль Эмиля, словно это его продавали первой встречной.

— Вы хотели рассказать, почему собрались на мне жениться, — участливо подсказала Ада, боясь, что так и просидит на скамейке весь вечер и не увидит представлений и самого праздника.

— Не хотел, — упрямо ответил Маг, не поднимая головы. — Но раз вы спросили — расскажу.

Ада улыбнулась и придвинулась ближе, чтобы со стороны казалось, что молодые люди увлечены романтической беседой, и Жилке, если она наблюдает, не взбрело в голову им мешать.

— Ну...

— Да что говорить?! Зеркальная приносит в клан мужа процветание и по легенде способна возвысить род супруга через своё чрево.

— Родить сыновей, я полагаю?

— Не просто сыновей! — Эмиль, наконец, в первый раз за всё рандеву на скамейки взглянул Аде в глаза. Кошачий взгляд мимоходом оценил и её декольте. Аде стало неприятно, так, будто кто посягал на чужую собственность, и девушка отодвинулась. — Будущих лидеров, выдающихся членов клана, сильных и талантливых!

Аде захотелось опустить этот пафос:

— А почему же тогда, сиятельный, Маириам умерла, так никого и не произведя на свет? Я слышала, бедняга даже до родов не дожила.

— Так вам и это известно? — Маг пристально посмотрел на Аду, и девушке показалось, что в зелёных глазах впервые промелькнуло восхищение. — Интересно, откуда?

Ада молчала, не собираясь выдавать дубовика, в правдивости сведений которого она только что убедилась. Витор из переулка Модисток ей ещё пригодится.

— Не скажете, да и ладно, — покачал головой Эмиль. — Никто точно не знает, почему так выходит с вами, зеркальными. Иногда всё хорошо, но далеко не всегда.

— О, так она была не одна такая? Ну, умерла при странных обстоятельствах.

— Я рад, что знаю больше вас о зеркальных, а то уже почувствовал сомнения в себе, как в Истинном.

— Почему вы вообще считаете свои расы Избранными? Кем?

— Пойдёмте, потанцуем! Смотрите, уже венки готовы.

Ада была рада нарушению уединения, поскольку оно уже начинало тяготить девушку. Эмиль был, вероятно, славным малым, но внутренний голос упрямо твердил Аде, что "хороший он мужчина, но не... Дракон". Девушка рассердилась на саму себя и твёрдо решила, в десятый раз за вечер и в сотый за последние дни, выкинуть Марка из головы, которая, к слову сказать, совсем не слушалась и постоянно сравнивала всех встречных с белогривым, не в пользу остальных.

— Что за венок? — спросила Ада, чтобы отвлечься.

— Это подарок Магов всем присутствующим. Для приятных сновидений. Вдохни аромат трав, из которых он сделан, и загадай, что хочешь увидеть во сне. Или кого, — добавил с улыбкой Эмиль, как только они пришли к округлой площадке, выстланной сосновыми досками. Посреди неё высился длинный шест с тремя перекладинами одинаковой длины, увешанными яркими разноцветными лентами, словно посыпанными светящейся пылью. Аромат хвои усилился, стоило надеть пышный венок из душистых трав, от которых вначале болела голова, но потом стало приятно и весело.

Может, всему виной был бурлящий слабоалкогольный напиток, похожий на шампанское, только с малиновым вкусом, которое так часто пила Ада, обуреваемая жаждой. Ягсиль, как назывался напиток, совсем не помогал побороть желание пить, скорее наоборот, но он был вкусен и пах йогуртовыми конфетами, которые любила Ада, но, как назло, здесь подобных сладостей не было.

Ноги заплетались в танце, а дыхание перехватывало, да и шёлковая юбка мешала. Ада боялась перепутать движения и сбиться с быстрого ритма или столкнуться локтями с соседями, но потом

приноровилась, расслабилась и полностью отдалась незатейливой весёлой мелодии. Её мастерски исполнял расположенный неподалёку мини-оркестр, состоящий из инструментов, которые играли сами по себе.

Эмиль оказался хорошим танцором и тактичным партнёром, не замечающим промахов дамы, но временами Маг прижимал девушку к себе слишком близко и его руки, как бы невзначай, оказывались не там, где положено. Ада старалась делать вид, будто не замечает этого, думая, что слишком впечатлительна и всё можно объяснить танцевальными движениями или выпитым спиртным. Но когда Эмиль перешёл к более активным ухаживаниям, то есть распустил руки, Ада резко развернулась и, протискиваясь на гудящих ногах сквозь толпу танцующих пар, покинула площадку.

И тут же натолкнулась на Соль.

— Ну, вы уже познакомились? Смотрю, ты покраснелась.

— Я не привыкла к столь бурным танцам.

— Раз в год можно потерпеть, — с улыбкой произнесла Жилка. — Народ пошёл хилый, твои предки могли бы ночь напролёт выплясывать.

Ада промолчала, молясь небесам, чтобы не вызвать Соль на словоохотливость. Но златовласая кураторша, с причёской, которая делала её ещё больше похожей на греческую богиню, не собиралась так просто отступить:

— Тебе очень повезло с женихом. Будущим, разумеется. По нашим правилам, помолвку можно устроить только после второго курса. Если нет особых обстоятельств, — подчеркнула Соль слово “особых” так, что Аде стало ясно: её случай как раз таким и является. — Но ты ещё вольна изменить имя. Навсегда.

— И тогда мне не придётся выходить замуж за того, на кого укажут?

— Он сам потеряет к тебе интерес. Кстати, где Эмиль?

Маг тут же вынырнул из толпы, как чёрт из табакерки в сказке Андерсона. Пока Эмиль и Жилка обменивались любезностями, Ада прикидывала, последовать ли ей непрямому совету Соль. Может и впрямь поменять имя?

От одной мысли, казалось бы, являющейся решением проблем, похолодело в груди. Внутреннее “Я” активно сопротивлялось, стучалось изнутри и сражалось за то, чтобы оставить имя таким, каким его дали при рождении. Почему-то Ада была уверена, что сменив его, она потеряет больше, чем приобретёт.

— А где ваша красавица-кузина? — тем временем Жилка продолжала задавать внешне невинные вопросы из простой вежливости, но Ада знала, что они важны и должны прозвучать именно тогда, когда нужно.

— Где-то здесь, скучает в толпе, — улыбнулся Эмиль и понимающе закивал.

— Не она одна, — иронически ответила Жилка, бросая насмешливые взгляды на Аду. — Впрочем, Лириан скоро найдётся, я позаботилась, чтобы у нас были соседние места на тильге. Он как раз скоро начнётся.

— Разрешите проводить вас до места. Обоих.

— Конечно, Эмиль. Вам с Адой надо лучше узнать друг друга. Не отставайте, — кинула Соль через плечо и уверенно направилась к площадке для состязаний.

Эмиль предложил девушке руку, и та со вздохом её приняла, всё ещё обдумывая возможность избежать навязанного брака:

— А если я поменяю имя? — спросила она поклонника прямо в лоб. Эмиль равнодушно пожал плечами:

— Не думаю, что вам захочется вернуться в изначальный мир. Иначе, зачем вы здесь?

Ада лишний раз удивилась пронизательности внутреннего голоса. Отправиться назад, когда там о тебе никто не помнит?! И что делать, бродяжничать без денег и документов?

Девушка только вздохнула, понимая, что ловушка захлопнулась.

— Я, признаться, тоже не в восторге, — ответил Эмиль и печально посмотрел на Аду. — Вы

привлекательная...

— Но? Договаривайте. Я не обижусь на правду, скорее на её отсутствие.

Маг замедлил шаг и некоторое время шел молча, словно обдумывая, как и что лучше сказать. Сердце Ады билось быстро, но ровно.

— Слишком прямая. Напористая. Мне по душе другие: тихие, не поднимающие глаз на мужчину, которого едва знают. Всё-таки обиделись.

— Нет, что вы! — Ада рассмеялась. С её плеч свалился груз. — Вы просто сказали те же слова, что и мой бывший парень.

— У вас уже был жених? — Эмиль посмотрел на Аду с интересом.

— Да как вам сказать. Не совсем жених, но главное, мы вовремя поняли, насколько разные. Это очень важно, найти человека, подходящего во многом если не во всём. Я сама это не сразу осознала.

Ада крепко задумалась и в этот миг толпа вокруг перестала существовать. Девушка словно нырнула внутрь себя, где так уютно и спокойно, будто в кресле-качалке.

— Вы об истинной паре? Так эта такая редкость, что приходится только мечтать...

— Истинная пара? — Ада вынырнула в действительность, и сердце почему-то забилося чаще. Сказка о принце, который прискачет именно к тебе, оживала на глазах. Да ради такого и весь свет обойдёшь, а потом, сделаешь вид, что это он тебя нашёл, лишь бы не ранить мужскую гордость. Но это будет потом, а сейчас — лишь бы отыскать такого или позволить ему найти тебя!

— Это настолько древняя магия, что даже мы, хранители традиций, много не понимаем. Говорят, они влияют по-особому друг на друга. Но, скорее всего, это приукрашенные легенды. Как сказка о Леонтине и Рэве.

Аде хотелось продолжить разговор, но они уже пришли. Эмиль помог девушке сесть на кресло с высокой спинкой, больше похожее на трон.

— Второй ряд, отсюда будет идеально видно представление, — промурлыкала Жилка с довольной улыбкой. — Впрочем, я смотрела это... много раз. Уже почти не интересно.

Ада оглянулась: всё первокурсницы сидели на деревянных скамьях последних рядов. С высоты хорошо просматривалась импровизированная огороженная арена, но место Ады было особенным, положенным Истинным. Только вот она бы с удовольствием сейчас оказалась среди сокурсниц.

— Вам удобно? — спросил Эмиль, наклонившись к правому уху девушки.

— Вполне, — громко ответила она и добавила тише: — Мы обязательно что-нибудь придумаем. Не переживайте!

Маг послал ей грустную улыбку и пожал руку.

— Эмиль! — укоризненный, но ласковый женский голос прозвучал прямо над самым ухом Ады. — Это неприлично! На вас все смотрят!

Ада обернулась, на третьем ряду прямо позади неё, сидела девушка Маг. Про таких говорят: "Породистая". И поворот головы, и осанка, высокая пышная грудь и особенно взгляд, выдавали в ней члена знатной фамилии, за которыми так бегала Остелия. Последняя, несмотря на происхождение и гонор, уступала незнакомке во всём, как купцы — дворянам.

— Добрый вечер! Простите, что помешала вашему воркованию, но у нас приняты определённые правила поведения, — произнесла незнакомка с виноватой и ласковой улыбкой. Большие зелёные глаза смотрели с теплотой, которую Ада уже и не чаяла встретить среди Истинных.

— Извините, мы больше не будем, — пролепетала девушка. Ей на мгновение стало стыдно, как будто она и впрямь поступила вопреки чьим-то высоким представлениям о морали. Не то, чтобы Ада вдруг признала правоту красавицы — ведьмы, но на чужом празднике надо чтить традиции, хотя бы из элементарной вежливости. Да и по всему было видно, незнакомка вовсе не хотела её обидеть.

— Извините, что пристаю к вам с разговорами, но пока не началось представление, хочу представиться: Лилиан Вилтер. Я кузина вашего... поклонника. Говорят, скоро мы станем одной семьёй, — продолжила ведьмесса вкрадчивым голосом, снисходительно улыбаясь. Аде было неудобно смотреть на Лилиан, потому как приходилось сидеть вполоборота и больно изгибать шею. Девушка чувствовала себя просителем, припавшим к ногам владычицы морской, и это начинало

напрягать.

— Ада Грекова, гарпия первого уровня! — пробормотала девушка и кивнув, повернулась к сцене. Благо, представление началось. Но девушка совсем не смотрела на арену.

Услышав имя магессы, к смутному недовольству новой знакомой прибавилась откровенная неприязнь. Ада смотрела на невесту Марка и пыталась найти в ней изъян. Высокомерная, видимо, умная и вежливая — два сапога пара! Да пусть катятся оба!

Настроение испортилось, и девушка весь оставшийся вечер вполуха слушала объяснения Эмиля, наклоняющегося к ней ближе допустимого, словно она уже его полноправное имущество. Ада терпела сколько могла, но в конце концов сделала ему замечание таким тоном, что Маг сначала впал в ступор, а после — обиженно сидел на месте и вовсе игнорируя спутницу.

Соревнования девушка почти не видела; погружённая в собственные мысли, она искала выход и всё никак не находила.

— Ада, вы устали? — услышала она вновь приторно ласковый голос ведьмессы и, очнувшись, посмотрела по сторонам. Праздник заканчивался, артисты кланялись публике, обменивались поклонами с соперниками, вся арена была усыпана светящимися шариками, ковровый пол оказался покрыт густым слоем белоснежной пылицы. В ней, словно в облаках, вспыхивали огоньки, похожие на крошечные молнии.

Вокруг стоял гул: отодвигались тяжёлые стулья с высокими спинками и скамейки задних рядов, раздавались одобрительные выкрики, гомонила покидающая тильге толпа.

— Да, голова разболелась.

— Я думала, вас учили, как справляться с подобными пустяками, — проворковала Лилиан, пригладив несуществующую прядь, будто бы выбившуюся из высокой причёски, которая подчёркивала длинную шею магессы. — Хотите, я найду для вас Простерию? Она — лучшая целительница среди нас.

— Нет, сейчас пройдёт, мне просто надо отдохнуть. Много впечатлений...

— Разрешите, я провожу вас к подругам? Думаю, всё дело в непривычном обществе. Должно быть, тяжело чувствовать себя не в своей тарелке? Эмиль, ты не против?

Во взгляде её кузена промелькнуло облегчение и радость. Ада отметила про себя, что это взаимно.

Девушки покинули арену, выйдя на просторный луг, где всё ещё продолжалось гуляние.

Лилиан помогла Аде пробраться через толпу, подав руку, не снимая длинной шёлковой перчатки. Ада даже слегка позавидовала сопернице: та была идеальной. Чувственная, она двигалась плавно и грациозно, словно не шла, а плыла по траве, а нежно-лиловое платье в пол было Лилиан так к лицу, что Ада замечала восхищённые взгляды, преследовавшие черноволосую красавицу.

— Не представляю, какого это — быть Пришлой. В чужом мире, без связей и поддержки семьи. В конце концов, даже не имея никакого титула! Бедняжка! Но наша семья не настроена против вас, не подумайте!

Аде захотелось подставить Лилиан подножку, и одновременно она порадовалась: вот он, недостаток! Язва! Всё поворачивает так, будто они — благодетели, берущие под крыло безродную сироту! А сами и рады, что зеркальную выиграла!

А впрочем, их ждёт сюрприз!

Приняв молчание Ады за робость и почтение, Лилиан улынулась ей и продолжила:

— Знаете, у меня в этом году много радостных событий! Сегодня меня назвали в числе новых жриц. Я потом вам объясню, что это означает. А к зиме я стану настоящей невестой. Мы с женихом ждём-не дождёмся!

— Это прекрасно! — ответила Ада. — Поздравляю вас обоих!

— Ну, пока ещё это не произошло. Но всё равно спасибо. Я вижу, что вы добрая девушка. Я тоже такая. Знаете, мой дар — понимать язык животных. Вам нравятся пегасы?

— Да. Красивые.

— О, вы уже летали на них?



— Один раз. Пришлось.

Предчувствие говорило Аде, что все вопросы ведьма задаёт неспроста. Она понимает язык коней, а они с Марком летали на...

— А я себя в воздухе чувствую некомфортно. Это Марк, мой будущий муж, от них без ума. Всех знакомых гащит покататься, будто это достойное Дракона развлечение. А вам понравилось летать на пегасе? Смирный конь попался?

## Глава семнадцатая. Непрочитанные письма

Занятия с саламандрами Аде не нравились: те вечно игрались с огнём, будто тот был ручной обезьянкой. Маленькие искорки прыгали по скамейкам комнаты для занятий Магией Стихий, которые вёл сухонький старичок, похожий на китайского гуру боевых искусств. Он часто сидел в позе лотоса, иногда чуть приподнимаясь в воздух от низенькой скамеечки и, чуть прикрыв глаза, наблюдал за практическими занятиями учениц первого уровня.

Остальные гарпии не любили стихию огня, но Аде нравилась её мощь и двуликость: пожар может сжечь всё дотла, а костёр в тёмную ночь отпугнуть хищников и не дать замёрзнуть. Однако, управлять огнём было очень тяжело: тот вечно норовил напасть на создателя.

Полевику “дедушке Урхусу”, как его за глаза прозвали ученицы, приходилось всё время гасить искры, выпускаемые пепельными блондинками с другого факультета. Делал он это грациозным движением руки в сторону зашалившего огонька, и тот мигом стихал, издав на прощание злобное шипение. Стоило угрозе миновать, как гарпии, почти все, как одна, облегчённо вздыхали, а саламандры посмеивались. Под их красноватой кожей, будто текла не кровь, а пламя. Каждая могла испустить огонь из кончиков пальцев, и ручейки пламени текли по воздуху, словно живые существа, змеи Преисподней в поисках невинных душ.

— Осторожнее, — взвизгивала одна из гарпий, когда огонь, будто случайно, проплывал в каких-то сантиметрах от неё. Урхус Листер в это время поворачивался и делал бросок рукой в сторону заигравшейся саламандры, и поток ледяной воды остужал пыл провинившейся. Наказанная вскрикивала, её кожа, соприкоснувшаяся с водой, покрывалась ледяной коркой, которая сходила к вечеру, но на этом месте оставался ожог. Он долго болел, а кожа под ним ужасно зудела.

— Поделом им, — мрачно заключила Далида, в очередной раз пытаясь создать шаровую молнию. Вместо того, между её ладонями образовывался лишь ветер, который грозил смести на пол записи подруг, сделанные за сегодня по стихии Огня.

— Ты слишком стараешься, — вздыхала Ада каждый раз, как их эксперимент проваливался. Далида был уж вся красная то ли от злости, то ли от бессчётного количества попыток.

— Зачем вообще нам всё это нужно?!

— Ты же слышала: для того, чтобы уравновесить свою стихию.

— Вот ещё! — ворчала Далида. — Я боюсь огня!

— А мне он нравится.

— Ещё бы! Ты просто хочешь понравиться одному блондинистому Дракончику, — тихо засмеялась подруга.

Ада, которой только-только удалось настроиться, снова сбилась, захваченная вихрем противоречивых чувств. Огонёк, нарастающий под ладонями, распался на десяток искорок, и те больно впились в кожу девушки. Взрыв хохота на соседней скамье показал, что её неудача не осталась незамеченной.

— Тихо там, сороки! — рыкнул “дедушка”. — Грекова, лучше старайся. Прямо какой-то склизняк сегодня! Я жду от тебя лучших результатов.

— Да, учитель! — отозвалась Ада и закусил губу от боли и чтобы не расплакаться. Почти получилось! И всё из-за Далиды! А ведь лучшая подруга!

— Ну, прости, я просто пошутила, — виновато захлопала глазами соседка.

— Мне нет дела до чужого жениха! — отрезала Ада.

— Всё-всё, больше ни слова!

Ада снова сосредоточилась на задании, девушка чувствовала, что близка к цели. Если бы не мысли о Марке и Лилиан всё время, лезущие в голову! А ведь, собственно, ничего страшного не случилось.

Ну, поужинала моллюсками наедине с Драконом. Невинный поцелуй — милая шалость с его стороны, желание гульнуть перед свадьбой. Теперь, когда он наверняка узнал о разговоре Ады и Лилиан, девушка больше с Марком не встретится.

С шаровой молнией никак не выходило! Из глубины души, словно мутный ил со дна реки, поднималась досада, перемешанная с обидой. В таком состоянии точно ничего не получится!

К чёрту их всех, вместе взятых! Ада будет сама по себе, заставить не смогут, так вроде говорила Соль. Если нельзя выйти замуж по собственному выбору, значит, нельзя выходить! “Ни отдавай и поцелуя без любви!” Раньше эта истина казалась девушке наивной, сходной с подростковой глупостью, а теперь Ада ухватилась за неё, как за пламя свечи — единственный ориентир в крошечной тьме чужих намерений.

Ада закрыла глаза и увидела огонь. Вначале он был маленьким, запуганным ребёнком, но постепенно мужал и креп, рос и делался ярче, пока не стал пожаром, призванным выжечь всё, чтобы на пепелище постороить новую жизнь. Будет ли она лучше, покажет время.

— Прекрасно, Ада! Таких сияющих идеальных молний я давно не видел даже на втором уровне! Bravo! — услышала девушка совсем рядом голос учителя и открыла глаза, щурясь от дневного света. Кончики пальцев приятно покалывали, ладоням было жарко и щекотно.

Когда глаза привыкли к свету, Ада увидела, почему стала объектом всеобщего внимания и восхищённых возгласов, раздающихся над её головой, как громы небесные. Из-за обступивших её девушек было трудно дышать, но Ада испытывала эйфорию. В её руках сверкала разрядами настоящая шаровая молния!

Девушка держала её направленными друг на друга ладонями, не касаясь поверхности, но чувствуя, что та живая.

— Она прекрасна! — сумела лишь вымолвить Ада. — Я могу увеличивать и уменьшать её.

— Это так, — кивнул невозмутимый Урхус. — Клянусь, такое видел только у Драконов. Гаси её!

Ада закрыла глаза и внутренним зрением разбила сгусток энергии между её ладонями на мелкие части, которой просто исчезли, перед этим ярко вспыхнув.

— Нет и нет! Надо иначе! — “дедушка Урхус” развёл ладони, и между ними из ничего выросла шаровая молния, сердито плюющаяся электрическими разрядами. Она казалась живой и грозной, способной покалечить или даже убить, поэтому столпившиеся вокруг скамьи девушки дружно отпрянули.

Учитель усмехнулся в длинные белоснежные усы и, ухнув, хлопнул ладонями, раздавив своё же творение. Окружающие, включая Аду с подругой, дружно вскрикнули.

Урхус хитро прищурился и невозмутимо поднялся.

— Урок окончен. А ты, “горячая голова”, — добавил он обращаясь к Аде, — подумай на досуге: почему гарпия, владычица воздуха, так сроднилась с огненной стихией? Найдёшь ответ на этот вопрос — сразу многое прояснишь для себя.

— А вы знаете правильный ответ? — подойдя ближе, спросила Ада.

— Может, я и догадываюсь, только всё равно не скажу. Точный ответ знает лишь тот, кому он действительно необходим.

С полётами Ада освоилась быстро. Обращение в алую кожу больше не требовало мучительной настройки и концентрации силы воли. В воздухе девушка чувствовала себя свободной от обязательств и лелеяла иллюзию, что можно улететь далеко-далеко, за сизые шапки гор и там начать всё заново.

Но приходилось возвращаться. Словно невидимая нить притягивала Аду к земле. Тонкая связь вела дальше, за пределы института, в столицу, и, петляя по узким улочкам и широким проспектам дальше, кончалась у кованых ворот загородного дома, похожего на замок, где и жила семья Марка.

Письма от него Ада получала регулярно, но выкидывала, не распечатывая. Ради этого действия, девушка выходила на задний двор и шла к закрытым бакам, куда и просовывала серый конверт. Затем поворачивалась и быстро, почти бегом, возвращалась обратно. Далида делала вид, что не замечает вечерний ритуал подруги, дабы не раздражать ту и по возвращении заводила разговор на какую-нибудь весёлую тему.

В этот вечер пришло очередное письмо, шестое по счёту, Ада, поджав губы, молча отправилась подышать воздухом, скомкав в руке конверт так, чтобы Далида его не увидела. Она знала, что подруга в курсе её молчаливой вендетты, но, тем не менее, так ей было легче.

Вечер выдался прохладным. Ада накинула пушистую кофту из шерсти местных коз и проделала привычный маршрут. Письмо жгло руку, хотелось быстрее от него избавиться, чтобы не поддаться

искушению заглянуть внутрь.

— Я так и думал, что ты придёшь, — услышала девушка голос Марка из-за спины и вздрогнула. Ей показалось, что он материализовался из воздуха, раскалённого желанием Ады.

— Всего доброго! — кинула Ада через плечо и, вздохнув поглубже, повернула назад.

— Вернись немедленно! — окрикнул её Марк, но девушка лишь прибавила шаг.

— Да погоди же, глупая!

Аду резко развернули и прижали к груди, первые секунды она оторопела, не ожидая такой пряти и силы, а потом начала толкаться и царапаться, желая хоть на минуту ослабить стальную хватку Дракона.

— Какая ты сильная! Успокойся, я не отпущу, пока не поговорим, — спокойно проговорил Марк. Аду одурманивал запах мускуса и горячей кожи мужчины, хотелось расслабиться и...

— Убирайся! — сквозь зубы прошипела девушка.

Марк хмыкнул, но промолчал и продолжал удерживать Аду. Она поняла, что силой не вырваться и тоже затихла. Девушка почувствовала, как Дракон зарылся носом в макушку и вдыхает её запах. Было щекотно и приятно, тёплые волны прокатывались по всему телу.

Наконец, Марк ослабил объятия, но по-прежнему держал Аду за руку.

— Не хочу, чтобы ты сбежала! Я так и понял: выбрасываешь письма, не читая.

Ада смотрела в сторону.

— Я в курсе, что на празднике ты познакомилась с Лилиан. Что она тебе наговорила?

— А то сам не знаешь? Чистую правду.

— А письма выбрасываешь из обиды?

— Нет, берегу леса.

— Лилиан ещё не моя невеста... — начал было Марк, но Ада строго посмотрела на него и оборвала:

— Хватит оправдываться! И писать мне тоже довольно! Невесте послания строчи!

— Да послушай! — Марк взял лицо Ады в руки и приблизил к своему. — Нас обещали друг другу ещё в детстве, но помолвки не было.

— Ага, погоди — будет!

— Возможно, но не с ней, — прошептал Марк и поцеловал девушку, еле касаясь губ. Ада закрыла глаза и обхватила его шею руками, желая, чтобы этот миг никогда не кончился, и совсем не думая о том, что кто-то может их увидеть.

— Ты обещала мне свидание, помнишь? — спросил Марк, размыкая объятия.

— Это было до Мидсуммара.

— Дурацкий праздник, согласен! — лукаво улыбнулся Дракон и попытался обнять Аду снова, но девушка отстранилась:

— Я хочу знать всё, что касается моего положения. И о том, как его улучшить.

— Пойдём, я расскажу тебе.

— Не сегодня, — покачала головой Ада и, махнув рукой, повернулась к замку.

— Я не отступлю, — Марк снова оказался у неё за спиной и прижал девушку к себе. — Ты ведь тоже не хочешь уходить? Тогда зачем все эти игры?

— Я привяжусь к тебе.

— Мы и так привязаны, разве сама не заметила?

Ада обернулась и посмотрела в чёрные глаза Марка. Тот был абсолютно серьёзен и выдержал взгляд, медленно проведя пальцами по щеке девушки.

Ада почувствовала, что Марк прав, но сделала последнюю попытку:

— Не сегодня, — повторила она, покачав головой.

— Хорошо, будь по- твоему, вила. Мы встретимся завтра. Я подожду.

Девушке хотелось спросить “чего?”, но она понимала насколько вопрос глупый и наивный. Вместе с этим пришло чувство неизбежности того, что должно случиться и правоты Марка. Душа потянулась к Дракону, словно желала слиться с ним в одно целое.

Ада кивнула. Капли дождя падали на голову и плечи девушки, но ей было жарко и хорошо.

Марк, не сводя глаз с Ады, медленно попятился назад и даже повернувшись, всё время оглядывался, пока не скрылся за коваными воротами.

Девушка ещё какое-то время постояла, сжимая в руке нераспечатанный конверт, а потом раскрыла его и прочитала письмо: “Знаю, что ты не прочтёшь и это послание, поэтому приду сегодня сам. Ты — добыча Дракона, моё сокровище, которое я никому не отдам”.

Ада почувствовала, как краснеет, в животе разлилось что-то тёплое, отчего девушку бросило в жар. Внутри её расцвела какая-то дикая радость.

Девушка не поняла, как вернулась в замок и только в холле обнаружила, что вымокла до нитки.

— Где ты ходила? — насмешливо спросила Соль, поднимаясь с кресла в холле, в котором сидела, будто поджидая Аду. — Остынь, от тебя аж жаром пышет! Даже дождь не охладил твой пыл!

Ада промолчала, не желая оправдываться или лгать.

— Пойдём, с тобой хочет побеседовать Эмма.

— Мне надо переодеться.

— Согласна. Буду ждать тебя на третьем этаже, направо от лестницы и до конца коридора, всё время прямо.

Девушка кивнула.

— Десять минут. И не опаздывайте! У ректора полно дел и важных встреч. Одна из них, кстати, вот- вот закончится.

— Я не подведу.

— Это в твоих интересах, — улыбнулась Жилка. — Встреча будет полезна. Ты ведь хотела знать больше о себе?

## Глава восемнадцатая. Родственные узы

Поднимаясь по лестнице, Ада снова столкнулась с чёрным Драконом. На этот раз он быстро прошёл мимо, задев девушку, по привычке остолбеневшую от ужаса и вцепившуюся в перила так, что костяшки пальцев побелели. Не сказав ни слова и не подумав извиниться, мужчина продолжил спускаться. Стоило ему скрыться, Ада вышла из оцепенения и взбежала наверх, а потом долго стояла, переводя дух и прислушиваясь.

Девушка была уверена, что он шёл от ректорессы. С другой стороны, раз Тагир покинул её кабинет, значит, говорить с Эммой они будут без него.

— Что ты копаешься? — шикнула Соль, как только Ада подошла к кабинету ректорессы. — Входи уже!

Девушку втокнули в открывшуюся дверь, и Ада, оробев, остановилась у порога. Она впервые оказалась здесь, и Эмма пугала её, хотя никаких предпосылок не было, не считая слов Далиды накануне праздника, но подруге вполне могло привидеться.

Кабинет оказался пустым. Массивный письменный стол с чернильницей был чистым и убраным, словно за ним давно никто не сидел, лишь мягкое кресло с резными подлокотниками стояло небрежно отодвинутым, будто из него только что встали в спешке.

— Проходи и присаживайся! Я сейчас выйду! — услышала она приветливый голос ректорессы и поспешила исполнить приказ. Поколебавшись, всё-таки решила выбрать кресло напротив стола, а не угловые диванчики с большими красными фонарями, нависшими над ними. Обстановка кабинета была выполнена с большим вкусом, но скорее напоминало будуар фаворитки короля или знатного вельможи, а не рабочее место руководителя института.

— Нравится? — спросила Эмма, подойдя сзади, пока Ада рассматривала картину. Та занимала всю стену, художник изобразил Кломхольм в лучах рассветного солнца. Было видно, что он или она любили институт.

— Да, госпожа ректор, — Ада вскочила на ноги и, потупив глаза, встала напротив Эммы.

— Гранда, Ада. Называй меня так. А теперь, садись и расслабься!

Девушка подчинилась, бросая украдкой заинтересованные взгляды на ректорессу. Та, как обычно, выглядела молодой и беззаботной, словно Эмма не управляет огромным заведением для Пришлых принцесс, и у неё нет задач, с одной стороны, угодить Истинным, с другой — не обидеть воспитанниц.

— Вы хотели меня видеть, — прервала затянувшуюся паузу Ада. Пытливый взгляд Эммы её смущал и настораживал. Просто так учениц первого уровня в кабинет ректора не приглашают. Скорее всего, ей донесли о разговоре Ады и Лилиан, хотя ничего противозаконного сказано не было, одни женские подколы.

— Да, — после недолгого молчания ответила Эмма и тряхнула каштановыми кудрями, словно отгоняя навязчивую мысль. — Хочу спросить о твоих впечатлениях о Мидсуммар. И о новых знакомых, разумеется.

Ректоресса взглядом светло-коричневых глаз пригвоздила девушку к креслу, Ада боялась пошевелиться, будто её гипнотизировала огромная змея. Еле шевеля языком, замороженная, она произнесла:

— Я всё обдумала.

— И?

— Я не выйду за Эмиля. Меня никто не заставит!

Эмма хищно улыбнулась, показав ряды заострённых зубов, и отвела взгляд, только тогда Ада почувствовала облегчение.

— Тебя и не будут принуждать. Зеркальная вольна в выборе мужа.

Девушка не верила своим ушам: так просто? Нет, она кожей чувствовала подлог, должно быть какое-то препятствие на пути к счастью.

— Проясни хоть, чем тебе Маг не угодил? Этот не нравится, есть другие.

Ада отрицательно качнула головой.

— Я пока не разобралась в себе и в том, что мне действительно нужно.

— Отлично! — мягким голосом произнесла Эмма и откинулась на спинку кресла. — Ещё есть время. Помолвка должна состояться после второго курса. Никто не в праве тебя торопить, и я не допущу насилие над своими ученицами. Тем более, я пока не поняла, кто твой отец и почему он не проявляет себя.

Ада было расслабилась, но последние слова Эммы стали для неё сродни удару кнута. Отец?!

— Вы хотите сказать, что мой отец отсюда? Из Дольнего мира?

— Именно это я и сказала.

— А мама тоже была одной из вас?

Эмма расхохоталась, опять показав острые зубы, и обойдя стол, облокотилась на его край:

— Женщины — нет. Как правило, наши мужчины путешествуют по мирам в поисках развлечений и для преумножения потомства. Естественно, на это нужно особое разрешение Магов, но, в принципе, получить его не так сложно, как кажется.

— А мама знала?

Эмма пожала плечами:

— Скорее всего, нет. Да и не поверила бы. Наши мужчины, убедившись, что срок беременности подходит к концу и плоду ничего не угрожает, просто бесследно исчезают.

Голова у Ады шла кругом, взгляд затуманился от нахлынувших слёз. Бедная мама! Что она подумала, когда её бросили накануне родов?!

— Почему же отец за мной не вернулся, когда мама умерла?

— Не знал о её смерти, например. Или наоборот, позаботился, чтобы ты росла в приличной семье.

Ада вспомнила, как приёмная мать рассказывала, что в доме Малютки ей настоятельно рекомендовали выбрать именно этого младенца, чудесную девочку, доношенную и здоровую. Может, всё было не случайно?

— Я даже не знала их обоих, — заплакала Ада, прикрыв лицо руками и больше не стесняясь нахлынувших чувств и вызванных ими слёз.

Эмма участливо обняла её за плечи и пересадила на красный диван, устроившись рядом.

— Поплачь! Это ничего, пройдёт. Свыкнешься.

— А с чего вы взяли, что мой отец из Дольнего мира?

— Зеркальные просто так не рождаются. Это всегда семя одного из наших, благословлённое кем-то из Магов или из Древних. Для любой женщины, родить Пришлую — большая честь. Хорошие гены, сильные личные качества, благословенная судьба...

— Мы как инкубаторы для вас! — Ада перестала плакать и отстранилась от ректорессы с её холодной улыбкой и циничными рассуждениями.

— Каждая женщина в любом из миров — инкубатор. Так заведено Изначальным, и не нам с тобой это менять, — торжественно и серьёзно, не отводя взгляда, произнесла Эмма. — Можно называть беременность благословением, чудом, таинством, но суть одна — вынашивание ребёнка мужчины, избравшего нас.

— В моём мире считается, что всё наоборот. Женщина выбирает отца своим детям.

Эмма залиvisto расхохоталась, а когда успокоилась, произнесла с улыбкой:

— Давно я у вас не была. Вон оно как! На самом деле, всегда по-разному. Любовь — единственное чувство, которое нельзя предсказать. Иногда думаешь, что перед тобой идеальная пара, а они совсем не собираются сблизиться. Да, — вздохнула ректоресса, сложив руки на коленях, и уставившись куда-то вдаль. — Всё возможно.

— Что такое истинная пара? — пользуясь моментом, спросила Ада.

Эмма удивлённо посмотрела на девушку, будто она спросила то, что не должна была знать:

— Откуда тебе известно это выражение?

— Эмиль сказал.

— Мальчишка! Лишь бы покрасоваться перед девушкой! Ада, истинная пара — магия настолько древняя, что даже я сомневаюсь в её реальности. Это мужчина и женщина, предназначенные друг другу. Их влечёт друг к другу через миры и расстояния. Стоит лечь вместе, как на телах обоих появляются знаки, и никто не в силах разрушить такую любовь. Красивая легенда, правда?

— А вы сами видели или слышали о реальных случаях?

— Разумеется нет. Но это не значит, что их не было. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так. Это мечта любой женщины.

Эмма кивнула, но метнула подозрительный взгляд на девушку, которая постаралась безмятежно улыбаться.

— Если ты решила ждать истинной любви, можешь и не дожидаться, — ректоресса встала с дивана и начала медленно кружить по комнате, скрестив руки на груди. Ада в который раз поразила её точеной фигуре: затянутая в корсет узкая талия, крутые бёдра, стройные ноги. Узкие брюки только подчёркивали прелести Эммы. И всё-таки она не замужем. Почему?

— А если я выберу другой путь? Как вы?

Ректоресса резко остановилась и уставилась на Аду:

— Это, конечно, возможно. Но разумно ли? Подумай, выбрав замужество, ты станешь уважаемым членом общества, войдёшь в кружок матрон, увидишь, как растут твои сильные и красивые дети, будешь вести беззаботную и привольную жизнь. Мужья из Истинных получают хорошие, не тираны. Ну, кроме Драконов, разумеется, — спешно добавила она. — Словом, подумай. И я подумую. Ступай!

Эмма стояла спиной к Аде, будто увидела в большом окне что-то, заслуживающее внимания. Шторы были отодвинуты, позволяя выглянувшему после дождя солнцу освещать всю комнату. Ада понимала, что ректоресса больше не желает вести с ней разговор.

— Почему вы не рассказали мне всё сразу? К чему тайны?

— Зная директы и правила, можно выбрать много дорог, — не поворачиваясь, ответила Эмма после небольшого молчания. — А кое-кого устраивает лишь одна. Уходи!

Девушка хотела задать ещё много вопросов но понимала, что Эмма и так сказала ей слишком много. Время ответов придёт.

Ада поклонилась и быстро вышла, аккуратно прикрыв за собой толстую деревянную дверь.

Ада страшно волновалась. Девушке казалось, что идти на свидание не стоит, потому как Марк без пяти минут жених Лилиан. Ада после очередной встречи только сильнее к нему привяжется, но у них нет будущего, а, значит, не может быть настоящего. К тому же и так понятно куда заведёт очередная встреча с Драконом.

“С другой стороны, — размышляла девушка. — Что она теряет? Завтра тревожно и непонятно. Сегодняшний миг — единственное, что у меня есть”.

В течение дня она столько раз меняла решение, что надоела Далиде и та пригрозила выдать подругу, если она в последний момент передумает идти на свидание.

— Ты же понимаешь, что за ним последует? — Ада в отчаянии уселась на кровать и уткнулась в ладони. — У меня нет ни сил, ни желания сопротивляться.

— И не надо. Если всё идёт к одному, значит, так тому и быть, — спокойно ответила Далида, сидя на своей постели со скрещёнными ногами. Она мельком просматривала конспект по целительству, повторяя названия растений, необходимых для приготовления настоя от хандр. — Вот сделаю отвар, на тебе и попробую.

— Размечталась! Ничего подобного я пить не стану!

— Ну, придётся подлить, — как бы размышляя вслух, добавила Далида и рассмеялась над выражением лица Ады. — Не всё же мне смотреть, как ты убиваешься.



- Твои советы меня угробят даже раньше, чем зелье.
- Дело твоё! Думаю, тебе понравится быть с Драконом! С огнём управляться умеешь, так что укротишь, как шёлкового, — подруга продолжала хихикать.
- Подумать только, и это говорит мне девственница!
- Не забывай, кем я была и среди кого выросла! А зачем тебя разубеждать? Всё равно пойдёшь, я же вижу! Кстати, что наденешь, решила?
- Серебристое, в котором он меня встретил первый раз.
- Ну, — разочарованно протянула Далида и окончательно отложила конспекты. — Можно у Селены одолжить голубое, тебе пойдёт!
- Ада отрицательно мотнула головой.
- В крайнем случае у Рестики. То самое, белоснежное, но она точно раструбит своим, куда ты собираешься!
- Я всё решила. Это не светский приём, а просто посиделки с кофе.
- И то верно! Всё равно снимать! — хихикнула Далида и увернулась от запущенного в неё толстого учебника по Истории Дольнего Мира, который не долетев до кровати, упал на пол.
- Силы копи, а то чашку поднять не сможешь. И выпипись хорошенько.
- Сейчас день.
- И что? Тебе может ночью глаз сомкнуть не удастся!
- Пошлячка ты, даром, что невинна! — пробурчала Ада, подбирая учебник.
- А давай зверушку заведём? — неожиданно сказала Далида. Ада, поглощённая мыслями о вечернем свидании, не сразу поняла, что подруга имеет в виду.
- Кого ещё ты собралась притаскивать? Твоя полка в шкафу и так выглядит, будто в ней свинья пяточком рылась.
- Так, иди, готовься к свиданию, — махнула рукой Далида. И когда Ада и впрямь решила проветрить голову и ещё раз подумать на свежем воздухе, подруга предложила: — Давай к дубовику опять съездим! Он нам зверушку и присоветует, да и достать поможет. Что-нибудь необычное.
- Ада развернулась и уставилась на Далиду, пытающуюся придать лицу безмятежное выражение и от того выглядящую ещё подозрительнее.
- Выкладывай! Зачем ты хочешь, чтобы я поехала к Витору? Чей это приказ? Ректорессы? Соль?
- Ты за кого меня принимаешь?! Конечно, нет! Но я думаю, эта поездка будет нам обеим полезна. Следующий день Посещения через две недели. Заодно спросишь, как избежать брака с немилым. Этот толстый эльф многое знает, я уверена. И тебе не откажет.
- Хорошо, я подумаю.
- Думай, только не долго, а то всё решат за тебя.
- Не надейся, я не позволю! Кстати, дай этот учебник, в парке посижу, полистаю.
- Надо же какая тяга к знаниям! — Далида с улыбкой протянула книгу, до этого аккуратно положенную Адой на письменный стол. — Ты и так одна из лучших на потоке, могла бы денёк и отдохнуть от домашки.
- Я хочу кое-что посмотреть. Ты слышала что-нибудь о Леонтине и Рэве?
- Нет, а кто это? Девушка с нами учится? Или на старших курсах?
- Вроде бы, истинная пара из далёкого прошлого. Влюблённые, предназначенные друг другу.
- Ты где таких сказок наслушалась? Неужели, полагаешь, о них в учебнике написано? Там только сухие даты и скучные факты. Даже про Древних не много сказано, словно совсем не важно, что творилось на этих землях до прихода Истинных.
- Что ты хочешь? Цензура, — ответила Ада, надев сверху формы кофту и взяв под мышку учебник,

бросила последний взгляд в зеркало.

— Даже не хочу знать, что это за штука.

— Ладно, скоро вернусь. Ключ при мне. — Ада нащупала в кармане маленькую продолговатую пластинку и уверенно вышла в коридор, где девушку чуть не сбила с ног торопящаяся куда-то Селена. У русалки горели щёки, и лихорадочно блестели глаза.

— Ада, прости! Я тороплюсь, меня гранда позвала, сказали, насчёт работы в театре. Может, они передумали? — затараторила Селена.

— Беги, потом расскажешь, — только и успела вымолвить Ада, как ундина уже скрылась за поворотом к главной лестнице.

Девушка прошла по вымощенной булыжниками дорожке в дальний угол парка, где можно было посидеть в одиночестве и полистать страницы в надежде наткнуться на что-то интересное и полезное одновременно.

Проглядев краткий обзор периода до прихода в Дольний мир Истинных, Ада поняла, что каким бы ни был толстым учебник истории, а многое в нём умышленно упущено. Складывалось впечатление, будто заселение мира новыми расами принесло благословение этой земле, страдавшей от жутких обрядов и суеверий Древних. Выглядело всё слишком понятным и очевидным. Первый признак того, что написанное — ложь или, на худой конец, полуправда.

Ожидать того, что Марк прояснит ей некоторые неясные моменты, касательно истинной пары, было бы глупо и недалёковидно. Однако, Ада должна найти лазейку, чтобы избежать нежеланного брака. Возможно, ей удастся оттянуть время или заронить сомнения в умы тех, от кого зависит её будущее? Не то, чтобы девушка на самом деле верила легендам или надеялась наяву встретить предназначенного судьбой, но как повод избавиться от навязанного жениха, это вполне годилось.

Выходит, остаётся Витор. Далида права: кому как не дубовику, принадлежащему к Древним расам, знать неуютную нынешним хозяевам правду? Словно в подтверждение её мыслей, зашумели деревья, зашептались о чём-то с налетевшим ветерком густые травы, росшие у забора, где садовник не считал нужным их стричь.

“Решено”, — подумала Ада и поспешила обратно, бросая обеспокоенные взгляды на плывущие по небу облака. Сегодня вечером дождь был бы совсем некстати.

## Глава девятнадцатая. Клятвы у озера

Дождя не случилось, чему Ада была несказанно рада. Серебристое платье ей очень нравилось, и девушка не жалела, что вновь надела свой самый первый наряд. К тому же цвет был к лицу, и ткань так приятно холодила тело, что Ада чувствовала себя свободной и счастливой.

Марк не подал вида, что уже видел девушку в таком наряде, а может быть, просто не обратил внимания или забыл. На этот раз они сидели друг напротив друга сначала в роскошном экипаже, закрытом от чужих глаз, а потом — в беседке с колоннами и пили горячий кофе.

Ресторанчик на берегу озера был известным и людным, и в то же время здесь каждый мог почувствовать себя в одиночестве, не мешая другим и не боясь, что его уединение будет нарушено.

Вечер выдался душным и тихим. Даже невидимые полчища насекомых и звонкоголосые птицы предпочитали помалкивать, словно вслушивались в окружающий мир, ожидая, что вот-вот свершится что-то особенное.

— Ты сегодня молчаливая, — заметила Марк. Он смотрел на Аду, а та глядела на тёмную гладь озера и представляла, какая там ледяная вода и сколько таинственных существ она скрывает. Везде одни загадки. Стоит заглянуть в один короб с секретами, как обнаруживаешь два других с ещё более замысловатыми замками и так до бесконечности. Сначала загадки манят своей таинственностью, а потом понимаешь, что этот процесс никогда не закончится, и выиграть счастливый билет у судьбы, имеющей на руках целую колоду краплёных карт, невозможно.

— Выход всегда есть, — ответил Марк на сетования девушки и улыбнулся.

— Когда так говорят это значит, что всё безнадежно.

— Не узнаю тебя. Что случилось?

— Меня вызвала Эмма Минос, ректор. И настоятельно рекомендовала выйти замуж за того, на кого укажут.

— А ты?

— Я не хочу замуж. Это означает быть товаром, рабой. Надоело, — Ада вздохнула и снова уставилась на воду. Пахло тиной, рыбой и лилиями, растущими на плотных кожистых листьях прямо в воде. Даже терпкий аромат кофе не мог перебить запахи, исходящие от озера.

— Я обещал тебе рассказать, что знаю. Спрашивай, так легче будет понять, что тебя интересует, — нарушил тишину Марк, теребя длинными пальцами маленькую кружку с чёрным напитком, в котором отражались балки купола, накрывающего беседку, как крышка с язычком — изящный заварочный чайник.

— Мне обязательно выходить замуж?

— Каждый захочет тебя заполучить. Это вопрос престижа и процветания рода, а вместе с ней и всей расы. Ты словно драгоценный подарок, от которого мало кто в силах отказаться.

— Я заложница ситуации.

— Как и все вокруг. Моя семья, старший брат, сестра. А ты думаешь, Лилиан хочет выйти замуж за меня? Как бы не так! Ей важен престиж и общество матрон, в котором она себя уже мнит председателем. Это почётно, а значит, гранда Вилтер этого хочет.

— Мне показалась, она была вполне искренна, когда радовалась предстоящей помолвке.

— Да. Так всем кажется. И мало кто знает, что её родители предлагали Лилиан в жёны Тагиру Апалала.

Ада вздрогнула, услышав это имя. Вдруг от воды потянуло могильным холодом, словно из подземелья. Бедная Лилиан! Ей повезло, что планы родителей не увенчались успехом.

— А она была в курсе?

— Конечно, наверное уже считала себя женой четвёртого Драка, но дядя тактично отказал честолюбивым Вилтер.

— И слава Богу! — вырвалась у девушки.

— Ты делаешь из Тагира монстра, даже не зная его, — раздражённо фыркнул Марк и отодвинул

чашку так, что она зазвенела. — Он — прямой потомок древнего рода, восходящего к могущественному нагу, предводителю водных драконов.

— Я нисколько не умоляю его знатность, но мне не нравится, как он на меня смотрит.

— Тебе показалось, — горячился Марк.

— А вот и нет! — Ада встала с места и принялась кружить по беседке, зябко поводя плечами. — Я не могу пошевелиться в его присутствии и выполняя все приказы, иду на зов, не в силах послушаться. Как тогда, в театре.

Марк нахмурился и тоже встал:

— Ты уверена?

— Более чем.

Дракон подошёл к девушке, стоящей у перил и смотрящей на воду. Щеки Ады пылали, и она бы сейчас с радостью охладилась в чистой воде, разрешила гладь сильными уверенными движениями рук, легла на спину и покачиваясь на волнах, бесконечно смотрела на звёздный купол над головой. И чтоб в голове не единой мысли, только чёрная приятная пустота.

Марк обнял девушку сзади, Ада попыталась отстраниться, но она снова была закована в крепкое кольцо объятий, вырваться из которых не было сил и желания. Девушка закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— У каждого Дракона есть своя способность, более выраженная, чем все остальные, — прошептал Марк, касаясь губами виска и аккуратно целуя волосы девушки. — У Тагира — это возможность отдавать мысленные приказы, которым другие не в силах противостоять. Кроме Драконов, разумеется.

— А у тебя какая способность? — спросила Ада, уже угадывая ответ.

— Я могу заставлять других говорить мысли вслух.

— А я всё думала: что это? Не успеешь домыслить, а уже с языка слетает, — Ада резко развернулась и принялась шутливо колотить кулаками в грудь Марка. Мужчина ещё крепче прижал её к себе и поцеловал. Ада собралась было оттолкнуть Дракона, но то ли всему виной закружившаяся от духоты, запаха мускуса и горячей кожи голова, то ли разлившаяся в воздухе нега и внезапная слабость в ногах, но девушка обмякла и обвила плечи мужчины руками.

По спине пробежали мурашки, будто следуя за прикосновениями Марка по обнажённой коже. Платье жгло, словно мягкая ткань в один миг вспыхнула, как сухая солома на сеновале. Яркий огонь зародился в груди и волнами прокатывался по телу, под его жаром сгорали последние преграды и сомнения. Осталось лишь ощущение, что именно так и должно быть, что ради таких моментов Ада и попала в Дольный мир, а все интриги, тайны — наносное, пустое, преходящее.

Всё, кроме любви и огня, горящего в груди.

— погоди! Не так скоро! — Ада разжала объятия и мягко отодвинулась. — Я здесь не за тем, чтобы развлекать тебя. Ты обещал, помнишь?

Девушка заглянула в чёрные глаза Марка и увидела в них своё взволнованное лицо. “И покрасневшее”, — мысленно добавила она.

— Хорошо, спрашивай, — Дракон уселся на своё место и позвонил в колокольчик, чтобы принесли ещё кофе. Над сладкими фруктами собирались пчёлы, поэтому пришедший на зов официант зажжёт ароматическую лампу, отпугивающую насекомых.

Ада подождала, пока он уйдёт и, пригладив волнистые пряди, уселась обратно в мягкое кресло.

— Почему раньше все преподаватели советовали сменить имя, а сейчас об этом и речи не идёт?

Марк усмехнулся:

— У вас что, нет такого предмета, как СУДМ?

— Что это?

— Современное устройство Дольного мира. Пять лет назад у нас его преподавали доольно жёстко.

— Нет, — Ада поджала губы и сухо продолжила: — Ближе к делу, пожалуйста.

— Сама спросила и обиделась, — улыбнулся Марк и накрыл своей ладонью её руку, лежащую на столе. — Не вырывайся, не отпущу.

— Расскажи, хватит загадок.

— Маги, Драконы и Волкодлаки — три доминирующие расы. Избранные, как нас называют. — Марк откинулся в кресло и скрестил руки перед собой. Сейчас он напоминал Аде самодовольного кота, объевшегося сметаны, а не грозного Дракона с пылающим взглядом.

— Кто называет-то? Сами, небось, заставляете так себя величать, — усмехнулась девушка.

— Раз всё знаешь, зачем мне тебе пересказывать, — обиженно произнёс Марк и с невозмутимым видом принялся пить кофе, наблюдая из-под полуприкрытых век за сидящей напротив Адой.

— Хорошо, прости! Марк, ну, пожалуйста! Ты ведь знаешь, что от этого зависит моя жизнь и судьба!

— Ой, сколько высокопарных фраз, — расхохотался мужчина. — Ты, Ада, из тех, кто сама решает, что и когда ей делать. Это меня в тебе и привлекает. Ну, помимо прочего.

Мужчина бросил взгляд на декольте, и Аду снова зобдало жаром. Девушка вспомнила то сладкое ощущение, когда она сквозь тонкую ткань платья чувствовала его руки, уверенными и нежными движениями ласкающими её грудь.

— Зачем я тебе? Только отвечай честно, помнишь обещание?

— Я хочу тебя. Ты настоящая.

Ада испытала разочарование. Она сама просила об откровенности, но ожидала услышать что-то более романтическое. Впрочем, ответ очевидный, правдивый, как заказывала.

— Расстроилась? Я ещё не всё сказал, — добавил Марк, внимательно следя за её реакцией. Он говорил медленно, подбирая слова, от которых мороз полз по коже. — Меня сильно тянет к тебе, не знаю почему, но это так. Я не могу ничего тебе обещать, то, что ты зеркальная только всё путает... И тем не менее сегодня я от тебя не откажусь.

Марк замолчал, и Ада готова была замурчать от услышанного. Голова кружилась, эйфория текла по венам, будто она пила не крепкий кофе, а чистый виски.

— Что ты сама думаешь?

— Ты ведь и так знаешь, — Ада смотрела в сторону, боясь, что в ином случае онемееет и будет глупо тарашиться, не в силах сказать важное. — Я привыкла всё планировать, знать наперёд, а здесь я словно хожу с закрытыми глазами босиком по земле, усыпанной осколками. И не знаю, что будет завтра.

— Иди сюда, не бойся, — Марк встал и вплотную подошёл к перилам. — Я покажу тебе кое-что.

Ада подчинилась, и в этом была особая прелесть: слепо доверять, ни секунды не раздумывая о последствиях и ответственности. Дракон обнял её за плечи и мягко развернул к тёмной глади озера, над которым опустился густой сумрак.

— Внимательно смотри вон туда, — Марк указал рукой на густые заросли сочной зелёной травы в рост человека, подступающей к берегу. Ада прищурилась, но не увидела ничего интересного. Близость Марка заставляла девушку стоять, напрягая зрение, только чтобы невидимая связь с Драконом не прервалась.

Ветра не было, поэтому как только гладь озера у того берега пошла рябью, Ада вздрогнула. Над водой показалась молотообразная голова зелёного чудища, а потом и его тело. Ростом и сложением зверь напоминал варана. Он проворно вылез на берег, за ним потянулись сородичи. Девушка насчитала пятерых.

— Зачем они выходят? — прошептала она, словно чудища могли услышать и повернуть.

— Вечерняя кладка косотов. Большинству яиц не суждено проклюнуться. Те из детёнышей, кто сумели разбить твёрдую скорлупу, вскоре погибнут, не принеся потомства. Но косоты всё равно каждый вечер выходят проверить кладку.

— Это инстинкт.

— Не только. Они очень умные, их даже закон охраняет. Каждый вечер после кладки мать приходит

смотреть на то место, где зарыты яйца. По поверью, они даже убирают осколки из разорённых кладок. И хоронят умерших взрослых.

— Удивительно, — только и могла произнести Ада. Ей было хорошо и спокойно в объятиях Марка, будто время замирало и когда она с Драконом, ничего плохого случиться не может.

— Дело ведь не в косотах. Никто не знает, что ждёт в следующую минуту, но это не значит, что надо смириться с навязанной участью. Говорят, даже жрицы Грядущего ошибаются.

— Кто это?

— Так, из Магов, — Дракон развернул девушку к себе и, глубоко вздохнув, произнёс: — Ада, послушай меня внимательно. Я хочу видеть тебя рядом, именно тебя, не Лилиан и никого иного. Но нас ждёт много препятствий. Я не могу тебе обещать, что мы сможем разбить все печати, но клянусь в другом: найти лазейку в законе. В конце концов, не зря же диплом получил, да и работник из меня отменный. Мой отец точно знает все директы наизусть, с оговорками и приписками.

Ада смотрела на него, и сердце замирало, щемило от нахлынувшего счастья. И пусть не понимала добрую часть сказанного о правилах и обычаях, которые сбивчиво пытался объяснить Марк, но твёрдо усвоила другое: белогривый Дркон хочет быть с ней. Не на раз или два, надолго. Возможно, навсегда.

“А сможет?” — спросил внутренний голос, но девушка отправила его в глубины сознания и запретила выходить из чулана где-то в голове, куда даже память не заглядывает.

— Кузен Лилиан дотрагивался до тебя? — внезапно спросил Аду Марк, нахмурясь, чем вернул девушку с розовых облаков в беседку. Стало так тихо, будто даже природа вслушивается в их беседу.

— В смысле? Нет, я его один раз видела. Мы танцевали и только.

— Говорят, мило смеялась и позволяла ему вольности.

Дракон принялся расхаживать по беседке, заложив руки за спину и бросая разъярённые взгляды на Аду, чем только смешил её.

— Тебе весело?

— Конечно. Что за муха тебя укусила?

Марк в два счёта оказался рядом и, взяв за плечи, легонько встряхнул девушку:

— Перестань!

От него пахло силой и злостью. Ада продолжала улыбаться, но на этот раз ехидно спросила:

— И это говорит мне человек, который ждёт не дожждётся помолвки с прекрасной Магессой? Ты ничего не перепутал? Это я должна метаться. Вольности позволяла.... А Лилиан тебе многое позволяет? Что, она надоела? Решил сменить?

— Лилиан одержима собственным благочестием. Да мне и не надо ничего от неё, — на секунду сменил гнев на милость Марк, чтобы после опять уставиться на Аду с подозрением:

— Не переводи тему.

— Что ты хочешь от меня услышать? — девушка тоже начала злиться. Нашёлся, Отелло! Ревнует, потому что знает за собой грешок.

— Ты обещалась кому-нибудь? Неважно: Магу, Волкодлаку или... другому Дракону, — глаза Марка сузились, белки поблёскивали голубоватым свечением, нос заострился. “Ещё немного и начнёт обращаться”, — поняла Ада.

— Нет.

— Клянёшься?

— Да, — спокойно повторила девушка и с восхищением наблюдала обратные изменения во внешности спутника. Гнев Марка утихал.

— Ну, тогда всё в порядке, — хладнокровно заявил он и улыбнулся виновато. — Нам обоим не помешает остудиться.

— Я к воде и близко не подойду, — поёжилась Ада, бросая опасливый взгляд на чёрную гладь озера. Кто знает какие там ещё обитают твари?

— Нет, не то. Полетаем?

— Прямо сейчас?

— Не бойся, я тебя не съем. Пока что, — подмигнул Марк и потащил девушку за руку прочь от беседок. Ада растерянно шла за ним и ловила на себе заинтересованные взгляды из глубин других террас и небольших павильонов.

Она не стала спрашивать, куда они идут. Девушке было всё равно, она доверилась Марку и своему внутреннему голосу, который уверял, что сейчас Дракону лучше подчиниться.

Ада почти не видела дороги и шла как заколдованная маленькая девочка за страшным чародеем, уводящим малышку в чащу леса показывать мрачные чудеса. Подол платья по мере приближения к высоким соснам цеплялся за всё более высокую траву, словно хотел удержать девушку, но граница благоразумности была пересечена, обратная дорога отрезана.

— Как далеко ты сможешь пролететь? — с улыбкой обернулся Марк, не замедляя ходу.

— Не знаю. Длины две или три. Может чуть больше, — растерялась Ада, вспоминая последние полёты. — Но среди деревьев мне не развернуться!

— Да не бойся, нам туда не надо. Сейчас немного обойдём лес, и на поле. Я хочу тебе показать своё секретное место, здесь минут десять лёту.

Ада поёжилась и будто очнулась. Лететь в темноте? А вдруг, она собьётся с пути или запаникует? Да и для обращения надо раздеться догола! И как взять с собой одежду?

Девушка снова, помимо воли, громко озвучила свои мысли. Марк расхохотался и, не выпуская руки Ады, приобнял её за плечи.

— Давай договоримся, что ты не будешь использовать на мне свой дар? — обиженно сказала Ада.

— Ну, я постараюсь, — и посерьёзнев, добавил. — Не стесняйся. Неужели, ты не понимаешь, что и правда, нужна мне?

Марк остановился и притянул Аду к себе, заглянув в глаза девушки.

— Ты сомневаешься, хочешь ли быть со мной? Тогда скажи сразу и каждый пойдёт своей дорогой.

— Не обижайся! У меня нет сомнений, просто... всё так запутанно.

— Думаешь, я тороплю события? Прости, если так, но я не привык медлить. Если это моё, значит, моё. И никому другому оно не достанется. Ты не достанешься!

Ада предпочла промолчать. Ей были приятны слова Марка и тон, каким они были сказаны, поэтому она только скромно улыбнулась и зажмурилась от нахлынувшего счастья

Лес закончился, открыв взору возделанные поля, тянущиеся до самого горизонта. Марк повернулся к девушке, и та поняла: пора.

Не говоря ни слова, мужчина ободряюще улыбнулся и принялся расстёгивать ворот рубахи. Ада растерянно смотрела на Марка и поняла, что начала краснеть.

— Я не смогу при тебе, — сумела вымолвить она. — Слишком волнуюсь.

Во рту пересохло, создалось впечатление, что Ада видит себя со стороны и даже сочувствует этой девушке.

— Не бойся! Отойди за те деревья и отвернись!

Она подчинилась и, дрожа всем телом, вошла в лес. Пахло хвоей и как ни странно, запах придал сил. Ада шла всё дальше, словно желала затеряться среди деревьев, а потом внезапно остановилась и принялась снимать платье, словно ткань жгла кожу и мешала полнее почувствовать саму себя, настоящую Аду, которая всегда была гарпией и любила Дракона.

Девушке казалось, что кто-то управляет её телом. Крылья легко расправились за спиной, и никакие деревья тому не помешали. Стоило на мгновение прикрыть глаза, как Ада почувствовала, что легко обратилась, ей захотелось взмыть в воздух, подняться над верхушкам сосен и закричать во всю мощь лёгких. Так она и поступила.





## Глава двадцатая. Ночное купание

Ада взмыла, взлетела над лесом, оставив на земле смятую одежду, торопливо отброшенное бельё, но не чувствовала себя обнажённой. Красная кожа с пупырчатым рисунком была словно панцирь, в котором ощущаешь себя не менее одетым, чем в платье длиной до пола. С манжетами на рукавах и стоячим воротничком, закрывающим шею на пару пуговиц так, что не видно ни клочка тела.

Новая кожа не ощущала холода, зато в этом своеобразном костюме прекрасно чувствовалось движение воздуха, все двадцать восемь оттенков ветра от похожего на ласковый шёпот брика до крепкого и сурового норвеста, способного при должном усердии сломать самые крепкие крылья и выбросить потерявшее равновесие тело на острые камни.

Сейчас над верхушками деревьев царил зефир — мягкий восточный ветер, который нежно обдувал тело и еле касался крыльев. Его объятия были, словно робкие попытки неопытного любовника очаровать партнёру.

Ада прикрыла глаза и на несколько секунд зависла в воздухе, слушая песни ветра, который не хуже заядлой сплетницы, пересказывающей местные новости, выдавал умеющей его понимать все секреты, собранные по свету.

И в данную минуту зефир нашёптывал Аде древнюю историю о Драконах, когда-то прилетевших с Запада и умевших принимать вид обычных людей. О мудрых и справедливых ящерах, которые со спокойной уверенностью в своей правоте, выгнали с плодородной земли всех остальных. И стали править на радость себе и другим Истинным.

Воздух задрожал и обжёг жаром, зефир улетел, испугавшись своих не во время высказанных откровений. Ада открыла глаза и отпрянула.

Напротив, закрыв полную луну тёмной тенью, завис Дракон. Он был таким, как Ада и представляла: большим, сильным, с острым хвостом, увенчанным шипом, и всё же другим: проворным, быстрым. Чешуя Марка отливала голубым и сверкала серебром, стоило ему повернуться другим боком, открыв любопытную Луну.

— Лети за мной, вила! — насмешливо протянул Дракон и мотнул головой в сторону сизых гор. Его голос Ада сразу узнала, несмотря на то, что Марк шипел, присвистывал и растягивал слова.

Полёт получился стремительнее, чем ожидала Ада. Девушка еле поспевала за голубой драконьей спиной. Марк летел грациозно и легко, словно был невесомой стрелой, выпущенной из лука.

Огромная Луна, голубоватый лес внизу, серебристый хвост впереди — вот и всё, что она успевала замечать. Во рту пересохло, а сердце было готово выскочить из груди.

Ада делала широкие взмахи крыльями, но оставалась позади Марка. А потом она увидела внизу сверкающее овальное озеро, от красоты которого при первом взгляде перехватывало дыхание. Вода казалась застывшей. Марк спустился к ней так близко, что почти задевал лапами зеркальную гладь, вмиг пошедшую рябью. Озеро казалось Аде порталом в другой мир, слишком уж идеальным была его форма. Девушка захотела крикнуть Дракону, чтобы тот поднялся выше, но не успела: серебристая кожа, покрывающая длинную шею, вдруг пошла алыми пятнами, Марк открыл пасть, и оттуда появилось пламя, сильное и ровное. Прошло немного времени, и оно развеялось, иссякло, будто привиделось. Дракон на мгновение завис над водой, чтобы повернуть обратно.

Марк продолжать лететь, но замедлился. Ада наконец его догнала и рассмотрела. Страх перед Существом не было, наоборот, Дракон выглядел прекрасным и совершенным. Почти как она сама, одетая в панцирь алой гарпии. Сейчас девушка была так близко, что могла опуститься на его спину. Аде хотелось прикоснуться к новой коже и услышать под пальцами биение сердца. Девушка была уверена, что сможет его почувствовать.

И вдруг мысли смешались, завертелись, задохнулись в едином слиянии с Марком, выгнувшим шею и аккуратно ткнувшим головой Аду в грудь, чтобы в следующую секунду взмыть вверх, как ракета. Поднялся сильный ветер, чуть не отбросивший Аду в сторону. Но она не собиралась проигрывать, хотя шансы были явно не равными.

Сгорая от любопытства, Ада подчинилась и опустилась на землю, на самом краю озера, к которому вплотную подступал лес. Она спряталась под раскидистой кроной дуба и сложив за спиной усталые крылья, прислонилась боком к тёплому стволу векового дерева.

Обзор был ограничен, но тело требовало отдыха, и Ада решила, что раз Марк всё равно спустится к воде, то она и так всё прекрасно разглядит. Что он вообще задумал?

Не успела девушка испугаться, как Дракон спикировал на глубину, подняв водяные столбы,

обдавшие Аду с ног до головы. Озеро забурлило, словно вода в кружке, с опущенным в неё кипятильником. Напрягая глаза и подойдя ближе, Ада различила длинное серебристое тело, больше похожее на змеиное, а потом Марк пропал из поля зрения. Вода успокаивалась, возвращая озеру безмятежный вид.

— Марк! — неуверенно позвала Ада, озираясь и не видя ни единой живой души. Куда бежать? Кого звать на помощь? — Это не смешно...

Звуки тонули в тишине лунной ночи. Даже насекомые и птицы смолкли, словно прислушивались к чужой речи. Крылья сложились сами собой, алый панцирь растаял, оставив девушку обнажённой в чужом ночном лесу. Её бил озноб.

— Марк! — позвала она снова и, преодолев страх, вошла в прохладную воду по пояс, готовясь нырнуть. В голове проносились картинки одна страшнее другой: Марк утонул, его сожрали монстры, населяющие эти воды...

Ада набрала в лёгкие побольше воздуха и ушла под воду, пытаясь одновременно стремительно плыть вперёд и рассмотреть что-либо в окружающей тьме, разъедающей глаза. Маленькой девочке, запертой внутри, было очень страшно: она села, обняв колени, и зажмурилась, ожидая монстров. И дождалась.

Её схватили сзади, крепко прижав к человеческому телу, и потащили на поверхность. Ада брыкалась и пыталась вырваться, но хватка не ослабевала. Лёгкие были готовы взорваться от нехватки в воздуха, голова отупела, сил почти не осталось. Один глоток ночной свежести...

Они с шумом вырвались из толщи воды, Ада вдохнула и закашлялась. Марк обнимал девушку, глядя и несильно постукивая по спине.

— Что ты за ... Дракон? Я чуть не утонула, — проговорила Ада и оттолкнув мужчину, неспешно поплыла к берегу.

— Не обижайся! Я не специально. Зачем ты нырнула в незнакомую воду, здесь могли водиться водяные змеи или тритоны?

— Думала, что тебе нужна помощь, — огрызнулась девушка, не поворачиваясь. Она слышала негромкий всплеск и понимала, что Марк плывёт за ней.

— Я забыл, что ты не из нашего мира, — крикнул Марк и засмеялся. — Чтобы обратиться, мне нужно время. Это не просто "сбрасывание шкуры". Не сердись!

Ада промолчала и сосредоточилась на дыхании. Вдох, движение вперёд, выдох, развести руки и плыть дальше, пока не коснёшься ногами илистого дна. Девушка была бы рада снова найти почву под ногами и больше не ввязываться в сомнительные авантюры Дракона.

Стало жарко, воздух казался напитанным запахом леса, застывшим в ожидании. Лунный свет бросал серебряные нити на воду, он словно нарочно проложил дорожку по глади озера до самого берега, приглашая двоих пройти по ней вместе.

Ноги, наконец, нащупали почву, и Ада только сейчас поняла, что не одета. Её платье и бельё остались где-то далеко. Мелькнула мысль попробовать обратиться прямо здесь, в воде, но девушка понимала, что это невозможно. Близость Дракона отвлекала и смущала. Стоило подумать, что он тоже обнажён, как Ада почувствовала, как краснеют щёки и порадовалась, что Марк этого не видит.

Последний всплеск сзади, и крепкие руки легли на её плечи.

— Что такое? — прошептал Марк, легонько поцеловав её в ухо. — Не бойся!

Уверенность в его голосе покорила Аду. Она разозлилась на Марка и саму себя за то, что Дракон легко может делать с ней то, что хочет. Ну уж нет! Не в этот раз!

Ада решительно сбросила его руки, добравшись до галии, и вышла из воды. Девушка задрожала от тысяч иголок, вонзившихся в тело. Сейчас бы большое махровое полотенце, в которое можно завернуться и согреться!

Надо срочно обратиться и лететь отсюда, если она вообще сможет найти дорогу. Ада замешкалась и поняла, что промедление будет стоить ей дорого: первая цена — свобода, а следующая плата — подавление воли.

Марк схватил её сзади и принялся целовать, нашёптывать глупые приятности и в то же время гладить, прижимать девушку к себе и опускать руки всё ниже, по-хозяйски исследуя изгибы тела.

Ада чувствовала, что он возбуждён и уже не отступит, понимая и принимая желания собственного

тела, горевшего огнём, и всё-таки ей было обидно. Марк захватил её, подстроил полёт и последовавшее за ним ночное купание, а она развесила уши, всерьёз полагая, что он откажется от невесты ради Пришлой.

— У тебя есть невеста, — прошептала она, уворачиваясь от поцелуев.

— У меня есть ты. Замолчи!

Ада оказалась на жёсткой траве. Спине было холодно, девушка попыталась встать, но оказалась прижата сверху телом Марка, продолжающего ласки, становившиеся всё более требовательными.

Она понимала, что проиграла битву с собственной независимостью и упрямством, и была этому рада. Ада посмотрела на Луну, шпионящую за ними через ветви дуба, и обвила руками спину мужчины.

— Не бойся! — прошептал Марк снова, на миг оторвавшись от её тела и заглянув в глаза, чтоб снова вернуться к прерванным ласкам.

Ада ждала момента соединения со всё возрастающим нетерпением, низ живота был готов взорваться, казалось Марк специально медлит, не позволяя Аде торопить события и изучая каждый сантиметр её тела.

Спина, будто лежала не на траве, а на раскалённой сковородке, раскидистые ветви дуба укрывали их от всего света, пряча интимную тайну, не предназначенную для чужих глаз.

Ада вскрикнула и приняла Марка, подавшись ему навстречу. Мужчина на мгновение замер, и медленно, будто намеренно мучая, начал движения. Ада застонала. Ритм Марка всё возрастал, девушка перестала сдерживать себя и закинула ноги ему на спину. Она заблудилась в мирах и пространствах, потерялась во времени и доверяла только ощущениям и запаху пота, смешанного с мускусом, горячей кожей и судорожным, прерывистым дыханием любимого.

“Только бы это не заканчивалось!” — подумала она и достигла пика наслаждения, прижавшись к Марку ещё плотнее. Он вздохнул, и Ада рванулась ему навстречу, желая стать частью любимого, не упустить и капли. Чувства переполняли девушку, ей хотелось кричать и слушать комплименты, чтобы мужчина продолжил гладить и ласкать, тело не желало успокаиваться, а только покачиваться на волне нежности.

Марк лёг на спину рядом с Адой и посмотрел на неё со счастливой улыбкой.

— Ты доволен? — спросила девушка и улыбнулась в ответ.

— Вполне, — ответил Дракон. Аде показалось, что он нахмурился, но в следующую секунду мужчина нежно поцеловал её в кончик носа и потрепал по щеке. — Иди сюда.

Ада с удовольствием подчинилась и прильнула к Марку. Девушка гладила его по груди, чувствуя под кожей твёрдые мышцы и тоже молчала, вслушиваясь в звуки ночи.

— Я сейчас засну, — пробормотал Марк. — И ты до утра не попадёшь в Кломхолм.

— Меня выгонят?

— Нет конечно! Но накажут. А я этого не хочу, — Марк высвободил руку и глядя на Аду, спросил: — Не желаешь искупаться перед обратной дорогой?

— А как же змеи и тритоны?

— Это озеро чистое. Я сказал на будущее, чтобы ты была осторожна.

Ада приняла руку Марка и встала, про себя умилившись его кривым ногам. Аде даже нравилась эта деталь: он не идеален, значит, вполне может быть снисходителен и к её физическим минусам, к коим девушка относилась маленькую грудь. Казалось, Дракону она нравилась вся или всё-таки нет?

Ада чувствовала его растерянность, словно он ожидал чего-то иного. Девушка попыталась расслабиться и отогнать неприятные мысли, некстати терзавшие душу.

Всё ещё не разжимая объятий, они вошли в холодную воду. По телу побежали мурашки, но Аде они были даже приятны. Марк легонько толкнул её в воду и нырнул следом, чтобы в следующую минуту увлечь за собой. Купание длилось и длилось, стоило Аде окатить Дракона брызгами, как он смешно фыркал и становился похож на сердитого филина.

— Хватит! — в конце концов сказал он и напустил серьёзный вид, от чего Ада расхохоталась и попыталась его передразнить. Марк держался, а потом сам засмеялся и схватил девушку, встряхнув за плечи.

— Нам пора! — сказал он серьёзно. — Но я хочу спросить тебя, и ответ крайне важен не только для меня.

Мужчина помолчал, Ада заметила, что по его лицу пробежала тень или судорога.

— У тебя кто-то был до меня?

Ада отстранилась и молча направилась к берегу, взбивая ногами толстый ил со дна, пока не напоролась на камень. Боль в ноге заставила её ойкнуть и если бы не шедший следом Марк, она бы упала в мутную воду.

— Тебя это так беспокоит? — спросила Ада, после того, как вновь обрела равновесие. — Да, ещё в том мире. Прости, но я, к сожалению, не твой идеал.

Ада негодовала: как соблазнять девушку обещаниями и красивыми словами, так он первый, и почему-то она должна быть непременно девственницей! То есть сидеть и ждать, пока приедет вот такой Марк на крылатом коне и лишит чести на мокрой земле вдали от чужих глаз! И снова уйдёт искать девственниц, чтобы повторить ритуал.

— Вовсе нет, — раздражённо ответил Марк. — Это не моя прихоть.

— Перестань влиять на меня. Я снова говорю всё вслух, а впрочем, послушай. Таким, как ты и твоя невеста полезно!

— Я пытаюсь донести до тебя, что будут проблемы. Наши традиции...

— Мне на них плевать! — Ада развернулась и обменялась с Драконом гневными взглядами. Ярость и слёзы душили её. Срочно прочь отсюда!

Девушка сама не поняла, как начала обращаться, её даже не удивило, что действие, для которого всегда требовался настрой, произошло само по себе, на волне эмоций. Ада взмыла вверх и полетела, куда глаза глядят, не слушая, что ей вслед кричал Марк. Она мечтала только об одном: скорее оказаться дома, под одеялом и заснуть. Без долгих слёз и утешений Далиды. Хотя и понимала, насколько мечты иллюзорны. Как и сегодняшняя Луна, два озера и Марк, умевший обращаться в голубого Дракона.

## Глава двадцать первая. Милость Судьбы

— Он и вправду голубого цвета? — спросила Далида на следующее утро, когда Ада успокоилась. Девушка стояла у зеркала и старательно прикладывала холодное полотенце к покрасневшим глазам.

— А если бы зелёного, то это что-нибудь меняет?

— Нет, конечно, — вздохнула подруга и добавила: — Я поспрашивала девчонок со второго уровня.

— Когда успела?

— Ты заснула, я и пошла. Надо же было убедиться в том, что этот Марк сказал правду.

— И?

— Убедилась, — ответила Далида и принялась расчёсывать идеально гладкие волосы.

Ада не стала больше спрашивать, и без того всё ясно. Дракон сказал правду: ему нужна девственница. А, значит, он изначально не планировал серьёзных отношений. Развлечение перед помолвкой, не более. А она и рада была слушать про сокровище, добычу и сильную страсть! Всё как обычно, пустые слова увлечённого мужчины!

— Эй, перестань! — Далида подошла сзади и обняла за плечи, положив голову Аде на плечо. — Ну, что мне сделать, чтобы ты не плакала? Давай, побьём его! Вместе с этой злючкой-невестой!

Девушки заливисто расхохотались.

— Тут уж я виновата и больше никто! — Ада отошла от зеркала и, взяв толстый учебник Истории Дольнего мира, добавила: — Это требование относится ко всем невестам, да? У меня, выходит, вообще нет шансов? Это я так спрашиваю, для ясности.

— Вовсе нет! Только к драконьим избранницам. Девственная кровь, излитая на землю после первого акта — просто их фетиш.

— Понятно. Ловко Марк меня обхитрил, — усмехнулась Ада и зашмыгала носом. — Не говори мне о нём больше. Никогда!

— Может, тебе сегодня не ходить на занятия? Полежишь, отдохнёшь...

— Нет, будет ещё хуже. К тому же, я не обираюсь уступать тебе первенство. И так на пятки наступаешь.

Девушки не спеша направились в учебный зал. Ада старалась не думать о Марке, выкинуть его из головы и сердца, перестать без конца вспоминать прошедшую ночь, полёт наперегонки и раскидистые ветки дуба над головой. А воспоминания так и лезли.

Как назло, сирены, с которыми объединялись гарпии на уроках истории, твердили только о них — крылатых хозяевах Илиодора. В основном, это были сплетни и слухи, некоторые хвастались поклонниками, другие завистливо молчали или принимались доказывать, что Драконы слишком сложны и полны предрассудков, стремятся к союзу с равным родовым кланом, поэтому брак с ними для большинства Пришлых маловероятен.

— Ада, ты заболела? — спросила Селена, как только они вошли и уселись подальше от скамейки преподавателя.

— Просто плохо спала, — начало было Далида, но Ада остановила её жестом:

— У меня неприятности. Но это скоро пройдёт.

— Ты про Дракона? — шёпотом спросила Селена и добавила: — Я тебя не выдам, не надо больше ничего говорить. Ты и так самая желанная невеста на курсе.

— Не для всех. Давай о тебе. Что хотела Эмма? Тебя взяли в театр?

— Нет, — вздохнула ундина и потупилась: — Мне объяснили, что это недостойное занятие для дочери Истинного.

Ада хотела расспросить подробнее, но начался урок. Девушка любила неторопливые рассказы о прошлом Дольнего мира, голос гранды Тиросины, саламандры с короткими волосами, безупречно уложенными в каре, вводил в транс. Она могла так поведать о давно минувших битвах и спорах, будто сама была им свидетелем.

Она никогда не спрашивала учениц, предпочитая говорить самой. У этой эмоциональной дамы Ада и решилась после занятий выспросить о феномене истинной пары. Чёрт знает зачем?! К чему теперь, но Аду терзали любопытство и привычка доводить дело до конца.

Дождавшись, пока последняя воспитанница покинет зал, она подошла вплотную и глядя в красные глаза преподавателя, выпалила на едином дыхании:

— Вы слышали об истинных парах?

Тиросина удивлённо приподняла брови и улыбнулась:

— Об этом каждый слышал, но видеть не доводилось. Почему ты спрашиваешь?

Ада пожала плечами и напустила на себя равнодушный вид:

— Каждая мечтает о такой любви. Только существует ли она?

— Конечно. Но реальность гораздо страшнее сказок. Если бы я почувствовала, что где-то рядом бродит моя истинная пара, знаешь, чтобы я сделала?

Насладившись паузой, Тиросина продолжила:

— Бежала бы от неё подальше.

— Почему?

— Стоит мужчине и женщине соединиться, как они обречены на вечный голод и поиск друг друга. А если один умрёт раньше времени, потянет и второго. Тоска съест. Похоже на проклятие, верно?

— Но как этим двоим узнать, что они предназначены друг другу? Так можно любую страсть отнести к предназначению, — протянула Ада и замолчала, с нетерпением ожидая ответа.

— Знаки на теле, например. Обычно на плече или бедре. И не спрашивай какие. Если ты уверена, что встретила свою пару, я тебе сочувствую.

Тиросина смерила Аду долгим взглядом и, кивнув на прощание, вышла. Сердце девушки сжалось в предчувствии беды. Ада должна была проверить немедленно, девушка быстрым шагом шла по коридору, а внутренний голос упрямо твердил, что уже слишком поздно что-то менять.

Ворвавшись в комнату и бросив на кровать учебник и блокнот для записи, девушка принялась стаскивать с себя одежду. Пальцы дрожали, расстёгивая пуговицы формы, одна из них оторвалась и укатилась под кровать Далиды.

Наконец Ада освободилась и с закрытыми глазами подошла к зеркалу. Сердце колотилось как взбесившаяся лошадь, бегущая не разбирая дороги.

— Раз, два, три!

Открыв глаза, Ада вперилась в отражение и сразу увидела то, чего боялась. На правом бедре, много выше колена, синело овальное пятно, размером с пятак.

Это было последней каплей. Ада, не одеваясь, легла под одеяло и, накрывшись с головой, свернулась калачиком. Глаза были сухими, плакать не хотелось. Отгнав робкую надежду, стучащуюся в сердце, девушка принесла клятву, что никому не позволит руководить собой. Ни ректорессе, ни Истинным, ни Марку, ни даже Судьбе, чтобы та ей не готовила.

Однако принести клятву оказалось легче, чем её соблюсти. Ада понимала, что пока она учится независимости ей не видать. Получить должность и жить самой по себе, как дворовая кошка без хозяина и его правил, — вот к чему она стремилась. Это стало навязчивой идеей и самоцелью.

— Глупостью и самодурством, — в моменты плохого настроения ворчала Далида. — Встреть я свою судьбу, уж никому бы её не отдала!

— Судьба сама ко мне не слишком стремится.

— Вот и неправда! Сколько можно за тобой бегать?!

После этой фразы Ада обычно замолкала, делая вид, что не желает продолжать разговор. На самом деле, ей было обидно, что Марк после нескольких недель бесплотных попыток поговорить, вспылит и ушёл, сказав на прощанье, что девушка сама явится, если он ей действительно нужен. А нет, так

Дракон переживёт!

И посмотрел надменно, как он это умеет. В этот момент, она поняла, что переборщила с обидой и, возможно, надо дать ему высказаться. Но время было упущено, а унижаться, кричать вослед не позволяла гордость.

Дни потянулись в тоскливом ожидании весточки. Сначала Ада продолжала злиться на Марка, пока её сердцем окончательно не завладели печаль и острый страх потерять любимого. Чтобы хоть как-то его заглушить, Ада с головой ушла в учёбу. Она овладела навыками целительства, научилась укрощать ветер и вызывать шторм. Огонь на кончиках пальцев стал почти ручным и охотно выполнял волю хозяйки, но Ада пока не могла отпустить его, позволить пламени взметнуться вверх. Оно напоминало ей о Марке, заставляло сердце сжиматься, а глаза делались влажными, очертания предметов размывались.

Пятно на бедре тоже напоминало о запретной связи на озере и о колючей траве, растущей на его берегу. День ото дня клеймо становилось ярче и заметнее, оно зудело и болело, стоило подумать о Драконе. Ада пыталась уверить Далиду и саму себя, что это просто засос, но время всё расставило по местам и отняло надежду.

Иногда до девушки долетали слухи о том, что помолвка младшего сына Ладона и новой жрицы — хранительницы будет этой осенью. В такие дни Ада была особенно молчалива и просиживала вечера в одиночестве в дальних уголках сада, о которых знала она одна, не считая угрюмого голема-садовника. Ему Ада и поверяла свои горести и тяготы разбитого сердца, прекрасно понимая, что тот нем и оттого не сможет их выдать.

— Нашла кому верить! Ламии — лгуньи и притворщицы, — утешала её Далида, а Селена молчаливо поддакивала. Ей тоже было не сладко: мечты о театре разбились о планы новообретённой семьи. Дочь Дракона не может выступать на сцене! Ада понимала страх подруги: родственники пока никак не проявили себя, но уже всю пытались руководить чужой жизнью. Наверное, такова сущность Драконов: наложить лапу на всё, что ценно, ничего не давая взамен, кроме громких слов.

— Ты так совсем зачухнешь! — недовольно высказывала подруге Далида, когда они оставались одни в комнате, и Ада была расположена разговаривать. — Хватит себя хоронить! Плевать на пятно! Потерпи, пожалуйста. Скоро День Посещения, и мы съездим к Витору. Пусть только попробует утаить что-нибудь: на кусочки разорву!

Ада соглашалась, кивала и отворачивалась к окну. Летняя жара спадала, и наблюдательному глазу уже были заметны первые предвестники осени: короткие дожди, принёсшие ночную прохладу и резкие колючие порывы ветра. Те, кто это понимает, слышали в их завывании тоску о скором увядании зелёных красок длинного лета.

Со дня размолвки прошло чуть больше декады, а девушке казалось, что Марк исчез из её жизни год назад. Всё чаще он ей снился, будто ссоры и не было. Ада держала его ладонь в своей, и они молча смотрели, лежа на берегу, на полную Луну, похожую на головку сыра.

А потом наступало утро, и Ада подолгу вслушивалась в мерное дыхание Далиды и переворачивала мокрую от слёз подушку другой стороной.

Пребывая в полной уверенности, что ей суждено умереть от тоски, как одной из книжных романтических героинь, которых она прежде презирала, Ада почти не удивилась, что в День Посещений ей было запрещено покидать Кломхольм. Вместо этого последовал вызов в кабинет ректорессы.

Девушка поднялась на третий этаж в полной уверенности, что Эмма снова будет убеждать её принять предложение Эмиля Моргийского. Предложение, которого не было. Планировалась сделка, ценой в которой была её судьба, как бы высокопарно это не звучало.

Ада была готова к сопротивлению и не намерена отступить от своего плана.

Девушка уверенно перешагнула порог кабинета Эммы и остолбенела от нахлынувшего страха. В кресле ректора, за её столом сидел Тагир, четвёртый Драк, дядя Марка и пристально смотрел на вошедшую. Позади него, у окна, стояла робко улыбающаяся Эмма. Женщина выглядела так, словно это был совсем не её кабинет, а господина с тяжёлым взглядом и мертвенно бледным лицом без возраста, которому ректоресса была и рада подчиняться.

— Проходи! — коротко сказал Тагир, положив локти на чистый стол без единой бумажки и ручки с самопополняющимися чернилами. Эмма одобритительно кивнула: мол, не бойся, и указала рукой на кресло.

Ада снова ощутила себя кроликом под взглядом удава и не осмелилась послушаться.

— Что тебя связывает с моим племянником? — отрывисто спросил Тагир, стоило девушке присесть.

— Ничего.

Ада почувствовала, как помимо её воли, Дракон пытается подавить её личность, вырвать надежду и оставить вместо неё выжженную пустыню в душе. Внутреннее “я” попыталось сопротивляться бесцеремонному вторжению, но как-то вяло и больше для галочки, чем на самом деле. Ужас, внушаемый мужчиной, парализовал Аду, и она не могла скрывать правду, тратить силы на придумывание достоверного ответа.

Девушка подчинилась и сухо, словно речь шла не о её чувствах, ответила на вопросы, граничащие с болезненным любопытством. Ада опустила интимные подробности, но лишь потому, что Дракона не интересовала эта сторона её жизни.

— Так ты приняла решение? Выйдешь замуж за Мага? — и не дав ей ответить, мужчина продолжил: — Тебе дозволяется неслыханная вольность: можешь выбрать любую из семей, где есть одинокие мужчины брачного возраста.

В душе Ады вспыхнул огонёк злорадства: она согласится, и пусть Марк потом пожалеет! Если пожалеет. Да и делать несчастным ни в чём неповинного мужчину, заложника ситуации, девушка не хотела.

Она покачала головой, избегая назойливого взгляда собеседника, и выдавила из себя слово “нет”. Аде показалось, что мир вокруг зазвенел от сдерживаемого гнева Дракона. Сейчас он встанет и раздавит её, разобьёт, как стеклянную статуэтку, но вместо этого он лишь хрипло произнёс:

— Встала и посмотрела на меня!

Ада вскочила и застыла на месте, её губы и руки дрожали. Тагир откинулся в кресле и скрестил узкие длинные пальцы между собой:

— Если ты думаешь, что можешь мешать справедливому устройству этого мира, то ошибаешься, — начал он. Слова Дракона были полны обвинений, он казался девушке прокурором, выступающим с заключительной речью перед судом присяжных, бросающим факты в лицо жертвы с затаённым сознанием правоты. — Придёт другая девушка, а потом ещё и ещё. Имя, читающееся одинаково с любого конца, в иных мирах не редкость. И все они будут помнить о твоей участи...

— Вы намерены меня убить? — равнодушно спросила Ада, тут же ужаснувшись своей смелости.

Тагир ухмыльнулся, но в следующий момент его лицо снова сделалось непроницаемым. Вмешалась Эмма:

— Что ты такое говоришь? Как смеешь так думать?

Слова ректорессы звучали фальшиво, но возмущение в голосе было неподдельным.

— Эмма, подыщи ей партию за пределами Илиодора. Пока Марк не вернулся, и эта упрямица снова не спутала всем карты.

— На севере, — услужливо ответила ректоресса. — Королевству Моргика требуются сильные Маги, а Грекова способна им таких родить.

— Как вариант подходит. Главное, чтоб через тринадцать дней она подписала согласие на помолвку. А дальше — Марк сам отстанет, и вспомнит о семье.

Эмма кивнула. Ада с облегчением подумала, что они забыли о её существовании и скоро можно будет тихонько выскользнуть прочь, только бы не слышать больше ни о какой помолвке и не теревить незажившую рану воспоминаниями. Может, Северное королевство и неплохой выход? Ведь останься она здесь, сможет ли найти силу, чтобы при встрече с женой Марка делать вид, будто всё в порядке?!

Девушка поняла, что слёзы катятся по её щекам, и она вот-вот зарыдает. Очертания Тагира и ректорессы стали размытыми.

— Ада, всё в порядке! Уверена, по истечении времени ты сама поймёшь, что всё делается для твоего блага, — Эмма подошла к девушке и отвела оторопевшую гарпию на диван. Ада чувствовала на себе взгляд Тагира, приклеившийся к ней и словно раздавающий. Мужчина молчал, но в воздухе повисло осуждение. “Как ты можешь быть недовольной?!” — исходили импульсы от Дракона. В этой комнате у неё нет союзников!

Ада чутьём угадала, что сейчас решается её судьба. Каждое произнесённое слово станет невозвратным, будто высеченное в камне. Она не имеет права быть слабой и позволить другим



распоряжаться собой.

Девушка отодвинулась и, пристально посмотрев в глаза ректорессы, еле слышно ответила:

— Нет.

— Что?

Эмма растерялась и в поисках поддержки метнула озабоченный взгляд на Тагира. “Только не оборачиваться, — молилась Ада. — Не дать себя подчинить”.

— Нет. Я не хочу выходить замуж. Вообще.

— Ты думаешь, что своим глупым упрямством поменяешь вековые устои? Или полагаешь, что Марк отступится от лучшей невесты среди Истинных?

Тагир, мягко ступая по ковру, подошёл к девушке и, обхватив подбородок холодными, как у лягушки, пальцами, заставил Аду встать.

— Повтори, что ты там бормочешь!

Ада была на грани обморока, она, словно пойманная в ловушку, не могла отвести взгляда от тёмно-синих глаз Дракона. Сначала из горла вырвался хрип, язык не слушался. Однако, собрав волю в кулак, девушка смогла выдать из себя:

— Не-ет.

И тут же на глаза опустилась тьма.

## Глава двадцать вторая. Древние обычаи

Темень рассеивалась, возвращая Аду в привычную реальность. Над девушкой склонилась Жилка, почти задевая золотыми кудрями лицо, отчего хотелось чихнуть.

— Очнулась, Слава Изначальному! — проворковала Фрирр, убирая флакончик в небольшую сумочку с золотым вензелем, похожую на косметичку премиум серии.

Ада попыталась встать, спина ныла от долгого нахождения в неудобной позе на узкой кушетке. Сколько она была без сознания?

— Нет-нет! Ещё лежи, а то голова закружится.

— Где я?

— В моём кабинете, вила. В моих “скромных апартаментах”, как принято сейчас говорить в твоём изначальном мирке, — подмигнула Соль и встала убрать косметичку в недра книжного шкафа, где за средней полкой скрывалось потайное отделение.

— Кто вы? — спросила Ада, не сводя глаз с Жилки. В груди шевелилось нехорошее предчувствие: ответ ей не понравится. Но лучше противников или “доброжелателей” знать в лицо. В том, что они все заодно, Ада не сомневалась. — Зачем мы вам?

— Кто “мы”? Пришлые? Ты же сама знаешь ответ — чтобы не дать этому миру, так сказать, снова обезлюдеть. Истинные расы тоже своего рода Пришлые. Они завоевали этот мир и поработили, почти истребили Древних, но здешние условия мешают продолжению их рода. Женщина не может забеременеть естественным путём, тогда и зовут меня.

Жилка села рядом и обняла её за плечи:

— Я тебе не враг, Ада. Ты в это не веришь, но в знак моей симпатии к тебе, я расскажу без утайки то, чего не узнать из учебников и лекций по истории Дольного мира.

— Всю правду?

— Конечно, нет, — ответила Жилка и улыбнулась. Только теперь Ада заметила, что у куратора разные глаза: один — голубой, другой — тёмно-коричневый.

— А Эмма и... дядя Марка не будут против? Или вы действуете с их согласия?

— Понятно, что им известно о нашем разговоре. Я подчиняюсь Истинным, но за давностью лет имею право на своё мнение. И не стесняюсь его высказывать.

Соль казалась искренней, но Ада давно усвоила, что в Илиодоре всё совсем не такое, каким кажется. Однако, выслушать не помешает.

— Ну что, продолжать? Вот и славно.

Жилка встряхнула кудрями и стала снова похожа на юную девушку, вступающую в пору ухаживаний и флирта.

— Как только Истинные стали понимать масштабы катастрофы, они объединили усилия. Лучше Маги искали способ вернуть процветание родов и кланов. Древние не желали отдавать дочерей в лапы захватчиков, но смешение крови неизбежно. Это были мрачные времена, уж поверь. Разговоры тогда были не в чести, всё решала сила, и она больше была не на стороне Древних. Девушки брались силой, многие предпочли после лишения чести покончить с собой. Глупо, правда? Я вообще противник перезрелой девственности. Зачем лишать себя удовольствий?

Соль стала поглаживать длинные волосы Ады:

— Давай я тебя расчесу. Такие красивые волосы и спутанные! Каждая девушка и женщина должны следить за собой. Если они, конечно, хотят быть желанными.

Куратор грациозно прошла в соседнюю комнату и вернулась с длинным костяным гребнем. Он выглядел настолько древним, что должно быть им расчёсывались ещё тысячу лет назад. Ада покосилась на него, но смолчала, не желая прерывать излияния Соль. Та начала аккуратно расчёсывать рыжие пряди.

Прикосновения гребня оказались приятными и успокаивающими. Ада расслабилась:

— Это для того, чтобы я не нервничала, — скорее подтвердила, чем спросила она.

— Да, и волосы делает блестящими. Будут, сиять как огонь!

— Продолжайте рассказывать, пожалуйста!

— Нравятся предания старины? А я всё это застала, подумать только.

— Сколько же вам лет? — спросила Ада, ожидая, что ответа не последует. Но она ошиблась.

— Много, давно перестала считать. Важно то, насколько выглядишь. И не смотри так! Я обычная, хотя в некоторых мирах меня считают Богиней, — горделиво улыбнулась Жилка.

— Вы из Древних?

— Мы с Эммой из тех, кто был здесь до того, как Древние завоевали эти земли. Я видела падение своего народа, потом пришёл черёд и империи Древних. Когда-то и от Истинных останутся лишь смутные воспоминания, — размышляла Жидка, но спохватившись, продолжила: — Ну, так вот. Вернёмся к ранним временам. Маги обнаружили, что полукровки более сильные и умные, не говоря уж о том, что более здоровые, чем дети, родившиеся от союза Истинных. К сожалению, большинство Древних знатного рода были к тому времени просто истреблены. Не приняли новую власть, не смирились.

— И тогда додумались брать иномирянки?

— Здесь немного иное, — голос Соль журчал, как ручей. — Старые обычаи были кровавыми и жестокими, подобно самой природе. Впрочем, мы в них нуждались. Например, принести в жертву девственницу. Зачем они ещё нужны? Раз в три месяца, на кровавую Луну текла кровь иномирянки, как дань земле, что нас взрастила. За этим следовала оргия, в которой мог участвовать каждый, не состоящий в браке.

— И девушки из знатных семей?

— Что ты?! Те же иномирянки и шли в расход. Хотя по мне, было бы лучше брать своих. Глядишь, никто бы Древних не покорил, но мы пошли на поводу у материнских слёз и отцовских понятий о чести рода. Славные были времена. Тогда ещё никто за красивыми словами и долгими речами не прятался. Симпатии и нелюбовь доказывали делом...

Жилка замолчала, но продолжала расчёсывать волосы Ады. Девушку клонило в сон, ей грезились запахи лилий и моря.

Чтобы прогнать дрёму, она спросила:

— Расскажите, откуда вы брали иномирянки? Силой приводили в Дольний мир?

— Ни в коем случае! Такую жертву земля не примет. В основном, из твоего мира. Люди часто приносили нам жертвы, и так было везде. С кожей, как ночь и как снег. Всяких хватало.

— Бедняги! — Ада поёжилась, представив себя на их месте. Попасть в странное место, где тебя, ничего не объяснив, отдадут толпе обезумевших от запаха доступной девы мужчин. А потом, понять, что ты беременна и всю жизнь не знать отца ребёнка?

— Всё не так плохо, — ответила на её рассуждения Соль, отложив наконец гребень. — Совсем наоборот. Им повезло. Что их ждало в твоём мире? Смерть от голода, болезней, родов. И не факт, что честь была бы в сохранности даже в родной семье! А у нас, те, кто не пролили кровь на жертвенном камне, жили долго и были счастливы носить семя бога. Служить прислугой здесь и у себя дома — разница огромная, не в пользу последнего.

— Но, тем не менее, Древние проиграли, — со злорадством произнесла Ада. Её симпатии переметнулись к Истинным.

— Да, времена стали меняться, империи рушиться. Так всегда бывает: появилась новая сила, пришедшая из ниоткуда. С другой моралью и обычаями. Они считали нас отсталыми, впрочем, так и было. Истинные победили. Количество жертвенных дев сократилось, а потом их поток совсем иссяк. Твои соотечественники повернулись к другой Богине, стали приносить ей свои обильные жертвы, а та была куда более ненасытной, чем мы.

— О чём вы?

Жилка вздохнула, на её холёном лице аристократки появилась гримаса отвращения и страха:

— О Науке. О ком же ещё? В мире, где правит Наука, нет места магии. Пути оказались закрыты.

Ада чуть не рассмеялась. Правильно, люди стали умнее.

— Почему же Истинные до сих пор женятся между собой, если потомство будет слабым? — спросила она с затаённой надеждой.

— Не всегда. Опять про Дракона думаешь? Забудь о Марке и его расе. У них незыблемый принцип — девушка должна быть чиста.

— До свадьбы, — продолжила Ада, вспоминая, как Марк говорил о благочестивости Лилиан. Подлец!

— Нет, конечно. Кто будет ждать свадьбы? Она нужна, чтобы получить от меня благословение на продолжение рода. В скрижалях Драконов написано: “Избранница не должна знать иного, кроме Дракона”. А впрочем, это глупо, полностью согласна.

Жилка встала:

— Ложись, отдохни. Не бойся, тебя никто не потревожит. А у меня ещё много дел.

Ада хотела возразить, но не успела. Девушка провалилась в сон.

Ада проснулась, когда за окном и в комнате было темно. Её будто кто-то легонько толкнул в плечо, девушка обнаружила, что спит в своей постели. С соседней кровати слышалось мерное сопение. Ада решила не включать свет, и рассказать Далиде обо всём, что узнала, утром.

Она чувствовала себя бодрой и отдохнувшей, вглядывалась в белеющий в темноте потолок и пыталась дословно вспомнить разговор в кабинете ректорессы, но никак не выходило. Обрывочные фразы Тагира и общий смысл сказанного — вот и всё, что осталось, будто взяли ластик и стёрли неприятный разговор с четвёртым Драком.

Сердце, глухо стучавшее в его присутствии, успокоилось, на лбу перестали выступать холодные капли пота, и пальцы больше не выбивали хаотичную дробь. Мысли, как лошадь на детской карусели, сделав круг, снова вернулись к Марку. Глаза защипало, и в который раз, девушка пообещала себе, что белогривый Дракон для неё больше не существует. Забыть! Перестать ждать — самая сложная вещь на свете. Тут никакой гребень, наделённый волшебными чарами, не справится!

Промаявшись до утра и облив слезами подушку, Ада была рада раннему пробуждению соседки. Та засыпала девушку вопросами, но заметив её покрасневшие глаза, отстала:

— Потом расскажешь! Понятно, что ничего хорошего, — мрачно заключила она.

На занятиях Ада была рассеяна и часто ловила себя на мысли, что давно не слушает преподавательницу Флоринду и вместо того, чтобы записывать свойства омелы чертит в тетради круги. Думать не хотелось совсем, и Ада была бы счастлива перемотать время вперёд, чтобы сразу очутиться в счастливом завтра, где она совсем не помнит о Марке, Лилиан и прочих, связанных с ними. Возможно, девушка будет посмеиваться над сегодняшней собой и с улыбкой вспоминать влюблённость в Дракона.

Ада вздохнула и сделала попытку сосредоточиться на словах гранды Синкс, прохаживающей между скамьями, на которых сидели ученицы. “Как ей удаётся не потеть?” — подумала девушка, вытирая лоб салфеткой. В теплице было влажно и душно до тошноты.

Ада бросила взгляд на сидящую рядом Далиду, которая быстро записывала в тетради, время от времени облизывая кончиком языка сухие губы. Подруга никогда не выглядела столь увлечённой на занятиях по растениеводству: склонив голову, она прерывалась лишь для того, чтобы перевернуть страницу.

Ада записывала лекцию, чтобы хоть как-то подготовиться к следующему занятию и иметь материал для экзамена, назначенного на май будущего года. Но свойства омелы, сорванной на новой Луне в низинах, куда редко заглядывало солнце, были и впрямь удивительными. Рецепт, который Ада по рассеянности прослушала, снимал боль, до того, как она появится. То есть можно было заранее подготовиться, часов за пять, не более. Средство было ещё и абсолютно безвредным, не вызывало опьянения, поэтому использовалось при родах.

“Надо будет потом переписать у Далиды”, — подумала Ада и осеклась. Девушка снова забыла, что не собирается выходить замуж, а значит, и детей у неё не будет. Ада судорожно вздохнула: будь возможность, она бы родила и так. От любимого мужчины и не важно, как бы на это посмотрела Лилиан и её родня!

— А можно этот рецепт использовать в первую ночь? — робко спросили с заднего ряда.

Зал замер в ожидании, даже шёпот и шелест переворачиваемых страниц прекратился, словно Ада перенеслась в заколдованный замок, обречённый на столетний сон.

Девушка почувствовала, как Далида напряглась.

“Лёд тронулся”, — подумала Ада и улыбнулась. Она была рада, что подруга передумала и не останется старой девой.

— Вполне. Раньше он широко применялся во время мистерий Древних, — серьёзно ответила Флоринда, поправив очки на носу. — Когда девушку требовалось привести в состояние эйфории. Правда, туда добавлялись ещё семена двухлетней крассандры и листья травы желаний. Сейчас её уже и не найти в наших местах, она под запретом. Так вот, это растение называется по-научному, величай молочный. Отвар из его семян вызывает эротические фантазии, усиливает половое влечение. А по правилам мистерии, девственница должна отдаться как можно большему количеству мужчин, добровольно и с радостью. Выпив отвар, иномирянки не испытывали боли в священную ночь. Таинство, проведённое по правилам, приносило процветание и благополучие на весь будущий год.

Ада сидела не шелохнувшись. Обычай этой земли вызывали в ней ужас и отвращение, но можно ли верить сказкам и легендам?

— На этом и закончим, — продолжила Флоринда как ни в чём ни бывало. — На следующее занятие гарпиям отыскать сон-траву и принести на урок. Дриадам дам задание посложнее: приготовить отвар “чистой радости”.

Далида быстро собирала тетради и книги, то и дело роняя ручки, и против обыкновения не записала домашнее задание.

— Что с тобой? — спросила Ада.

— Ничего, — отрезала Далида, но тут же добавила, посмотрев в глаза подруге: — Не могу пока сказать. Мне кое-что предложили, но я должна принять решение сама. Не думай, пожалуйста, что я обиделась. Всё, ни слова больше, а то всё выдам, как Рестрика.

Девушка вела себя необычно, движения были нервными и резкими:

— Я вернусь к обеду, — бросила она и поспешила к выходу.

## Глава двадцать третья. Магия любви

Марк Ладон терпеть не мог осень: каждый раз она становилась предвестником проблем и краха надежд. Но этот год стал особенно неудачным: он встретил девушку, которую больше всех в Дольнем мире хотел назвать женой, а готовился к помолвке с другой.

Мужчина посмотрел на часы, висевшие над камином. Совсем скоро она явится, и семейный ужин превратится в тягостную обязанность. Дорого бы он дал, чтобы за столом приветствовать ту, другую, которая снилась каждую ночь и мерещилась в каждой встречной.

И угораздило его влюбиться по-настоящему! Как это получилось, что желание обладать красивой и необычной девушкой переросло в такое крепкое чувство?!

Марк много раз жалел, что она зеркальная: на обычную гарпию не велась бы охота. Впрочем, ему это льстило. А потом он понял, что она не невинна. Кровь бурлила каждый раз, стоило ему представить, что его женщина извивалась под кем-то другим и так же стонала, закатывала глаза и прерывисто дышала. В такие минуты он желал разорвать её и съесть ветреное сердце.

— Ты ещё не одет? — голос матери звучал как музыка. Гранда Ладон ходила неслышно и легко, будто прожитые годы и многократные роды не наложили на фейри отпечатка.

Узкая белоснежная ладонь легла ему на плечо, Марк почтительно поцеловал её и пододвинул соседнее кресло ближе к огню.

— Садитесь, матушка! Я принесу вам плед.

— Марк, брось этот официальный тон. К тому же я ненавижу огонь! — раздражённо отозвалась мать, но в пододвинутое кресло села. Марк укутал её плечи плюшевым пледом и устроился рядом, бросая подозрительные взгляды. Его хитрая мать никогда не начинала разговор с той темы, ради которой пришла. А если она осмелилась переступить порог кабинета, где всегда ярко горел священный очаг, значит, причина и впрямь из ряда вон выходящая.

Мужчина прижался к её ладони щекой и заглянул в глаза. Нет, не ошибся! В голубых, почти прозрачных очах матери плескалась озабоченность и испуг. Но этикет предписывал молчать и ждать, пока Самелия Ладон заговорит первой.

Марк спрятал усмешку: надолго её не хватит, а после — не остановишь.

— После равноденствия надо объявить о помолвке, — начала мать издалека, откинув назад длинные белоснежные волосы.

Мужчина облегчённо выдохнул. Значит, её просто тревожит предстоящая перемена в семье. Последний из сыновей скоро обзаведётся собственным домом, и Фильстанг, скромное родовое гнездо, станет слишком большим и пустым для двоих. Отец всё время в Совете, иногда и ночует там. Бедная мама! Она терпеть не может одиночество и пустые коридоры, находя успокоение только в мраморной ванне, похожей на мини-бассейн.

— Мама, я никуда не денусь!

— Мне беспокойно, — она зябко повела плечами и поплотнее закуталась в плед. — У тебя всё хорошо?

— Конечно!

Он ответил слишком поспешно? Сейчас пристанет и душу вынет, но до правды докопается.

— Как с вами, Драконами, тяжело! — фыркнула она, и напустила строгий вид. — С ума можно сойти! К чему эти замалчивания? Спросили — ответил, и всё ясно. Нет, надо говорить недомолвками и отводить глаза, когда пытаешься солгать!

Мать встала и, сбросив плед, принялась расхаживать по комнате, напоминая сейчас больше грифона, чем воздушную фейри озёр и рек. Марк про себя ухмыльнулся: сама-то она честно и ясно никогда не отвечала.

— Накинь, замёрзнешь!

— Не указывай мне, что делать! Для этого у меня есть другой Дракон!

Мать — вспльчивая Самелия — нахмурилась и, кинув обеспокоенный взгляд на весело разгоревшийся огонь в камине, присела рядом и погладила сына по голове.

Жить с Драконами и мёрзнуть от пламени — такое не каждая вытерпит, а она любила ходить по краю, грозя сгореть в жарких объятиях мужа! В детстве Марк любил слушать рассказы прислуги о необыкновенной любви и лишь когда вырос, понял, что для домовиков любой брак освящён любовью. Они слишком наивны и добры, чтобы подозревать хозяев в корыстных мотивах.

Мать любила отца, но будучи фейри, не была способна жить только его интересами. Ещё больше она любила своих детей, но это не мешало ограждать их от, по её мнению, “ненужных людей”. Так сестра — сальфида — оказалась замужем за Магом, а не за тем беднягой, который был теперь от тоски на Луну.

— Я так рада, что сегодня к нам придёт твоя невеста! — начало было мать и натужно улыбнулась, пытаясь казаться естественной. — И чем она тебе не угодила? Такая девушка!

— Одержимая гордыней любительница побрякушек.

— Узнаю в тебе Дракона! — ласково улыбнулась мать и потрепала Марка по щеке, совсем как в детстве. — У неё занятная коллекция редких по окрасу сапфиров. Надеюсь, она возьмёт её с собой в новый дом. Я обязательно навещу вас вскоре.

Глаза Самелии вспыхнули, как два опала, но через минуту она овладела собой и снова превратилась в заботливую мать знатного семейства.

— Что хорошего в камнях? Просто куски горной породы.

— Много ты понимаешь в женщинах! Мы все их любим.

“Не все”, — с тоской подумал Марк, вспоминая их с Адой разговоры. Ей он готов был подарить самый чистый бриллиант, лишь бы ввести в свой дом и запереть в спальне. Девушка бы смешно обижалась, наверняка твердила о том, что не создана для тихого семейного счастья, но потом смирилась. Аде бы ничего не оставалось, как рожать ему детей и следить за домом. Он бы возвращался вечерами к домашнему огню и рассказывал, как прошёл день. Ада непременно бы давала советы за ужином, а он делал вид, что и так всё продумал. Может, даже прислушался бы. Только жене об этом говорить не обязательно.

— Ты что заулыбался? Мечтаешь о Лилиан?

— Нет, — коротко отрезал тот.

— Ма-арик, — протянула мать, став нежной и ранимой. — Ра-асскажи.

— А ты побежишь и всё передашь отцу

— Как можно! — картинно ужаснулась она и расхохоталась. Марк любил её тихий смех, похожий на плеск воды. — Ты же мой любимый сынок. Мы та-ак похожи. Ты был бы королём фейри, если б не кровь Дракона.

Мать вздохнула и улыбнулась.

— Только ты при отце так не скажи! Не умею я обращаться, он бы и сына во мне не признал!

— Это он тебе такое сказал?! — Мать вскочила и принялась кружить по комнате. Платье фиалкового цвета мельтешило перед глазами Марка, у него закружилась голова.

— Мама, присядь! Конечно, нет! Но его раздражает моя страсть к воде.

— Я с ним поговорю, — ответила мать таким тоном, что это прозвучало как угроза. Она снова присела, и Марк заметил, что мать чуть было не обратилась: между пальцами, униженными перстнями, появились непрозрачные перепонки, а цвет кожи приобрёл сероватый оттенок. — Ладно, хватит рассиживаться! Я, пожалуй, пойду. Теперь придётся срочно приводить себя в порядок!

У порога мать обернулась и ровным тоном произнесла:

— Не терплю высокомерия Истинных! Без нас вам не видать могущества и сильных сыновей. Хорошо, если Лилиан воспитана в уважении ко всем членам семьи, в которую она собирается войти.

Гранда выскользнула, оставив после себя лёгкий аромат лилий. Марка осенило. У него созрел план. Главное — устранить Лилиан, обесценить её как невесту, а там — он придумает и как обойти дефект Ады. За долгие дни у него впервые в сердце зажгётся огонёк надежды.

Ада! Девушка будет женой Дракона по праву! Не зря в нём заложено так много от хитрого народа лесов и рек!

Не теряя времени, Марк метнулся к письменному столу и принялся писать послание на лощёной белоснежной бумаге с золотым вензелем.

Марк был рад видеть братьев и сестру. Последняя после замужества жила далеко, за городом, и виделись они редко. Семейный ужин — хорошая традиция, Драконы дорожат кланом, но ветра времени вносят свои поправки в жизнь, о чём лично Марк жалел.

Сегодняшний вечер мог бы стать для него одним из самых спокойных и приятных в этом месяце, если бы не гостя, явившаяся точно ко времени в сопровождении кузена Эмиля.

Она церемониально поздоровалась со всем семейством, намеренно оставив жениха напоследок.

— Рада вас приветствовать, сиятельный! — сказала она, склонив голову ниже положенного по этикету.

— Благодарю за честь, оказанную нашему дому, грандина!

Лилиан зарделась и робко улыбнулась, всё ещё не поднимая глаз. Даже мужскому поверхностному взгляду было заметно, что девушка тщательно готовилась к встрече: нежно-голубой цвет платья должен был подчеркнуть её принадлежность к дому водяного Дракона, обычно забранные наверх волосы сегодня спадали на спину и плечи волопадом крупных локонов. Так обычно делали девушки накануне помолвки.

Марк начал злиться. Сбежать бы отсюда побыстрее, да этикет не позволит. И как назло, Лилиан задержится после ужина, чтобы переговорить о “важных вещах”. Магесса всегда строила из себя гранду, словно репетировала будущую роль жены и матери.

В просторной столовой было прохладно, из приоткрытых окон тянуло осенней свежестью. Мать обожала такую атмосферу, и старший Дракон, желая ей угодить, шёл навстречу мелким прихотям жены.

Марк был рад, что сестра сядет рядом, ему не хватало подруги детства, будучи почти ровесниками, они имели общие секреты и понимали друг друга с полуслова. Он твёрдо решил: после ужина предложить сестре прогуляться по саду и спросить, отчего сальфа стала худа и бледна, почти бесцветна. Так Марк поразит две цели: пообщается с сестрой и избежит общества Лилиан. Он всё оттягивал момент объяснения, не желая делать Магессе больно, она ведь не виновата, что не пришлась ко двору?

— Сейчас подадут горячее и горячительное, вмиг согреемся, — словно извиняясь за прохладу, произнёс хозяин, когда все уселись за стол. Мать, заняв место на другом конце стола, обворожительно улыбнулась и промолвила:

— Дарен, можно сказать домовикам, чтобы закрыли окна. Я не хочу, чтобы мои дети и уважаемые гости заболели.

Отец кивнул и позвонил в серебряный колокольчик.

Ужин начался. Марк рассеянно смотрел в тарелку, не вмешивался в разговоры о политике и хорошем урожае зерна. Он чувствовал прожигающий взгляд Лилиан, сидевшей напротив, и почти ничего не ел. Мать, если бы не запрет отца, давно начала бы спрашивать, почему он не притрагивается к еде. Старшая гранда не понимала, что сын вырос, а точнее активно этому сопротивлялась. Иногда подобная забота Марка раздражала, но чаще всё ж умиляла.

Он радовался, что скоро покинет дом, где он обречён всегда быть маленьким, требующим неусыпной заботы, дракончиком. Но сначала необходимо воплотить в жизнь свой план. И убедить Аду перестать злиться. “Ещё не известно, что сложнее”, — подумал Марк.

Лилиан как назло молчала. Значит, пора её разговорить.

— Грандина, вы сегодня мало едите, — сказал он, улучив минуту.

Лилиан вспыхнула:

— Я волнуюсь. Уже осень, — многозначительно ответила она, вскинув на него влажные зелёные глаза.

Марк был уверен, что она специально их увлажняет, чтобы придать взгляду томность и поволоку. Эти уловки злили его. Лилиан уже всё решила, за всех подумала, тщательно рассчитала каждый шаг. Волнуется она!



— Не стоит заранее переживать о том, что может никогда не случиться, — ответил он и, поймав взгляды присутствующих, добавил: — К счастью, мы живём в устойчивом обществе, и эта зима не принесёт сюрпризов. Я надеюсь.

Сестра улыбнулась ему своей прежней улыбкой: ехидной и лукавой. Сильфа всегда понимала его лучше остальных, даже лучше матери.

Ужин тянулся тоскливо и обещал быть бесконечным. Лилиан не попала ни в одну из расставленных Марком ловушек, он злился всё сильнее и отвечал резче допустимого, но в конце ужина ему всё-таки улыбнулась удача: мать принялась поздравлять будущую невестку с новой ролью жрицы.

Та склонила голову, пробормотав:

— Спасибо, это большая честь.

— Правда, что теперь тебе нельзя выходить замуж? Пока срок не окончится? — спросила сестра и обменялась с Марком лукавыми взглядами.

— Это так, — высокомерно ответила Магесса и, посмотрев на Марка, добавила вкрадчивым голосом: — Помолвка разрешена. Всего год службы.

Пока она выигрывала, но Марк не собирался сдаваться, упрямством он явно пошёл в отца, пятого Драка. Тот невольно пришла сыну на помощь, начав разговор с братьями и зятем о последних проектах Совета.

— У иномирянок и так много прав, — задумчиво произнёс старший брат. — Позволить им разводиться по собственной прихоти — просто блажь.

Его жена, высокая пепельная блондинка с горящим взглядом, опустила взгляд в тарелку. Марк понимал, что подобные беседы унижали присутствующих женщин, словно ставили их на ступень ниже, даже если те и не думали разводиться. Однако ради свободы мужчина был готов поступиться принципами. Мать была равнодушна к подобным высказываниям, как и Лилиан. Только они придерживались разных взглядов.

— Иномирянки достойны уважения, никто не спорит, — ответила Лилиан, окрылённая вниманием Марка и тем, что он интересуется её мнением. — Просто Истинные расы сделали гораздо больше для процветания этой страны. Поэтому логично, что они имеют больше прав.

— Совершенно верно, — подтвердил Эмиль и снова принялся за еду.

Мать начала постукивать коготками по тарелке: верный признак злости и обиды.

— Не будем ссориться. Тема слишком щекотливая, — отец тут же перевёл разговор, видя реакцию жены. Марк поражался контрасту: суровый деятель Совета и покладистый семьянин. Во время любых ссор кричала только мать, в самых серьёзных случаях, отец попросту ночевал на работе, но никогда не повышал голос на жену, если не считать хлопаний дверьми.

Семейный ужин вскоре завершился, мужчины удалились в кабинет отца. Марк решительно направился следом, намереваясь игнорировать любые намёки и просьбы Лилиан, но девушка вцепилась в его руку мёртвой хваткой и посмотрела с выражением побитой собаки. Мужчина поколебался и уступил, решив, что тянуть с объяснением не стоит.

Вздохнув, Марк кивком попросил её следовать за ним.

Священный огонь в камине придавал ему сил своим видом, мужчина подвинул кресло совсем близко к решётке, словно искал поддержку у оранжевых искр.

— О чём ты хотела поговорить? — спросил он, когда усадил Лилиан в соседнее кресло, отодвинув его подальше, как бы заботясь, чтобы девушке не было слишком жарко. — Хочешь, я могу открыть окна?

— Нет, всё в порядке. Мне надо привыкать к пламени.

Опять она за своё!

Марк решил дать ей высказаться.

— Я обидела твою маму, — начала она, закусив губу. — Может, мне стоит попросить прощения?

— Нет. Она вспыльчива, но не злопамятна, — сказал он и улыбнулся девушке. Лилиан должна поверить. — Наоборот, мама не любит, когда женщина не смеет и возразить мужчине. У нас в семье царят вольные нравы.

Было видно, что девушка успокоилась. Она тут же томно посмотрела на Марка и, поднявшись из кресла, села у его ног прямо на шкуру зубра.

— Марк, я жду не дождусь, пока мы будем вместе. По-настоящему, чтобы... вместе, — Лилиан коснулась губами перстня Марка с голубым глазом в обрамлении серебра.

— А скажи мне, Лилиан. Правда, что тебя хотели отдать в жёны моему троюродному дяде, Тагиру? Почему-то ни ты, ни твоя родня не сказали ни слова. Я должен был узнать об этом только на вашей помолвке?

Лилиан ответила быстро, заученными словами. Явно готовилась.

— Это была воля моих родителей, — на глазах девушки сверкнули слёзы. — Я бы умерла от тоски. К счастью, они одумались.

— Кто? Тагир не согласился. Вы, должно быть, всем семейством огорчились, — Марк скатился в насмешливо-уничижительный тон, чего раньше никогда не позволял в общении с дамами, но девушка вывела его из себя.

— Это дядя тебе сказал?

— А ты думала, что промолчит? Троюродный — не родственник? Я не понимаю тебя, Лилиана. Он старше тебя на четверть века, вдовец со взрослой дочерью! Или власть затмила вам разум?

Лилиан уткнулась лицом в руки и молчала, продолжая сидеть у огня. Марк принялся расхаживать по комнате точно так же, как и несколькими часами раньше его мать.

— Твои обвинения несправедливы, сиятельный, — глухо проговорила девушка спустя какое-то время, так и не подняв лица. Марк остыл, ему стало совестно. Одно дело — освободиться от ненужной помолки, другое — пляска на костях.

Он подошёл к Лилиан и, подняв её за плечи, усадил в кресло.

— Давай повременим с помолвкой, — мягко начал он, но девушка тут же вцепилась в его брюки и прижалась щекой к рубашке, не давая уйти. — А лучше отменим совсем.

— Марк, пожалуйста, прости меня, — услышал он горячий шёпот. — Я сделаю всё, что хочешь. Абсолютно всё, понимаешь?

— Лилиан, выслушай, — Марк перехватил руку девушки и надел снятую ею тонкую бретельку платья обратно. — Выслушай. Держи платок, я теряюсь, когда девушки рыдают.

Она машинально взяла его, но не вытирала слёзы, а комкала батистовую ткань в руках.

— Ты очень красива, даже когда плачешь, — улыбнулся ей Марк и мысленно обругал себя за то, что тянет. Пора! — Но я полюбил другую.

Лилиан даже перестала лить слёзы и уставилась на Марка с недоумением:

— Кого? Нежели эту ... рыжую девку? Ты готов отказаться от меня, дочери седьмого Мага, жрицы Благочестия, ради Пришлой?!

— Когда ты закончишь перечислять свои регалии, я отвечу — да, я люблю Аду. А сейчас вижу, ты уже пришла в себя, позволь мне присоединиться к отцу и братьям.

Марк повернулся, чтобы выйти, но не успел дойти до двери, как Лилиан окликнула его нежным голосом:

— Не уходи! Посмотри на меня!

Марк обернулся, ожидая увидеть Магессу на коленях, но его ждал сюрприз. Обнажённая по пояс, девушка стояла, скрестив руки на груди. Чёрные, как змеи, крупные локоны разметались по плечам, контрастируя с молочно-белой кожей. Было что-то по-девичьи трогательное в её взгляде.

Лилиан вздохнула и опустила руки, открыв красивую полную грудь, до которой хотелось дотронуться, сжать её и затем повалить ведьму на пол. Марк почувствовал желание. Он понимал, что Лилиан скорее всего применила заклинание соблазнения, которое действовало на того, кто и так был не равнодушен к объекту, многократно усиливая влечение.

— А как же благочестие? — спросил он, приближаясь.

— Оно не нужно мне без тебя, Марк! Я рожу тебе много сыновей. Я хочу стать твоей здесь, прямо

сейчас.

Незатуманенная часть мозга понимала, что стоит поддаться чарам, как он вынужден будет признать её невестой. Дракон, лишивший чести девушку, обязан взять её в жёны. Тем более Лилиан Вилтер. “Это ловушка”, — подумал он и провёл рукой по нежной коже, вмиг покрывшейся мурашками.

— Я немного боюсь, но эта честь для меня — лишиться невинности с тобой, — произнесла Лилиан, заглядывая в глаза и опуская руку Марка на свой живот. — Я жду тебя, приходи и возьми.

Последние слова она шептала, растягивая слова. Марк на мгновение увидел на её лице хищное расчетливое выражение. Оно вмиг исчезло, но правое бедро обожгло болью, словно на него вылили кипяток.

Марк тряхнул головой. Морок прошёл. Он увидел перед собой лежащую на шкуре жрицу с раздвинутыми ногами, прикрытую только полоской ткани, которой оказалась её смятое платье. Болело нестерпимо. Голова прояснилась, желание пропало. Ему стало жаль Лилиан, которая была готова расстаться со своим сокровищем, только бы быть с ним. Или просто замужем за Драконом? Неважно каким?

Он встал и застегнул рубашку.

— Оденься, пожалуйста! Я не тот, кто тебе нужен, не трать понапрасну чары. Слышал, они не бесконечны.

Марк хотел сейчас только одного: быстрее добраться до собственной спальни. Бедро жгло так, что было больно идти. Надо показаться врачам: пятно, возникшее пару недель назад, и не думало проходить, а лишь разрасталось. Его идеально круглая форма тревожила Марка не меньше боли, которую оно причиняло.

— Это невозможно, — растерянно проговорила Лилиан и привстала: — Ты не хочешь? Заклятье обязано было сработать...

— Нет, извини, — Марк поморщился. — Прекращай театр. Зачем тебе это? Я всё равно не захочу назвать тебя женой. Секс не равно любовь, ты пока просто этого не понимаешь.

— А она понимает?

— Вполне, — сухо ответил Марк.

— Значит, она тебе отдалась. Это в рыжей всё дело. Гарпия обладает магией, — Лилиан торопливо одевалась, её пальцы дрожали.

Марк кивнув на прощанье вышел, аккуратно притворив дверь. Пусть Лилиан придёт в себя и тогда сама поймёт абсурдность своих подозрений. Гарпии и иные Пришлые не могут ткать узоры заклинаний, для этого мало обладать способностями, нужны знания, годы тренировок под присмотром опытных наставников. Как в случае с Лилиан.

Он чуть было не стал её жертвой. И ведь стал бы, помешала боль, которая, кстати, утихла, оставив лёгкое покалывание на месте пятна. Марк почти перестал хромать.

“Надо всё-таки показаться лекарю”, — подумал он и довольный зашагал в кабинет отца.

## Глава двадцать четвёртая. Древняя кровь

Ада вертела в руках серый конверт, уверенная, что и на этот раз отложит его в сторону. Она читала свой адрес и имя, написанные рукой Марка, проводила пальцами по жёсткой бумаге и гладила выведенные слова и буквы, словно дотрагивалась до руки Дракона. А потом долго сидела, смотря в окно на желтые деревья и разноцветный ковёр из опавших листьев.

Это письмо осталось нераспечатанным и единственным, полученным Адой в прошлом месяце, дни которого были полны обиды и тайного ожидания. Чего девушка ждала, она и сама не смогла бы объяснить: изменения вековых традиций Драконов, увядания своего чувства или равнодушия? Ада понимала, что впервые бессильна перед обстоятельствами, и никакие послания, тайные или явные, не изменят предначертанного. Очнувшись, она убираала конверт на место, в ящик письменного стола, чтобы назавтра повторить всё сначала.

— Что за глупые стенания? Надо радоваться тому, что есть, — подбадривала её Далида и сама надолго замолкала. Последнее время подруга была задумчивой и грустной. Так они и встретили осень: ту, которая одела яркими красками деревья за окном, и другую, тёмную и промозглую, что заползла в души.

— Всё образуется, — улыбалась Ада и не верила собственным предсказаниям. Конечно, как-то её жизнь устроится, только пока неясно к чьей радости. После отказа стать женой Мага из Северного королевства, для неё оставался один путь: служительницы закона. Того самого, который сломал её счастье.

Ада с головой погрузилась в учёбу и в конце семестра стала лучшей на курсе, видимо, поэтому в День равноденствия ей разрешили посещение столицы. Они с Далидой уговорились наведаться лавку Витора, чтобы дубовик прояснил им некоторые моменты, а точнее вывел из тумана недомолвок, в котором блуждали девушки.

Была и ещё одна причина: пятно на правом бедре Ады стало бледнее, но постоянно жгло и горело. Две недели назад, вечером, когда девушка готовилась к занятиям, оно запылало огнём. По ноге пробежала судорога, да так, что хоть криком кричи! Длилось это не более четверти часа, а девушке казалось, что вечность.

Боль постепенно отпустила, знак на бедре из голубого сделался чёрным, как трупное пятно, но девушка уже смогла подняться с пола и доковылять до комнаты. Хорошо, что за дальними стеллажами библиотеки, где хранились мифы и сказки вперемешку с историческими монографиями ушедшей эпохи Древних, в этот момент никого не было. Лишние вопросы, сочувствие и косые взгляды были равно неприятны Аде.

— Мы всё выясним, — повторяла Далида всю дорогу, как заклинание, пока подруги, скромно одетые, будто две провинциалки, ехали в самоходном экипаже. Временной хозяйкой невиданной роскоши считалась сидящая напротив Селена, у русалки были настолько испуганные глаза, будто её как минимум везли на казнь, а не на увеселительную прогулку. Внезапно появившийся отец так и не показался, зато щедро одаривал ундину подарками через посредников. Это пугало её ещё больше, чем посыпавшиеся как из рога изобилия бесконечные наряды и украшения, достойные знатной дамы.

— Ты теперь такая и есть, — пожала плечами Далида в ответ на сетования Селены. Ада не вмешивалась в их разговор, слушала вполуха, рассеянно кивая и поглядывая в окно: скоро ли приедут. — А когда знакомство?

— После бала, посвящённого равноденствию.

Ада вздрогнула: она совсем про него забыла, а ведь не явится не могла. А если и Марк придёт? Конечно, явится! Хоть без своей ведьмы и то спасибо! Видеть их вместе было бы невыносимо вдвойне.

— Это здесь, — крикнула Далида, делая ундине знак притормозить.

Лавка Витора была на том же месте в Переулке Модисток, но вывеска “Кружева и сласти” и неяркое освещение витрин говорили о том, что дела у Витора Силкинса пошли на лад.

Внутри перемены тоже бросались в глаза: манекены с винтажными нарядами, похожими на паутину, сновали туда-сюда, как живые. Хозяин, разодетый во фрак, комично строил из себя важного господина, владельца целого модного дома, где угождают самым взыскательным грандам.

— Проходите, сиятельные! — поспешил он навстречу, но узнав Аду, скривился. — А, это вы? Очень рад.

По его лицу было видно обратное, создавалось впечатление, будто хозяину всё равно, что о нём подумают. Витор щёлкнул пальцами, и манекены застыли, как и полагалось бездушным куклам. Хозяин лавки снял цилиндр, вытер пятернёй взмокший лоб и рассмеялся от души:

— Ой, может так и к лучшему. Играть чужие роли тяжело, не так ли, грандина Ада?

— Мне нужно кое-что узнать, — начала разговор девушка, проигнорировав вопрос.

— Похоже, я ошибся с призыванием. Надо закрывать, к лешим, лавку и торговать информацией.

Витор выкатил любимую бочку, спрятанную за манекеном в белом парике и уселся на неё, как на барный стул.

— Слушаю, дева с зеркальным именем — вздохнул он.

— Каким?

— Таким! — огрызнулся Витор. — Пора было уже догадаться: зеркальное имя читается одинаково, что справа налево, что наоборот. Отсюда и сила. Её ты через сыновей передашь клану мужа. Всё ясно? А теперь спрашивай то, зачем пришла.

Ада оглянулась на подруг, словно сомневалась, стоит ли говорить при них, но, в конце концов, именно эти двое поддержали её в сложной ситуации, и замалчивание сейчас было бы сродни недоверию, оскорблением дружбе.

— У меня пятно на бедре. Выглядит ужасно и болит. Иногда, — смущаясь, начала она, стараясь ни на кого не смотреть.

— А я при чём? — откликнулся дубовой эльф, попыхивая трубкой.

— Оно появилось после свидания с Драконом, — встряла Далида, видя растерянность Ады.

— Свидания? Как интересно, — дубовик прищурил глаз. Его лицо приняло хитрое выражение, как у старого лиса. — Встреча была тёплой? Разумеется. Хе-хе. Первый контакт? Или нет? Пропала ты, зеркальная.

— Почему пропала? — с вызовом спросила Далида.

— Это не заразно? — спросила Ада, чьё сердце ухнуло вниз от страха.

— Конечно нет, вила. Бедняга Дракон.

— Пострадала Ада, а жалко Дракона. Мужская солидарность! — фыркнула Далида, не обращая внимания на Селену, пытающуюся не допустить ссоры. Миротворец из неё был никудышный, ундина только больше огорчалась, видя, что её усилия бесполезны.

— Показывай! — коротко сказал Витор, обращаясь к Аде. Серьёзный вид дубовика отнял у девушки последнюю надежду на то, что её недуг — суший пустяк. “Все болезни от нервов”, — вспомнила она расхожую фразу и задрала подол платья так, чтобы было видно пятно на бедре, но ничего более.

— Ух ты! Впервые такое вижу. Зеркальная, да ещё и с клеймом. Повезло, нечего сказать!

— Значит, вы не знаете что это? — испуганно спросила Селена, косясь на округлую голубоватую метку, с таким ровными краями, словно её нанесли искусственно.

— Я этого не говорил, — произнёс Витор и затянулся. Аде казалось, что он специально тянет время. Девушка уже сомневалась, что было разумным приехать сюда. Пора прекращать этот цирк!

— Пойдёмте, он нам не поможет, — сказала Ада, опустив платье.

— А наставницы видели? Фрирр и сиятельная Эмма? — прервал её Витор.

— Нет. Я не собираюсь рассказывать, пока не узнаю, что к чему.

— Это мудрое решение. Древние должны держаться друг друга. Как можно доверять тем, кто переметнулся к новым хозяевам, нарушив четырнадцать законов этики?

— Каких законов? — спросила Селена, распахнув ореховые глаза.

— Например: “не почитай других богов, кроме богов твоего Народа. Ибо чужие боги уничтожат тебя”. Или вот, мой любимый закон: “С захватчиками будь хитёр, как енот, но не впускай их внутрь твоего круга”. А эти... Стыдоба. Им лишь бы у власти стоять. Вон, как ваша ректор. Слюбилась с Драконом и спешит выполнить все его приказы, будто глупая нимфа.

Хозяин задумался и замолчал, уставившись мимо них.

— Рассказывайте, Витор!

— Черноволосая гарпия слишком нетерпелива. Чужие секреты тебе интересны, а о своих молчишь?

Витор прищурился, Ада с удивлением посмотрела на подругу. Та вздрогнула? Неужели она действительно скрывает что-то важное?

— А мне что? Все секреты только в головах шепчущихся. Они никак не поймут: знают двое — знает дюжина. А собственно, зачем Витору вам помогать? — зевнул дубовик. — Мага ты отвернула, Дракона ещё не окрутила, хотя все знаки сходятся.

— Какие? — улучив момент, спросила Далида.

— А вот ты мне можешь помочь, — словно продолжая собственную мысль, сказал дубовик, ткнув в направлении Далиды. — Жилка тут в одиночку не вытянет, а вот если я помогу, быть тебе... ну, ты знаешь. Как задумала. Тебе понравится.

Ада с Селеной переглянулись и уставились на Далиду, которая, как им думалось, вполне понимала, о чём толкует старый толстый эльф.

— Сделку хочешь?

— Я их обожаю!

Витор издал звук похожий на радостное хрюканье или сопение, и спрыгнул с бочки:

— Раньше умели веселиться! Помню, заманишь путника в рощу прохладой и студёным ручьём. Как задашь ему три вопроса, да пообещаешь отпустить, если ответит верно! Хе-хе! Никто, конечно, не отвечал, да и не смог бы. Славное было время! — Витор покраснел от смеха и радостно потёр ладони.

“Докатилась! Уже у маньяков помощи прошу!” — подумала Ада и молча повернула к выходу.

— Да погоди ты, зеркальная! Не обижайся!

Витор с неожиданным для такого тучного тела проворством догнал девушку и преградил дорогу.

— Мойра не зря вас троих мне послала. Наконец-то старуха заглянула к дубовику! Круг судьбы у тебя, Ада!

— Что это за ерунда?

“Хорошо хоть не лишай или что похуже”, — подумала она и вздохнула с облегчением.

— А болит почему?

— Кто-то на суженного твоего посягал. Маги, не иначе. Но ты не бойся, древняя сила крепче новомодных заклятий.

— Магия? — поёжилась Селена. Она боялась всего, связанного с тонким миром заклинаний, предпочитая добиваться исполнения желаний иным путём. Например, упованием на справедливость сильных мира сего.

— Да, дочь Дракона. Магия. Замешанная на крови Древних. А Дракону так и надо, они нас не щадили. Пусть помается, — злобно засмеялся Витор, но тут же его лицо приняло добродушное выражение:

— А мне за труды немного надо. Два стакана твоей крови. Сушие пустяки, не так ли? — Витор смущённо улыбнулся Аде. — Ох, в убыток себе работаю. Жалостливый стал на старости-то лет...

## Глава двадцать пятая. Бал осеннего равноденствия

Ада уехала домой, лишившись нескольких стаканов крови, но взамен девушка обрела уверенность в себе. Новые сведения, переданные ей дубовым эльфом, стоили и слабости в теле, и всех прошлых переживаний.

Истинная пара... Ада радостно улыбалась, в полуобмороке, лёжа в самоходном экипаже, она представляла себя то женой Марка, то беззаботной любовницей, а то и матерью, носящей его детей и качающий их в колыбели. "Теперь всё будет хорошо", — говорила она себе, пока не провалилась в сон.

Проснувшись, девушка с удивлением обнаружила, что находится в своей комнате. Она проспала двое суток, если верить самоменяющемуся календарю на стене.

Ада села в постели и прислушалась к себе. После посещения лавки Витора осталась надежда, дающая силы бороться, и след от пореза на локтевом сгибе.

Преодолев слабость в ногах, Ада первым делом открыла конверт, в котором было послание от Марка. Теперь все прошлые переживания и обиды казались ей глупыми и детскими. Если они предназначены друг другу, выбраны Судьбой из тысяч миллионов мужчин и женщин и сведены вместе в этом мире, то никакие традиции и устаревшие обряды не в силах их разлучить!

Девушка с сильно бьющимся сердцем развернула письмо и несколько раз пробежала глазами строки, прежде, чем уловила смысл:

"Ада!

Не комкай бумагу, прочти до конца.

У меня мало времени, и послание получится сумбурным, но вскоре ты сама всё поймёшь.

Ты очень мне дорога, не смей отворачиваться и делать вид, что тебе всё равно! Знаю: это не так. Я чувствую тебя даже на расстоянии. Сейчас читаешь это и хмуришь брови, думая: а не бросить ли письмо в огонь?

Мы его оба любим, священное пламя Драконов.

Скоро на ужин придёт Лилиан, сегодня скажу ей, что между нами всё кончено. Да ничего и не начиналось. Она для меня чужая, а ты — нет.

У меня есть план и в знак доверия я расскажу в общих чертах. Для начала привлеку на нашу сторону мать, она хитра. Но главное, имеет влияние на отца, вместе мы придумаем, как обойти обычай "Чистой Девы". Должен быть способ, я его найду, а если его нет — изобрету. И тогда тебе никуда не деться!

Напиши мне. Хочу тебя видеть.

Марк".

Ада перечитала несколько раз и только тут поняла, что по щекам льются слёзы. Дракон не отказался от неё, значит, все разговоры об истинной паре правда! Разве пятно — не доказательство? Но тогда оно должно быть и у Марка.

Ада решила, что первым делом спросит его при встрече, нет ли где на теле похожей метки? А если нет?

Девушка усмехнулась и всхлипнула: это ничего не изменит. Ни-че-го!

В груди защемило: Ада только сейчас осознала, насколько соскучилась. По рукам и белой шевелюре. Ада любила запускать в неё руки, словно в снег и прижимать его голову к своей груди. Сливаться в единое целое и дышать в одном ритме. А потом лежать рядом и бояться пошевелиться, разлепить сплетение пальцев, спугнуть счастье...

Ада садилась писать ответ и рвала бумагу, не в силах излить на неё и десятой доли того, что чувствует. В конце концов, она написала короткое:

"Прости, я вспылила. Ты нужен мне".

Девушка запечатала конверт и дрожащей рукой написала адрес Марка. Она не была уверена, что письмо дойдёт до адресата, поэтому решила попросить Далиду или Селену передать его лично в руки.

Всё остальное было как в бреду: долгие и сбивчивые объяснения подругам, прерываемые собственными слезами и всхлипываниями. Проще всего оказалось поручить дело Селене: той были официально разрешены внеплановые отлучки.

Казалось, прошла вечность, пока ундина вернулась обратно и в подробностях рассказала, что передала письмо привратнику. Големы обязательно доставят послание лично Марку, они послушные и не умеют лгать.

Но ответа не было ни в этот день, ни в следующую неделю. Аде хотелось рыдать и проклинать наивность Селены, доверившей её записку чужому. Конечно, Марк ничего не получал!

Далида еле уговорила Аду повременить с визитом в его дом, пугая наказанием и отчислением. Девушка не слушала и отказалась от идеи лишь, когда подруги втолковали ей, что Аду не пропустят к Марку. Тот даже не узнает о её визите.

Когда с момента передачи Селеной послания Ады минуло три долгих дня, девушка получила ответ:

“Раньше написать не мог. Увидимся на празднике осеннего равноденствия, моя вила!”

Ада словно очнулась: до бала осталась неделя. Долгие, нескончаемые семь суток. Девушка улыбнулась: надо подготовиться. У неё будет самое лучшее платье и самая красивая причёска. Как у Лилиан на Мидсуммар, только красивее.

Скоро всё будет просто замечательно.

— Ты готова? — спросила подруга, окидывая себя последним взглядом в зеркале, когда до бала осталось несколько минут. Ада подумала, что Далида обладает особой магией, позволяющей ей быть одинаково красивой как в вечернем платье, так и в рубище. Казалось, бывшая суккуб совсем не прилагает усилий, чтобы выглядеть сногшибательно.

Ада, напротив, тщательно готовилась к балу, но после каждой примеренной вещи настроение девушки ухудшалось. Всё было не то и не тем. Белый цвет делал кожу ещё бледнее, чёрный придавал взрослости. Хотелось быть нежной, но манящей, красивой, но не вульгарной, поэтому все кричащие оттенки и открытые наряды Ада отвергла сразу.

— Готова, — ответила она и, схватив маленькую сумку в тон платья, направилась к двери.

— Не нервничай так! Пстой, поправь перчатку: правая почти до локтя опустилась.

— Да? Я не заметила, спасибо!

— Ещё бы! Да придёт он, успокойся! Будто год не видела...

— Или больше, — слабо улыбнулась Ада. — Думаешь, он меня сразу узнает в толпе?

— Твоё платье видно издалека. Только рядом с занавесками не становись: сольёшься.

— Хватит уже!

— Не, ну правда, зачем обмоталась в три слоя? Надела бы что-то открытое, сексуальное. И волосы бы распустить.

— Я хочу выглядеть элегантно, а не доступной.

— Не сердись! Пойдём, — Далида, направилась к двери. Ада, подобрав подол и стараясь не запутаться в шлейфе, пошла следом, н у порога притормозила:

— Посмотри, я красная?

— Есть немного. И вся дрожишь! Не обращай на меня внимания, ты очень красива, честно.

Ада отмахнулась от комплимента и вздохнула как при прыжке в воду. Марк не сможет сразу к ней подойти, а искать его глазами неприлично. Тем более, за ней наверняка присматривают. После отказа выйти замуж, ей дали время подумать: завтра требуется окончательный ответ. Марк, конечно, что-то придумает!

В бальный зал они пришли одними из последних. Нынешний праздник по статусу считался гораздо скромнее дня зачисления, и оттого было решено провести его в Кломхольме.

Официальная часть ещё не началась, по паркету сновали проворные слуги, разносящие лимонад и горячий винный напиток, по вкусу отдалённо напоминающий глинтвейн. Яркий свет бил в глаза и заставлял прищуриваться.



Привыкнув, Ада оглядела присутствующих и поёжилась: зал был полон красавиц, среди которых она с трудом узнавала сокурсниц и девушек постарше. Почти каждая свободно общалась с мужчинами. Ада уже научилась различать Истинных и легко определила, что больше всего было Магов. Волкодлаки славились горделивой осанкой, это были сплошь высокие немногословные мужчины, по праву составляющие костяк армии страны.

Как обычно, все обратили взоры на вновь вошедших, жёлтые глаза оборотней сверкнули в свете рампы. Страх Ады ушёл, она попала в привычную обстановку, звучала лёгкая ненавязчивая мелодия, вливающая в душу желание нравиться и танцевать. Девушка вспомнила о прочитанных в юности романах о любви и о том, как завидовала героиням галантного века. Тогда мужчины были вежливы и обходительны, а женщины могли быть слабыми и зависимыми.

Как мало она об этом знала! И как нелегко оказывается отстоять своё право на выбор среди вот таких леди и джентльменов! Но пока она справлялась неплохо.

— Может по пирожному? — спросила Далида и, не дожидаясь ответа, за руку потащила Аду в сторону. Девушка удивилась: почему подруга занервничала?

Стол, заставленный блюдами так, что не было видно цвет скатерти, по традиции находился в смежном зале, где всегда стояла прохлада. Ада поёжилась, по обнажённым плечам побежали мурашки. А если Марк войдёт прямо сейчас, на кого она будет похожа? На посиневшего цыплёнка?

— Не оставляй меня, пожалуйста! Мне страшно, — произнесла, озираясь, Далида. В малом зале было безлюдно, расставленные вдоль стен на тонконогих подставках лампы-шары делали освещение тусклым и даже интимным. В тёмных углах за толстыми колоннами Аде чудились живые тени.

— Что случилось?

— Я не могу тебе рассказать, но я решила на один... обряд. Мне Соль предложила.

— Что за обряд? — Аду кольнуло нехорошее предчувствие. Истинные, конечно, хитры и коварны, но по сравнению с Богиней Плодородия, как про себя Ада окрестила Жилку, просто младенцы. От гранды Фрирр можно было ожидать самых изощрённых интриг, и всё с улыбками и уверениями, что так будет лучше для всех. То есть для тех, кому она служила.

Далида залпом выпила лимонад и натужно улыбнулась:

— Так, мелочь одна.

— Жилка мелочами не занимается. Выкладывай!

— Да не могу! — подруга закуталась в золотистый палантин из газа. — Просто поверь, это осознанный шаг. Ничего плохого со мной не случится. Я совсем тебя заморозила, вернёмся.

Далида снова улыбнулась, страх в её глазах пропал, но Ада заметила, что подруга успокоилась и снова стала дерзкой и манящей.

— Мы пропустили речь Эммы.

— К счастью, короткую, — откликнулась подруга. — Зачем вообще она нужна: всем и так ясен смысл праздника? Терпеть не могу лишние слова.

Танцы были в разгаре. Пары в приветственном вальсе кружились по паркету. Мелькали юбки, удушливо пахло цветами.

— Разрешите?

Далида вскинула голову и с улыбкой подала руку кавалеру. Ада подумала, что подруга ждала этого, поскольку ни капельки не раздумывала и не растерялась. Впрочем, соблазнение было у неё в крови.

— Вы умеете танцевать, Ада?

Девушка оглянулась. Прямо перед ней стоял старый знакомый.

Грифон был одет в чёрный костюм, но выделялся среди толпы синим хохолком.

— Да.

— Тогда ближайшие три танца мои.

— Договорились, — ответила Ада, бросив беглый взгляд на зал. Марка не было видно. Может, он придёт позже?

— Что вы здесь делаете, Хедрик? — спросила Ада, как только они закружились в вальсе.

— Развлекаюсь, танцую с вами, а потом схожу что-нибудь перекушу, — ответил грифон с улыбкой, словно по-доброму надсмехаясь над девушкой, ожидавшей совсем иного ответа.

Рядом с Хедриком Аде было спокойно и уютно, она чувствовала себя защищённой, как тоненькое деревце, укрытое скалой от ветра. Гриффин давал ей советы, пусть их смысл в первое время оставался скрытым, но впоследствии они не раз выручали из трудных ситуаций.

— Помогите мне, — произнесла Ада, понизив голос.

— Мне казалось, что ваши дела идут превосходно.

Девушка вздохнула:

— Вы смеетесь надо мной, не хотите помочь или не знаете?

— Кое-что мне известно.

— Я хотела бы поговорить.

— Мы и разговариваем. Лучше способ обменяться секретами — говорить о них в толпе, где все заняты своим делом.

— Я влюбилась, — вымолвила Ада на едином дыхании. Её взгляд, устремлённый мимо партнёра, скользнул по танцующим и задержался среди огромных зеркал, установленных в стенах.

— Знаю. В Дракона.

Девушка кивнула. Хедрик, как обычно, чуть насмешливо спросил:

— Я ему не подхожу.

— Верно.

— И как быть? Только не советуйте найти другого!

— Вариантов два, — Хедрик склонился к Аде и при этом продолжал танцевать так легко и непринуждённо, словно научился ходить гораздо позже, чем освоил танцевальные па. С виду такой высокий и плотный, а на деле пластичный и грациозный, грифон так же легко решал любую проблему, возникшую в его поле зрения, как и вёл партнёршу. По крайней мере, так казалось Аде.

— И?

— Ваше имя — перевёртыш. С какого конца не читай — получится одно. Зеркальное имя. Оно и силы даёт немалые. Глупо не воспользоваться таким шансом.

— Пока оно принесло мне одни проблемы и ненужное внимание.

— Потому что вы, как слепой котёнок тыкаетесь не в те углы, — усмехнулся грифон и развернул Аду так резко, что девушка побоялась сбиться с ритма. — В этом году зеркальная должна стать женой Мага. Их очередь настала. Но, по обычаю, заставить девушку нельзя. В этом прелесть подобных сделок.

Вальс кончился весьма некстати. Ада с досады закусил губу, но помня, что за ней наблюдают, нашла в себе силы улыбнуться и кивком поблагодарить Хедрика. Грифон снова улыбнулся и потрепал девушку по щеке, а потом наклонился и прошептал на ухо:

— Терпение, Ада. Скоро зазвучит клендарин.

Этот танец нравился Аде больше других: весёлый, заводной и в тоже время не настолько быстрый, чтоб не обмолвиться парой фраз. Знай она, что придётся так много вальсировать, почти без передышки, вняла бы совету Далиды и выбрала более открытый наряд. Тем более Марк так и не появился.

Ада встряхнула головой, отгоняя назойливую щемящую тоску. Сердце говорило ей, что он придёт и непременно оценит её красоту. Винный напиток, услужливо принесённый Хедриком, кружил голову. Девушке захотелось больше музыки и света, ароматов цветов и глупых комплиментов. И танцев.

— Пойдёмте, наш выход.

Как только они встали в круг, музыка заиграла, и разговор возобновился.

— Расскажите, всё что знаете. Умоляю вас!

— На это потребуется не один вечер. Вам хватит и двух танцев, чтобы понять самое главное: если Маги вне очереди совершат обряд, приносящий их клану силу, то вы достанетесь Драконам. Их право на зеркальную после Магов.

— Я не девственница, — вздохнула Ада и, поняв что сказала неприличное, почувствовала, как краснеет.

— Ещё проще, о чём тогда разговор?! Если Дракон лишил вас чести, то обязан жениться.

— Это был не он, — выпалила Ада. Вино оказалось крепче, чем она думала и теперь Ада ловила себя на мысли, что у неё нет сил сдерживаться. Девушка говорила всё, о чём в данный момент думала. — Но я была с ним.

— Жаль. Их не обмануть.

Начался следующий танец: неторопливая и сонная кантарелла. Аде хотелось плакать, вслушиваясь в надрывные звуки скрипки и низкие отзвуки виолончели. Это конец. Даже Хедрик не знает иного пути.

— Придётся дать обет безбрачия, — вздохнул Хедрик и нахмурился. — Я бы вам такого не желал.

— Что это значит? — спросила Ада, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

— Если вы решите посвятить жизнь правосудию, то все отстанут. Но замуж так не выйти. Никогда. А значит, вы и благословения на детей не получите, и род свой не продолжите. Подумайте о Магах. Может, вам и приглянется кто?

При воспоминании о Эмиле и его кузине, Аде стало муторно. Нет, лучше одной. Правое бедро обожгло пламенем. Ада чуть слышно вскрикнула и оступилась.

— Я провожу вас до дивана. Идите так, будто просто устали. За вами всегда следят.

— Я хочу вернуться к себе. Спасибо вам за всё.

Хедрик довёл девушку до дверей, но она остановила его жестом и выскользнула в приоткрывшийся проём.

## Глава двадцать шестая. Наваждение любви

Веселье осталось позади и ушло из крови. Аде стало холодно, несмотря на стоящую духоту. Опустевшие коридоры дальнего крыла, в которых было не слышно музыки бала, подходили её настроению. Она тоже была опустошённой, как холодное тело, которое навсегда покинула душа.

Всё стало неважным. И балы, и долгие споры с Эммой и чёрным Драконом, и собранные по крупицам знания о Дольнем мире. И осень за окном, которая так и не сменится весной.

— Ада, — услышала она голос и вздрогнула. Его голос.

Девушка обернулась. Марк, не торопясь, нагонял её. Чёрный костюм очень шёл Дракону, придавал торжественной мрачности и оттенял бледную кожу и белоснежные волосы. Не хватало только красных глаз. “Дракула, выпивший мою кровь”, — подумала Ада и постаралась погасить радостную искру в груди, вспыхнувшую, стоило ему появиться.

— Что ты здесь делаешь? — преодолев желание броситься ему на шею, вымолвила она.

— За тобой иду. Я скоро так все уголки Кломхольма изучу. Где мы?

— Здесь кончается зона саламандр. А дальше — библиотека.

— Что тебе понадобилось в такой вечер среди старых свитков и пыльных книг?

Марк встал совсем рядом. Ада видела своё отражение в его чёрных глазах. Сердце часто забилось. Хотелось податься навстречу и запустить руки в его жёсткие густые пряди. Ноги подкашивались.

— Ты сегодня особенно красива, — Марк провёл по оголённым плечам Ады, еле касаясь пальцами кожи, которая тут же покрылась мурашками.

Девушка попыталась резко отстраниться, пока ещё могла это сделать и не оборачиваясь, убежать прочь. Вместо этого она оступилась, запутавшись в длинных юбках, и оказалась в объятиях Марка. Тот, преодолевая сопротивление, резко её развернул и прижал спиной к дощатой стене. Лакированная поверхность обожгла холодом, который проникал даже сквозь шёлковую ткань платья.

— Ты — мой огонь, — прошептал Марк, покусывая её за ухо. — Зачем мучаешь? Не отвечаешь на письма?

— Я не могу быть твоей, сам знаешь. У тебя уже есть невеста, — пыталась оттолкнуть его Ада, но выходило так, будто она кокетничает.

— Лилиан больше не вхожа в наш дом. Я не женюсь на ней.

Эти слова прозвучали как симфония. Ада хотела спросить Дракона, как он сможет преодолеть иное препятствие, но Марк накрыл ей рот ладонью. Другая рука шарилась по её телу, сминая изумрудный шёлк и обжигая обнажённую кожу плеч.

— Ты это специально? Дразнишь? — прошептал Марк и больно сжал её грудь.

— Что? — переспросила Ада, когда Дракон растрепал с трудом сооружённую причёску. Послышался тихое позвякивание шпилек и невидимых заколок, падающих на пол. Рыжие волны получили свободу и водопадом накрыли плечи.

— Весь вечер танцевала с грифоном. Что ты в нём нашла?

Марк придавил Аду к стене так, что у той перехватило дыхание. Мысли спутались, как и чувства. Надо бы немедленно оттолкнуть наглеца и уйти. Но сил на гордость не осталось, они все истаяли от мучительного ожидания. Разве не о своём Драконе она мечтала все ночи и дни?

Как только он провёл рукой по внутренней стороне бедра, Ада сдалась, но не собиралась этого показывать. Однако последние слова Марка, прерываемые лёгкими поцелуями под шелест сминаемого платья и сбивчивого дыхания их обоих, обезоружили её:

— Я знал, что ты скучала!

Скрываться и далее было бы глупо! Но какая-то внутренняя гордость мешала девушке отдаться своему мужчине полностью. Там, где достаточно светло, их сразу бы заметил любой, кто свернул в дальнее крыло. Наказания бы не последовало: девушкам позволено распоряжаться своей судьбой, но правила приличия нарушать не стоит.

А они их бесстыдно попрали. Для Марка Кломхольм — пустой звук, дом институток, но для неё — это первое место, где приютили, помогли раскрыть истинную сущность, здесь Ада встретила подруг.

— Нет, не так! Нас могут увидеть, — она решительно оттолкнула Марка. Пламя, бушующее внизу живота, причиняло почти физическую боль.

— А где? — спросил Марк, сверкнув глазами. И не дожидаясь ответа, хлопнул в ладоши. Между ними появилась большая шаровая молния. Дракон метнул её в сторону ближайшего светящегося шара на подставке. Хрустнуло стекло, следом погас ещё один шар. Послышались стоны гаснущих ламп, и спустя пару минут коридор погрузился в полутьму. Из окна на пол сочился лунный свет.

“Я тоже так умею”, — хотела сказать Ада, но не успела. Она ощущала только руки Марка, его запах, такой родной и знакомый, слышала звук рвущейся ткани нижних юбок и поняла, что больше не в силах сопротивляться. Прижатая к стене, оторванная от пола, полуголая с разорванным платьем и разведёнными ногами, она была счастлива до боли в груди.

В каждом движении и поцелуе, которые становились всё более жадными и грубыми, ей чудилось повторяемое на все лады слово: моя, моя, моя!

Кого она обманывает?

— Ты всегда будешь делать то, что я захочу! — прошептал ей на ухо Марк, прерывая ласку, чтобы тут же слиться с Адой в единое целое. Ворваться внутрь, как буря, от которой не помогут самые крепкие ставни.

Ада протяжно выдохнула и пропала, отдавшись на волю волн и покорившись морскому богу. Сейчас в мире не было ничего важнее этой добровольной, радостной жертвы.

— Как ты посмел? — с дрожью в голосе спросила Ада, когда Марк бережно поставил её на пол и поцеловал в нос. Она не сомневалась, что если бы здесь было светло, то увидела бы его довольное лицо и нахальную полуулыбку.

— Ты о сексе или о разорванном платье? — откликнулся тот. В голосе слышалась усталость. — Я куплю тебе много новых нарядов. И большинство разорву, если посмеешь танцевать с кем-то, кроме меня.

— Ты принудил меня!

— Не лги! Прежде всего себе! Я чувствовал, как тебе понравилось! Мне тоже.

Самодовольство в голосе раздражало до такой степени, что хотелось дать ему пощёчину и... покориться вновь. Однако на вторые роли Ада была не согласна.

— Я не смогу стать твоей женой, сам знаешь. А любовницей — мне не надо.

Шуршание одежды, и она снова очутилась в кольце рук. На этот раз ласковых и дружеских.

— Я свободен, ты тоже. Должен быть способ обойти закон, верь мне, я его ищу!

— Сколько на это понадобится времени? Год, пара лет? Я быстрее состарюсь, чем выйду замуж.

— Ты и так моя.

— Да, — ответила Ада и прижалась к Марку, обвив его руками. Ей сделалось спокойно и хорошо, жжение в бедре совсем прошло, будто и не было пугающего клейма. — Марк, скажи честно.

— Что такое, ма вила? — раздался над ухом насмешливый голос. Ада почувствовала поцелуй в макушку. — Мне и вправду понравилось, не беспокойся.

— Какой ты! — Ада отстранилась и попыталась прикрыться разорванными кусками шёлка, чтобы с достоинством дойти до своей комнаты. Скорее всего сейчас все на балу, но кто знает, кого повстречаешь?

Марк, придерживая девушку за локоть, аккуратно двинулся по коридору, к дальней двери, которая вела на лестницу чёрного хода. По ней легко и незаметно можно будет добраться до комнат гарпий.

— Ты выглядишь, как древняя предводительница воинов, — произнёс Марк, оглядев девушку. — Которая проиграла битву.

— Мне не до шуток. Лучше скажи, у тебя есть пятно на бедре? Ну, или где-нибудь ещё?

Аде показалось, что Марк вздрогнул. Впрочем, она могла ошибиться: после полутьмы коридора девушка не сразу привыкла к яркому освещению лестничных пролётов.

— Что за пятно?

— Вот такое.

Ада выставила вперёд правую ногу так, чтобы клеймо было чётко видно. Округлое, равномерно насыщенного голубого цвета оно казалось ненастоящим. Марк коснулся его кончиками пальцев, которые снова поползли вверх, туда, где под еле прекрывающими тело кусками шёлка скрывалась другая Ада, раскованная и безбашенная.

— Может?..

— Нет. Ответь, пожалуйста.

Марк вздохнул и произнёс надтреснувшим голосом:

— У меня оно алое. В остальном — очень похоже.

— Тогда всё сходится.

— Чему ты улыбаешься? Что скрываешь?

— Это “круг Судьбы”. Если верить легендам, он возникает у мужчины и женщины, которые предназначены друг другу, после...

— После секса?

— Именно.

— Пошли к тебе, — отрывисто произнёс Марк и, крепко сжав ладонь Ады, заставил её показывать дорогу. Лишь когда дверь комнаты плотно закрылась, и девушка по-быстрому приняла душ и переделалась, он продолжил допрос: — Откуда тебе известно, что эти пятна — именно клеймо Избранных?

Витор рассказал, дубовой эльф из Переулка Модисток.

— Нашла кому доверять! Все древние лгут. Ему что-то надо от тебя, и только.

— И я тоже вру? — спросила девушка с вызовом. Она смотрела в глаза Марка, пока тот не отвёл взгляд. — Я — дочь Древнего народа и человеческой расы.

— С чего ты взяла? Твой отец объявился? Нет, ерунда, я бы знал.

Марк мерил шагами комнату, словно разъярённый тигр, запертый в тесной клетке. Мужчина то останавливался, по-птичьё склонив голову набок, то снова принимался кружить по комнате, время от времени бросая заинтересованные взгляды на Аду.

— Так кто твой отец? — спросил он наконец.

— Я не знаю.

— Впрочем, я тоже думаю, что это метка Судьбы. Всё укладывается в миф.

— Какой ещё миф? Тот самый, о первой истинной паре? Расскажи, пожалуйста! Я так ничего и не нашла, даже в секции сказок.

— В Кломхольме такое и не найти. Впрочем, как и в Академии Эриксон. Да и во всех других.

— Почему?

Марк пожал плечами:

— Чтобы не сеять в молодых умах глупые мысли о великой любви, способной стать выше долга перед кланом.

Ада улыбнулась. Сейчас её любимый говорил заученными и высокопарными фразами. В точности, как Тагир. Но в отличие от последнего, он не внушал ей страх. Наоборот, хотелось подойти и провести по лбу Марка, стерев любовью морщины и сдвинутые брови. Она так и поступила.

— Леонтина была знатной дочерью Древнего народа. Тогда он ещё не был слабым, хоть и жил по законам, установленным захватчиками, — начал Марк рассказ, держа девушку в объятиях. — Рэв

являлся предводителем одного из волчьих кланов. Обратни обязали Древних каждый год отдавать им по двенадцать девственниц. Среди них выбиралась одна для обряда плодородия.

— Что за обряд?

— В конце осени, во время первого снега, на свежеспаханной земле девственница с завязанными глазами отдавалась троим, выбранным племенем, волкодлакам. Потом жрица проводила обряд благословения семени, девушка беременела и затем рожала сильного члена клана. Кстати, Жилка была одной из них.

— Из этих девственниц? — ахнула Ада, даже не возражая против рук Марка, бесстыдно лапающих её.

— Нет, конечно. Она была жрицей деторождения. Собственно, Фрирр и сейчас этим промышляет. Разумеется, без варварских обычаев.

— И Леонтина...

— Нет, она уговорила Рэва взять её до обряда. Опытный немолодой волк не устоял перед древней кровью.

— А дальше? — спросила шёпотом Ада, чувствуя сладкую истому, разгорающуюся внутри. Марк развернул девушку спиной и нежно поцеловал в шею.

— Дальше, всё как у нас. И долгая, счастливая жизнь.

— Марк, погоди!

— Я соскучился по тебе, разве не чувствуешь?

— Хватит! — Ада вывернулась из его объятий и строго посмотрела на Марка: — Выкладывай свой план!

Дракон на мгновение задумался, словно решал, стоит ли выкладывать карты на стол. Аду это задело: неужели Марк ей врёт, говоря, что план существует?! Или попросту не доверяет своей любимой?

Тем временем мужчина очнулся от забытья и посмотрел лукавым взглядом:

— Нам помогут моя мать и Эмма.

— Каким это образом?

На Аду накатила усталость: он что, выдумывает “на ходу”? Или она знает не всё?

Марк приблизился, на этот раз осторожно и нежно взял её за плечи:

— Опять ты во мне сомневаешься, вила? А ещё говоришь что-то про истинную пару. Разве я дал повод усомниться? Не был правдив? Не выполнял обещаний?

Слова Марка звучали горькой полынью, упрёки заставляли опускать голову всё ниже. Дракон был прав, во всём и всегда. Как она собралась бороться за своё право любить: молча ждать, пока суженного женят на ведьме?

— Извини, — чуть слышно пролепетала девушка, чувствуя, как пылают щёки, но, всё ещё не смея посмотреть в ледяные глаза Дракона.

Марк молчал, Ада понимала: он обижен. “Гнев мужчины можно погасить, только отдав ему своё тело”, — некстати вспомнилась фраза из какой-то мелодрамы.

Но Дракон заговорил первым. Чужой, отстранённый голос будто докладывал о проделанной работе:

— Мама во всём мне потакает. И она терпеть не может, когда подчёркивают её происхождение. Лириан, с моей подачи, теперь вызывает у неё отвращение. А возможность ввести в свой клан зеркальную, возвеличить с помощью тебя свой род — заманчивая перспектива. Для феи поступать хитро — естественное поведение. Считаю, скоро мой отец будет обдумывать возможность женитьбы младшего сына на необычной девушке с именем-перевёртышем.

— А Эмма?

— Она предана нашему дому. Разумеется, не просто так. Тагир недаром проводит часы в её кабинете.

— Неужели они?..

Ада была поражена, даже на мгновение забыв, что необходимо умаслить Марка и вернуть ему улыбку, растопить лёд в чёрных глазах, чтоб увидеть священный огонь Драконов, который теперь стал и её судьбой.

— А что ты так забеспокоилась?

Голос Марка стал вкрадчивым, однако за ним угадывались жёсткие нотки. Ада погладила Марка по щеке, но тот отстранился, словно не желал примирения.

Внезапно она поняла, что должна сделать. Образ пришёл из ниоткуда и явно не из эротических фантазий: подчинение всегда казалось девушке унижительным, попирающим достоинство и гордость. Но сцена, прокручивающаяся в голове, всё никак не желала отпустить.

Ада вздохнула и торопливыми движениями сняла с себя всю одежду. Обнажённой спине стало холодно, а в груди разгорался пожар. Девушка опустилась на колени, склонила голову так низко, что рыжие локоны закрыли лицо. На секунду ей померещился запах масляных ламп, кудри превратились в прямые чёрные пряди, грудь округлилась, а в душу заполз чужой склизкий страх: откажет? Или, что ещё хуже, согласится? Мысли были явно не её.

В комнате стало необычайно тихо. Видение отпустило, в глазах просветлело.

— Я вручаю себя тебе, отныне и на всю жизнь. Прошу принять меня без всяких обязательств с твоей стороны, — произнесла Ада чужие слова и сразу осознала: поступила правильно.

— Я принимаю, — ответил Марк, чуть дрогнувшим голосом. — Встань и исполни то, в чём поклялась.

Словно невидимая сила подняла Аду с колен и легонько подтолкнула к постели. Девушка легла на бок, боясь обернуться, словно оставила позади чужого и страшного мужчину, зверя, которому во имя долга обязана отдать всё самое ценное.

На этот раз Марк не был грубым, скорее нетерпеливым. Ада удивилась, вскрикнула и напряглась, но спустя мгновение, поняв, что он не остановится, попыталась приноровиться к движениям. Вначале было больно, но вскоре девушка даже начала получать удовольствие от своего униженного положения. Иногда ей казалось, что всё происходит где-то далеко и не с ней.

— Тебе нравится? — горячее дыхание обожгло ушную раковину.

— Да, Хозяин, — только и вымолвила Ада, тут же подивившись своему ответу. Но думать не хотелось, Ада жаждала раствориться в новых ощущениях и роли покорной рабыни.

Всё закончилось, как и началось, с грубости и несдержанности партнёра. Ада даже про себя не называла его по имени, словно тот, кто сейчас занимался с ней сексом, был кем-то иным, пока незнакомым, но не Марком Ладонем, сыном пятого Драка.

— Ада, прости меня! Тебе было больно? Не знаю, что на меня нашло, будто мной кто-то руководил. Наваждение какое-то. Говорят, так бывает, это отголосок памяти. Я с ума схожу...

— Мы оба. У меня было так же. Словно ты — не ты. Мне даже понравилось, но в следующий раз предупреждай, пожалуйста.

— Иди ко мне! — улыбнулся Марк и притянул Аду к себе. Полежав так какое-то время, Дракон с улыбкой спросил: — Знаешь, что мне сейчас пришло в голову?

— Боюсь предположить.

— Я всё-таки лишил тебя невинности, верно?

Девушка обернулась и, привстав на локте, посмотрела на Дракона.



## Глава двадцать седьмая. Исчезновение Далиды

Ада не находила себе места: Далида пропала. Она не появлялась на занятиях и не приходила ночевать уже пятый день.

Беспокойство отодвинуло на второй план собственные переживания. Девушка раньше не позволяла партнёрам нетрадиционные способы любви, но с Марком всё вышло само собой. Как будто не было ничего естественнее, чем позволять любимому наслаждаться всем твоим телом.

Ада планировала откровенно поговорить с Драконом, чтобы впредь их любовные игры происходили по обоюдному согласию и не заставляли её чувствовать себя игрушкой, но исчезновение Далиды отсрочило откровенности на неопределённое время.

Девушка поспрашивала на факультете, в том числе и старшекурсниц, не видел ли кто её соседку, но все пожимали плечами.

Взяв в поддержку Селену и Рестрику, Ада отправилась к Жилке, но та загадочно улыбалась и посоветовала девушкам не беспокоиться. Мол, скоро объявится. Ада не отступала, и Соль начала раздражаться, выпроваживая непрошенных гостей. В конце концов, она почти силой выставила их из кабинета, чуть не хлопнув дверью перед носом.

Посмотрев в глаза Аде, Жидка заметила с еле сдерживаемой злостью:

— Лучше бы своей судьбой озаботилась. Вила Лонс поступила разумно, и за это её ждёт награда. Илиодор всегда будет райским местом для благоразумных Пришлых.

— Соль не соврала, — заметила Рестрика, когда троица в гнетущем молчании спустилась на свой этаж. Подруги, не сговариваясь, дошли до комнаты Ады и Далиды.

— Может, Эмма знает? — робко спросила Селена, которая до жути боялась ректора.

Ада её понимала: при всей внешней доброжелательности в Эмме чувствовался некий стержень. Такие переступят через тебя и пойдут дальше, оправдывая жертвы общим благом. Да и заострённые зубы у клана Бригитты, к которым относил себя ректор, явно не просто так. Её пицца состояла из сырого мяса и овощей, ходили слухи, что вместо вина она на ужин попивала из бокала, наполненного свежей кровью. Страшно предположить, чьей.

Но выбор был невелик: обратиться к Эмме или сидеть и ждать, пока Далида вернётся. Последнее Аду не устраивало.

— Надо идти, — кивнула она.

— Послушайте, — Рестрика обернулась к подругам. — С чего вы вообще решили, что с Далидой случилось что-то плохое?

— Просто так никто не пропадает, — вздохнула Селена.

— Далида говорила мне недавно, что Жилка предложила ей участие в обряде, — вспомнила Ада.

— Во-от, — протянула ламия.

— Только что это за обряд? Может, ей нужна наша помощь?

— Вряд ли нашей бесстрашной грозит опасность, — поддержала Рестрику сирена. — Все жестокие обряды в прошлом. Нынешние мистерии больше похожи на театральные представления.

— Кто знает? — Ада не могла успокоиться. — Когда ближайшее таинство, ты знаешь?

— Среди девчат с курса ходили слухи, что у Волкодлаков что-то затевалось. Как только выпал первый снег, они все собрались на вечернее бдение. Говорят, оно проводится только по особым случаям.

— И что, Маги и Драконы, не в курсе?!

— Ада, у остальных Истинных нет причин мешать клановым праздникам, — поддержала ламию Селена. — Сильфа Бересия... то есть, сестра многое мне объяснила.

— Кроме того, кто ваш отец, верно? — фыркнула Ада. — Как здешним вообще можно доверять? Они все лгут.

— Даже Марк? — спросила Рестрика с лёгкой улыбкой.

— Ну, этот, может, просто не договаривает.

— Что по факту одно и то же, — настаивала подруга.

Ада понимала, что ламия говорит верно. Они всегда стоят за истину, сколь бы горькой и разрушительной та ни была. К мнению судебных дознавателей, коими по призванию и обучению являлись ламии, стоило прислушаться.

— Ты, конечно, права, — вымолвила Ада.

— Рада, что гарпия вспомнила на чьей стороне она стоит. Мы не имеем права забывать о законе, поэтому обязаны докапываться до истины, пусть даже и самой неприятной. Надо поспешить к Эмме сейчас. Всем вместе.

— Сейчас? — ужаснулась Селена и отошла к окну, словно боялась, что кто-то снаружи может заглянуть в комнату и подслушать крамольные речи.

— Конечно. Жилка наверняка рассказала ей о нашем приходе, но они пока не успели придумать правдоподобную версию. Так у нас есть шанс услышать правду.

— Это разумно, — ответила Ада. — Но защиту мы не пробьём, сил и знаний не хватит.

— Если застать врасплох, нам и так скажут правду, — пожала плечами Рестрика.

— Я с вами, — кивнула Селена и первой решительно направилась к двери. Подруги переглянулись и поспешили следом.

По негласной договорённости начать разговор предстояло Аде. Девушка постучала в дубовую дверь кабинета. Звук получился неожиданно громким, как набат. По ту сторону было тихо.

Ада всю дорогу гнала от себя мысли о том, что она будет делать и говорить, если вдруг окажется, что Эмма не одна. Что ж, ради подруги она потерпит и преодолит страх, который так умело вызывал в ней Тагир. Но надежда не покидала Аду: ей должно повезти.

Дверь так и не открыли. Постояв немного и для верности, сделав ещё пару попыток, девушки медленно отошли.

— Попробуем к вечеру, — предложила Селена. Ада кивнула и, смотря себе под ноги, направилась к лестнице, чтобы на первом же пролёте столкнуться со своим кошмаром. “Не повезло”, — успела она подумать прежде, чем почувствовала приближение холода и страха. Они заползли в душу, клубясь, подобно туману с болот, стелящемуся по земле.

Взгляд Тагира внимательно изучал лицо Ады, словно Дракон о чём-то раздумывал. Он разглядывал её, оценивая так, как присматриваются к товару на рынке, мысленно прикидывая: а нужна ли ему эта безделица.

— Доброго дня! — пролепетала Ада, заставляя себя поднять глаза на противника. У неё перехватило дыхание, и девушка снова опустила взгляд.

— Смотря для кого из вас, — отрывисто произнёс Тагир, и страх выпустил Аду из цепких влажных когтей. Девушка инстинктивно поняла, что взгляд Дракона направлен на другой объект. — Что вам здесь надо?

— Извините, сиятельный, но мы хотели узнать о судьбе подруги. Она пропала, — слышался чистый голос ундины. В нём не было волнения, а тем более страха, словно Селена вела светскую беседу с почти равным себе.

— Я понял, о ком вы, — коротко рассмеялся Дракон и добавил тоном, в котором угадывались угрожающие нотки: — Она оказалась не так проста, как мне думалось. А сейчас уходите. Эмме не до вас.

Ада почувствовала облегчение наполовину с желанием как можно скорее испариться, исчезнуть в своей комнате и, забравшись под одеяло, терпеливо и безропотно ждать, пока Далида вернётся.

Тагир, не дожидаясь, пока девушки выйдут из оцепенения, продолжил путь наверх. Ада вновь обрела способность ясно мыслить и владеть своим телом. Подруги продолжили спускаться.

— А знаешь, зеркальная, — остановил Аду ледяной, с насмешкой, тон Тагира, доносящийся сверху, словно с небес. — Твоя взяла. Возможно, ты и пригодишься Драконам.

## Глава двадцать восьмая. Крушение планов

Эмма, в который раз за сегодняшний день, рассматривала в трюмо своё отражение. Она выбрала свой самый любимый образ: коротковолосой чернявой девушки с лицом, покрытым идеальным бронзовым загаром. Аборигенка с далёких островов, промышляющая охотой. Дерзкая амазонка, обходящаяся без мужчин.

Стук в дверь родил в глубине души глухое раздражение. Она ведь только расслабилась и начала мысленно обустроить своё счастливое будущее! Без этого кабинета, долгой и никому не нужной молодости и, главное, без глупых первокурсниц.

Бригитта знала, кто пришёл и зачем, поэтому откинулась на спинку стула и закрыла глаза. У неё не было настроения выслушивать сбивчивые речи и успокаивать нервных девиц, ни черта не смыслящих в жизни.

Скольких таких она повидала! Наивных и восторженных или хитрых, пронырливых с лстивыми речами. Ада Грекова была и той, и другой одновременно. Эмме она нравилась, но интересы Кломхольма стоят превыше любой его воспитанницы, потому что затрагивают судьбы всех тех, кто здесь учится, работает, живёт в Дольнем мире и за его пределами.

Последняя из Бригитт, как никто иной, чувствовала тонкие связи, возникающие от одного неосторожного слова, способного зажечь костёр войны. Прошлая закончилась давным-давно, если поднапрячься, можно вспомнить, сколько с тех пор минуло лет и даже предугадать, когда начнётся следующая. Но Эмма предпочитала думать о настоящем, отражающемся в серебряной глади зеркала.

Она почти не изменилась внешне. Коварная, жестокая истина: Бригитты стареют очень медленно и живут слишком долго, чтобы быть счастливыми. Однако, смерть приходит и за ними, когда Богини уже устанут хоронить близких.

Человекам повезло: те проживают как мотыльки и не успевают ощутить осень и увидеть бесконечную зиму. Даже Истинным дана эта милость, как и Пришлым. Их век недолог.

Повторный стук в дверь заставил вздрогнуть. Эмма прислушалась: нет, не он. Тагир стучит по-иному, как господин. Да он и является им, несмотря на то, что гораздо младше. Какая ирония: Богиня влюбилась в недолговечного! Эмма усмехнулась: в глубине души она давно была готова отказаться от дара долголетия и снизойти до любовника. Только вот Богиня совсем не хотела признаваться в очевидном: четвёртый Драк не хочет брать её в жёны.

Снова постучали. Эти девчонки ей порядком надоели. Сейчас бы выйти и устроить всем троим головомойку, но Эмма знала: не годится пачкать ауру гневом перед встречей со своим мужчиной.

На этот раз стук был иным, знаковым. Бросив взгляд на молодую женщину в зеркале, Эмма встала и поправила вырез блузки. Тот раскрылся будто невзначай, словно обладательница соблазнительных округлостей была слишком занята, чтобы обращать внимание на подобные пустяки.

Тагир немного попенял хозяйке, что та долго не открывала, но она видела: настроение у Дракона отличное. Против обыкновения, он был спокоен и даже рассеян, словно какая-то мысль не давала ему покоя. О делах Тагир бросил пару слов и почти сразу завёл речь о семье. Сердце Эммы радостно затрепетало: неужели он, наконец, оценил её преданность и нестареющее тело? Она залиvisto смеялась, встряхивая волосами, и на самом деле ощущала себя юной девой молодого мира, ещё не знающего зим.

— Ты знаешь, что для любого из нас, Драконов, семья на первом месте, — начал по-деловому Тагир, откинувшись на спинку кресла. Он любил сидеть за её столом, показывая, кто истинный владыка Кломхольма. Эмму это только забавляло. Так воспитательница смотрит на тщеславные игры подростков, позволяя им думать, что мир прост и понятен.

— В этом и наша слабость, — продолжил Дракон. — Мы хотим видеть сильное потомство, способное прославить и продлить наше господство на этой земле, но при этом не готовы жертвовать своей кровью, детьми.

Эмма кивнула.

— Совет часто обвиняет меня в лоббировании интересов своей расы. Мол, я выбираю наиболее сильных и талантливых Пришлых, а ты делаешь так, что они достаются нашему клану.

— А это не правда? — насмешливо улыбнулась ректоресса.

— Разумеется, именно так и никак иначе. И тем не менее я не забываю о хрупком равновесии

между Истинными. Интересы остальных тоже важны. Магам и Волкодлаком не было причин нарушать очерёдность, “право Рода” в этом году должны получить Маги.

— Но зеркальная отказалась от союза с ними.

— Верно. Начнём с того, что они сами виноваты. И потом, у них осталась Лилиан — довольно сильный козырь. Она станет родоначальницей крепкой ветви.

Эмма вспомнила о терзаниях, выпавших на её долю, пока шли тайные переговоры о свадьбе Тагира и Магессы. Хорошо, что он отказался. Может, это был знак, что и для Богини не всё потеряно?

— Тебе неинтересно или ты думаешь о чём-то более важном? — раздражение Тагира ворвалось в сладкие мечты Эммы.

— Я внимательна, сиятельный, как никогда.

— Не похоже... Нам надо обсудить важные вещи. Я не люблю тратить энергию слов впустую.

“Вот почему он избрал для своей речи мой кабинет! Хочет сделать официальное заявление”.

Тагир встал и, сутулясь, медленно прошёл к плотно зашторенному окну.

— Ты в курсе, что Волкодлаки провели обряд плодородия? Только не лги!

Дракон резко обернулся и уставился на Эмму, которая ощутила прилив страха. Мужчина, сидящий сейчас за её столом, как полноправный хозяин, давно не вызывал в ней подобных чувств.

— Да, Жилка говорила мне, — не отводя взгляда, ответила она как можно спокойнее. Полуправда — это совсем другое, она не похожа на роскошную орхидею лжи, скорее на скромную лилию, распространяющую сладкий запах, успокаивающий собеседника.

— И ты не сочла необходимым передать сведения мне, — утвердительно продолжил Тагир, будто раздумывал, как это можно использовать.

— Ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Я понял. Когда будет ясно, проросла ли почва?

— Как обычно. Через месяц. Жилка давно не проводила этот обряд, её сил может и не хватить.

Эмма в этом почти не сомневалась. Тагир зря волнуется, но сказать ему об этом всё равно, что обвинить себя в лояльности другой расе Истинных.

— Так будет лучше для нас, но даже в случае её успеха, не беда. Ты знаешь, у меня есть резервный план. Учитывая, что Лилиан готовится к замужеству и отъезду в Северное королевство, а Волкодлаки предприняли усилия по укреплению рода, я могу поступить так же.

Эмма внутренне затрепетала. Вот оно! Сейчас он скажет то, чего она так долго ждала. Хотелось отдалить этот момент, насладиться предвкушением.

— Я понимаю, что поступаю эгоистично. Так может показаться, но с другой стороны, женитьба и рождение сыновей только укрепят позиции Драконов. Мои соратники и первый Драк в курсе и одобряют проект.

— Ты решил снова жениться? — спросила Эмма, как можно небрежнее и улыбнулась.

— Я доволен своими дочерьми, но клану нужны сильные Драконы.

Ректоресса встала и, стараясь скрыть охватившую её дрожь, пересела в тень, на красный диван. Она столько раз мечтала об этом, представляла, как разыграет удивление и предложит любовнику дать ей время на размышление. Институт нельзя бросить в одночасье, хотя минуту назад она была к этому готова.

— Зачем же ты говоришь об этом мне?

— Не притворяйся, Эмма. Мы оба знаем, к чему я веду.

Слёзы радости навернулись на глаза. Именно так она себе всё и представляла!

— Я с радостью помогу, чем смогу. Но вдруг снова родится дочь?

Тагир помрачнел и, тяжело поднявшись, отошёл к окну. По-видимому, эта мысль тоже приходила ему в голову.

— Я думал и об этом, — вздохнул он. Эмме захотелось подойти и обнять его, сказать, что она приложит все умения, но родит ему много сыновей, соберёт все нерастраченные за века женские силы и станет подобной людям, способным производить на свет потомство почти каждый год. Эмма была готова расстаться с долголетием и сравняться годами с мужем, как она про себя впервые назвала Тагира.

— Хотя страхи, уверен, необоснованны. Зеркальные девы чаще прочих рожают сыновей.

Эмме показалось, что её сердца коснулся жертвенный нож. Она не могла вздохнуть или что-то сказать. Должно быть так чувствовали себя агонизирующие девушки, принесённые в дар во славу мистерий Древних. Она сама нередко присутствовала на подобных празднествах в качестве жрицы.

— Ты имеешь в виду новенькую? Грекову?

— Да, разумеется. Кого же ещё? Она прекрасный козырь, молода, сильна и будет покорной женой. Я об этом позабочусь.

— Но она не девственница! — ухватилась за последнюю соломинку Эмма, понимая, что тонет. — И твой племянник...

— Это не помеха. Стоит ей принять обет Благочестия, как она приравняется к чистой деве. Поэтому мне и нужна твоя помощь. Ты найдёшь слова, чтобы убедить девчонку.

— Но она по уши влюблена в...

Тагир раздражённо пожал плечами и усмехнулся:

— Так ещё проще: не заметит ловушки. Просто скажи ей, что для того, чтобы выйти замуж за Дракона, нужен обет. Это даже не будет ложью.

— А как же Марк?

— Он молод, у него всё ещё впереди. Если ему так не терпится жениться, пусть возьмёт мою дочь. Красивая, скромная, чистая. Идеальная партия для младшего сына.

— Бересия? — машинально спросила Эмма, плохо понимая, что происходит.

— Нет, другая. Селена, дочь ундины. Это большая честь для любого — жениться на моей дочери, пусть ценит.

Эмма поднялась с дивана и подошла ближе, так и не решившись посмотреть Тагиру в глаза. Она понимала, что либо скажет всё, что думает сейчас, либо в следующий раз Дракон не станет терять время на излишние подруги.

Робеть ректоресса не привыкла:

— Ты понимаешь, что я не могу и не хочу этого делать? — спокойно сказала она, вперив взгляд в противника.

Дракон вздрогнул и виновато опустил глаза, чтобы через мгновение вернуться снова таким, каким Эмма его и помнила: высокомерным и холодным Истинным, сознающим свою божественную правоту во всём и всегда.

— Понимаю.

Ёмким словом было сказано многое, оно прозвучало как окончательный приговор.

— Я надеялась, что когда-нибудь ты позавёшь замуж меня. К чему тебе молодая девчонка без роду и племени?

— Я не обязан тебе докладывать, но в знак нашей дружбы, — Тагир выразительно помолчал и продолжил: — так и быть, объясню. Молодая — значит, здоровая и сильная, простодушная и покорная. Я не собираюсь тратить остаток дней на распри и запугивания жены. Пришлая не имеет родни, способной строить козни, она не будет жаловаться им, а они в свою очередь, надоедают мне. Зеркальная укрепит мой род и подарит сыновей. Ты же, Эмма, при всём совершенстве и древней крови, ни то, ни другое, ни третье!

“Что ж, — подумала она. — Так и есть”.

— То есть, мы больше не сможем видеться?

— До свершения помолвки всё останется как прежде. А дальше — долг обязывает забыть вход в твою спальню. Очень жаль.

Тагир насупился и помрачнел. Эмма ему верила: Драконы слишком самоуверенны, чтобы лгать и плести интриги, они полагают, что остальные почтут за благо и великую честь быть полезным их расе. Четвёртый Драк не был исключением, но от этого не становилось проще и болело не меньше.

Между бровями мужчины углубилась морщинка, словно черта, разделившая мир на до и после. Эмма почувствовала на языке терпкий вкус осенних ягод, предвещающий близость холода. Богине не сложно видеть конец там, где иные наслаждаются разгаром лета.

Ректоресса медленно отошла к дивану и снова села так, чтобы на лицо падала густая тень абажура. В голове было пусто и тихо, ни единой мысли или звука. Казалось, даже сердце, безупречно работавшее много столетий, замолчало, устав от одиночества.

Эмма прикрыла веки и затихла, скрестив руки на груди. Хотелось замереть, да так и остаться: ни живой, ни мёртвой. Подобным образом Бригитты восстанавливали силы и залечивали любые раны, но ректоресса пользовалась приёмом нечасто, боясь проспать слишком долго по меркам народов, населяющих Дольний мир.

Однако теперь всё это стало неважным.

Замкнувшись в себе, она еле услышала стук двери. Одиночество стало полным, но больше не могло её задеть.

## Глава двадцать девятая. Желания подруг

Далида вернулась, но замкнулась в себе. Соседка подолгу просиживала на кровати, поджав под себя ноги, и молчала, изредка улыбаясь. Перед ней стояла полупустая тарелка с пирожными.

В такой позе её и нашла Ада, вернувшись с занятий. Девушка сначала кинулась к вновь обрётённой подруге, обняла её и заплакала, не стесняясь слёз. Разлука помогла понять, насколько Аде близка бывшая суккуб.

И дело вовсе не в осиротевшей комнате, где ранее силами Далиды поддерживался идеальный порядок. Ада с гордостью сообщила, что почти превзошла подругу в мании уборки: девушка отвела каждой вещи своё место и не позволяла пыли скапливаться на письменных столах. На самом деле, ритуал помогал скоротать время и унять грызущую тревогу.

Далида радостно закивала, и по её сияющим глазам было видно, насколько она рада видеть Аду и узнать, что та по ней скучала.

— Не стоило так волноваться, — пожалала она плечами, мягко уйдя от вопросов, сводящихся по сути к одному: где она так долго пропадала. — Мне надо будет снова отлучиться.

— Опять исчезнешь на неделю? Как хочешь, но я пойду с тобой.

— Нет! — Далида решительно встала, её пухлые губы превратились в узкую линию. — Тебе нельзя!

— Да что такое происходит?!

Ада подошла к Далиде и обняла её, подруга ответила лёгким похлопыванием по спине и, отстранившись, заглянула Аде в глаза:

— Прости, что я пока не могу тебе всё рассказать, даже намекнуть не получится. Всё поменялось, и в первую очередь я сама. Сейчас мне надо уйти, но к вечеру вернусь. Обещаю.

— Пропустишь занятия?

Далида отвела глаза.

— Когда ты думаешь уходить?

— Сейчас, только переоденусь.

— Нет. Я про институт. Ты ведь решила бросить Кломхольм?

— Не сейчас, — Далида отошла к окну, отодвинула занавеску и, простояв с минуту, вглядываясь вдаль, на зелёный луг, вернулась. — Если всё получится.

— Я поняла! Ты решила выйти замуж? Только не уходи от ответа, пожалуйста!

Далида тяжело вздохнула, словно сожалела о своём решении:

— Нет! Пока не собираюсь. И больше ни слова об этом!

Далида быстро переделалась в своё любимое платье до колен, прикрыв глубокий вырез тёмной шалью. Это было настолько необычным для подруги, стремящейся оголить как можно больше тела, что Ада не удержалась и спросила:

— Ты какая-то другая?

— Глупости! Просто в моей жизни скоро начнётся новый период. Я на это надеюсь, — улыбнулась Далида и выскользнула за дверь.

Вернулась она поздно вечером. Ада уже легла в постель. Густая паутина дрёмы, оплетающая разум, вмиг разлетелась на тоненькие нити. Далида была не одна.

— Пр-иветствую! — произнёс катравый голос.

Ада подскочила и, накинув на себя халат, включила свет, другой рукой приглаживая разметавшиеся во время сна кудри.

Далида стояла у двери и покатывалась со смеху. Девушка осторожно поставила на пол золочённую клетку.

— Что делаем? — продолжил беседу сидящий в клетке серо-красный попугай, размером с

откормленного гуся. Он склонил набок голову и взглянул на Аду голубым глазом, в котором читалась подозрительность.

— Это что за жар-птица? — спросила Ада, разглядывая диковинку.

— На себя посмотри-ри! — тут же фыркнул попугай и насупился, взъерошив перья на шее.

— Знакомься, мой питомец! — подавив смех, ответила Далида. — Саймон.

— Спор-рно!

— Помолчи! — прикрикнула подруга.

Ада подошла ближе и села на корточки, чтобы получше разглядеть птицу.

— Я выключу вам глаза и улечу на свободу! — пафосно заявил попугай, продолжая сидеть на жёрдочке.

— Милаха, однако! — с опаской заметила Ада. — Где ты его взяла?

— В лавке Витора. Он не опасен.

— Кто? Дубовик? По сравнению с этим Саймоном, должно быть так и есть.

— Да я про птицу! Давно о таком дерзком мечтала. Говорят, его поймали далеко на юге, в Эльсиде.

— Грязные оккупанты! — птица взмахнула крыльями. Даже просторная клетка была мала для него.

— Ой, бедняга! Тебе тесно. Завтра же куплю новую, после занятий.

— Всё-таки решила ходить? Правильно.

— Конечно! Мало ли как пойдёт! — вздохнула Далида, ставя клетку поближе к окну.

— Р-развр-рат!

— Замолчи уже, — подруга набросила тёмный плед на клетку, но попугай продолжал выкрикивать одно и то же. — Я сейчас успокою его.

Далида приподняла край пледа и глухо произнесла неразборчивое слово. Птица замолчала.

— Зачем он тебе?

— Я надеюсь скоро переехать отсюда, — ответила Далида и села на край кровати. — Я была у Витора, потому что просила о помощи. Помнишь, дубовик обещал и говорил, что Соль одна не справится. А я хочу, чтобы наверняка получилось!

— Да что наверняка? — Ада начинала терять терпение. Мало ей тайн в собственной жизни, так ещё и Далида темнит и отвечает загадками.

— Дашь Безвозвратное слово?

— Ты что, снова мне не доверяешь?

— Не сердись, это не только моя тайна.

— Ладно, я поняла, — кивнула Ада и протянула руку.

На этот раз обряд занял меньше времени, и было не так больно. Любопытство и глухая тревога мучили гораздо сильнее.

— Теперь рассказывай!

Далида пересела в своё любимое кресло и напустила таинственный вид, а потом не выдержала и рассмеялась. В её веселье слышалась горечь:

— Да собственно мне немного надо тебе объяснить. Я отсутствовала, потому что принимала участие в мистерии Волкодлаков, посвящённой равноденствию.

— В качестве кого? — спросила Ада, почувствовав как тревога усилилась. На подобные таинства не звали чужаков.

— Жертвенной девы и сосуда рода.



— И что это значит? — задержала дыхание Ада, инстинктивно понимая, что ничего хорошего.

— Ну, пока что лишь то, что я больше не девственница, — робко улыбнулась Далида. Её щёки порозовели. — И очень надеюсь, что вскоре окажусь плодоносящей.

Ада была потрясена, она подозревала подобное, но теперь всё встало на свои места. Жилка — бывшая жрица плодородия, в прошлом помогала Древним и поощряла оргии, давая благословение на беременность. Но те времена ушли безвозвратно, или нет?

— Ты беременна?

— Говорю же, пока не ясно. Витор дал мне выпить снадобье и уверил, что всё должно сработать. Семя закрепится.

— И кто будущий отец?

— Я не знаю. Никто не знает, в этом и смысл обряда.

— Как это? — ахнула Ада.

— Ну, у меня были завязаны глаза. По правилам через жребий выбираются трое сильных мужчин из Волкодлаков, которые тоже не знают друг о друге. Даже Жилка не видит, кто скрывается под масками.

— Так ты со всеми?..

— Да, — на губах Далиды заиграла лёгкая улыбка, слово она вспоминала о приятном событии. — По очереди, разумеется.

— Было больно?

— Нет, почти нет. Мне дали выпить горький отвар, он согрел меня. Знаешь, лежать на тонком плаще в поле, где только выпал снег, довольно холодно. Но это быстро прошло. По телу аж мурашки бегали. Я не могла дождаться, когда закончится вступительная часть.

— Как ты на это согласилась? Ты сумасшедшая...

— Я родилась в семье суккуб, не забыла? Меня не шокировать связью с несколькими мужчинами одновременно, в моём мире это считалось особой честью, когда тебя хотят все и сразу. А мистерия несёт особый смысл, он вовсе не в удовольствии, хотя его и было через край, — Далида снова покраснела. — Я рожу крепкого и здорового сына, будущего лидера. И это будет только мой ребёнок, никто не посмеет заявить на него права. Мы не будем с ним ни в чём нуждаться. Я получу место в их клане. Разве эти блага похожи на наказание?

— Но ты не сможешь выйти замуж.

— Почему? Со временем смогу, если захочу. А я в этом сомневаюсь, мне не нужен муж, запирающий меня в доме как собственность.

Далида встала и принялась расхаживать по комнате, скрестив руки на груди и опустив голову, словно видела своё будущее во всех подробностях.

— И потом, лишиться девственности таким способом очень необычно. Моя прежняя семья мной бы гордилась. К тому же, Волкодлаки не были грубы, напротив. И я всегда могу вообразить своего первого мужчину таким, каким захочу. Не осуждай меня, прошу. Это моё решение и только моё.

Ада весь следующий день находилась под впечатлением от откровений подруги. Она присматривалась к Далиде, будто с той вот-вот должны были произойти перемены, но всё, не считая здорового аппетита соседки и частой задумчивости, оставалось как прежде. Девушка уже начала надеяться, что планы Жилки в этот раз не осуществляются и радовалась этому: рассуждения Далиды казались Аде дикими и противоестественными, как и то, что сделала с собой её подруга.

Разговоров на эту тему девушки больше не вели, словно обе по негласной договорённости обходили щекотливую тему и делали вид, что ничего не случилось. Между подругами пролегла тайна, которая мешала общаться так же непринужденно, как раньше.

Далида нервничала и то ударялась в учёбу, проявляя небывалое рвение и усидчивость, то целыми днями валялась на кровати и улыбалась, глядя в потолок. В такие моменты к ней лучше было не подходить.

Чувствуя себя лишней в собственной комнате, Ада часто болтала в столовой с Селеной, изредка с Рестрикой. Ламия казалась девушке слишком проникательной, и Ада опасалась, что невольно выдаст тайну Далиды.

— Скоро зима, — поёжилась ундина и отхлебнула из кружки горячий чай с чабрецом. — Я не люблю холод.

— Мало кто его любит, но снег здесь красивый: лёгкий и пушистый.

Ада осеклась, поймав себя на мысли, что Далида десять дней назад лежала поверх тонкой накидки, брошенной на слой снега, прикрывающего свежевспаханную землю.

— Вы стали молчаливые, — сказала Селена и вопросительно посмотрела на Аду: — Что-то случилось, я чувствую.

Аде безумно хотелось поделиться секретом, но клятва крепко запечатала его в груди. Да и подводить Далиду не хотелось!

— Просто проблемы навалились.

— Скоро будет полгода, как мы здесь, — с тоской проговорила Селена и допив чай, продолжала вертеть кружку в руках. — Ты когда-нибудь жалела, что согласилась на учёбу в институте?

— Нет. Там я будто и не дышала полной грудью.

Память услужливо подкинула воспоминание о тёмном коридоре дальнего крыла. Ада, как наяву услышала их с Марком сбивчивое дыхание и ощутила крепкое тело, прижимающее девушку к стене. Стало жарко:

— Здесь так натоплено, — сказала Ада зачем-то. Селена не обратила внимания на эту фразу.

— Я жалею. С каждым днём всё больше, — прошептала ундина чуть слышно, озираясь по сторонам. В просторной столовой в этом углу зала они были одни. — Как ты думаешь, можно вернуться в свой мир?

— Наш декан, Келисия, утверждает, что там нас никто не вспомнит. Представляешь, ты видишь близких, но они тебя не узнают! Это ужасно!

— А быть марионеткой лучше?

— Что случилось? — со вздохом спросила Ада. С некоторых пор она только и делала, что выслушивала излияния о чужих проблемах, на свои и времени не оставалось. Впрочем, Ада понимала, что так лучше: пусть Марк воплощает в жизнь свой план, а она подождёт, как и положено наречённой Дракона.

— Меня планируют вскоре выдать замуж. Я даже не знаю за кого!

— Кто это тебе сказал?

— Эмма. Вызвала и сообщила так, будто я удостоилась величайшей чести. “Дочь Дракона не имеет права на выбор”.

— Ирония судьбы, — тихо произнесла Ада себе под нос.

— Что это значит?

— Я хочу выйти замуж за Марка, но всё против. А ты жаждешь иной судьбы, и снова всё против.

— Сестра объясняла. У меня есть выбор, но чтобы им воспользоваться, придётся уговорить отца или поступить ему наперекор. Она его боится, представляешь? Он, наверное, монстр.

— И что будет, если ты ослушаешься?

— Эмма говорила: ничего хорошего. Отправят в другую страну в качестве дипломатического дара. То есть, стану невестой чужеземца. И лишусь поддержки семьи. Как я, так и мои дети. Это то же самое, что и отправиться назад. Только я любила тот мир, а здесь мне не нравится. Я и согласилась ради матери, она так упрашивала, говорила, что меня здесь ждёт лучшая жизнь. Видимо, ошибалась.

— Просто у каждого своё представление о лучшей доле, — вздохнула Ада и смахнула непрошенные слёзы. Она обняла подругу и тихо добавила: — Поговори с Соль, хуже всё равно не будет. Она должна знать, как тебя вернуть. Может, что и подскажет. А нет, так другого спросим. Правда, плату

берёт немалую, но зато не обманывает.

— Ты о ком?

— Есть тут один жулик. Понадобится, дай знать.

— Спасибо, что ты мне помогаешь.

— А кто ещё поддержит? Только мы сами, — улыбнулась Ада и, кивнув на прощанье, поспешила к себе.

При случае она решила наведаться в Переулок Модисток. Витор многое знает и за плату согласится на запрещённое, если то будет в его власти. А власть у него, судя по всему, немалая.

Ей он помочь отказался под предлогом нежелания связываться с Истинными, но Селена — иное дело. Это не зеркальная, которая накрепко привязана к Дольнему миру, а что ундина — дочь Дракона, можно и умолчать. Или заплатить так, что дубовик захочет рискнуть. Заметать следы он умеет, Ада в этом не раз убеждалась.

“А я многим услуги оказываю, — обмолвился он однажды, когда Ада поинтересовалась, почему его лавочку до сих пор не прикрыли. — И о многом помалкиваю”.

— Пр-ришла-таки! — встретил девушку с порога Саймон. Далиды в комнате не было. — Подумать не дают!

— О чём же ты думал, уважаемый?

— Сбегу скор-ро!

— И меня с собой возьми! — захохотала Ада, вытягиваясь на кровати.

— На Север-ре тяжко! Секр-рет Лилиан! Секр-рет Лилиан!

## Глава тридцатая. Секрет Лилиан

Марк не терял времени даром. Он развил лихорадочную деятельность, привлекал на свою сторону союзников, используя красноречие и логически обоснованные доводы. Так Дракону удалось убедить братьев и отца. С матерью тактика была иной: стоило фейри растолковать в чём преимущество брака её любимого сына с зеркальной девой, как та начала считать эту идею своей собственной.

В разговорах с сестрой подействовали мольбы о помощи и повторение мифа об истинной паре. Как любая женщина, она со слезами на глазах выслушала историю их отношений и поклялась помочь такой любви закончиться алтарными клятвами. Таким образом, семья сплотилась вокруг Марка, и продвигаться к цели стало проще.

Неожиданным ударом в спину пришло известие от отца: его дядя, Тагир, тот, кому Марк доверял и кем восхищался, решил снова жениться и из всех невест выбрал его Аду! Раньше бы Марк отступил, не из страха — из уважения, но теперь ему было плевать на обычаи клана.

Сегодня он решился пойти ва-банк: Дракон отправился на поклон к Лилиан. Так это выглядело со стороны. На самом деле, сестра снабдила его кое-какой информацией против Магессы. Оставалась надежда, что слухи правдивы, в конце концов, его зять принадлежал к сильной семье. А сестра могла выпытать у мужа любой секрет.

Ворота долго не открывали. Марк вспотел и с ужасом представлял, что будет, если она откажется от встречи. Лилиан — горячка, но, как и все женщины любопытна.

Голем мрачно уставился на посетителя, явившегося без предупреждения в столь поздний час.

— Молодая хозяйка не велела беспокоить, — произнёс он, когда пауза начала раздражать. Марк уже всерьёз подумывал испепелить его и ворваться в покои бывшей невесты силой.

— Думаю, грандина будет рада меня видеть. Я пришёл поздравить Лилиан с будущим замужеством.

На лице глиняного существа появились следы раздумий и сомнения:

— Я узнаю, — протянул он и неторопливо двинулся в сторону ярко освещённого дома.

Марк расхаживал возле ворот, считая минуты. Одна, две, пять, десять...

Ждать дольше он не собирался. Дракон почти бегом двинулся по дорожке, в ушах противно отдавался хруст снега под ногами. Марк встретил голема на полпути, но лишь слегка притормозил, чтобы услышать: Лилиан соблаговолила его принять. В провожатых он не нуждался.

Боковой вход, знакомые истёртые ступени, ведущие в отдельный флигель, где и жила его бывшая невеста. Воздух был душным и напитанным благовониями, от которых сразу разболелась голова.

Показная, кричащая роскошь её комнат вызвала тошноту. Белоснежное кресло, похожее на ледяной трон, было пустым: Лилиан ещё не вышла из будуара. “Прихорашивается”, — мысленно усмехнулся Марк и пожелал себе удачи и скорейшего отбытия из вульгарной атмосферы красивого дома.

— Марк Ладон, признаюсь, вы застали меня врасплох, — насмешливо произнесла Магесса, протягивая белоснежную мягкую руку. Марк наклонился и поцеловал её, проклиная длинный этикет приветствия. Лилиан подготовилась: вышла в полупрозрачном пеньюаре цвета морской волны, почти не скрывавшим её прелести.

— Я хотел пожелать вам удачного пути и счастливой жизни на чужбине.

— Благодарю, — сухо ответила она, яростно сверкнув зелёным взглядом. — Это всё?

— Нет.

— Я слышана о ваших затруднениях. Не могу сказать, что они меня огорчили.

— Мне нужна твоя помощь, Лилиан, — быстро вымолвил Марк, переходя сразу к сути. — И ты мне её окажешь!

— Нет.

Слово просвистело в воздухе, как удар хлыста.

Марк в два шага оказался рядом и легонько встряхнул девушку за плечи. Красавица насмешливо откинула голову, словно подставляла шею для поцелуев.

— И не подумаю, — прошептала Лилиан.

— Если я выйду сейчас отсюда ни с чем, а назавтра весь Илиодор будет в курсе твоего секрета. Не могу гарантировать, что слухи не дойдут до Северного королевства.

— Я чиста и прозрачна. У меня нет постыдных тайн.

Лилиан чуть заметно побледнела, Марк понял, что находится на правильном пути и решил рискнуть:

— Ты ведь уже была невестой, — начал он, но Лилиан лишь рассмеялась Дракону в лицо, и не думая отстраняться. Марк чувствовал, как напряглось её тело. Захоти он, она бы отдалась ему прямо сейчас, но секс с Лилиан совсем не привлекал, напротив, сама мысль овладеть чужой женщиной вызывала в Ладоне отвращение.

— Это не тайна. Угнар умер, не коснувшись меня. Я своё отгоревала!

— Но ты тайно поклялась у алтарного камня рожать ему дочерей!

Марк вперился взглядом в противницу. На мгновение её взгляд стал растерянным и обиженным. Казалось, она собиралась заплакать, но миг прошёл, и холёное лицо красавицы снова сделалось непроницаемым и спокойным.

— Это ложь!

— Ты была уверена, что в следующем месяце станешь его женой, поэтому и рискнула. Однако болотная лихорадка оказалась проворнее. И невеста осталась одинокой, но связанной клятвием, которое отменит только её смерть. Оно ставило на тебе крест, как на перспективной невесте. И ты решила на обратку, верно? Не смотри так на меня, у Драконов свои источники информации.

— Ты всё выдумал, — ответила Лилиан, но по её лицу пробежала судорога, и слова прозвучали блекло, только подтверждая правоту сказанного. — Никто не поверит.

— Возможно, но достаточно людей были свидетелями ваших чувств, чтобы засомневаться. И не забывай, Маги Севера захотят проверить слух до заключения союза.

Марк получил пощёчину и был этому рад. Значит, сестра не обманулась в своих догадках!

— Да будь ты проклят со своей фурией! — Лилиан вырвалась и забралась с ногами в кресло. Её била дрожь.

Марк чувствовал себя палачом в пыточной, но ради своего будущего, ради Ады, был обязан довести дело до конца.

— Почему тебе так хочется выйти замуж? Неужели всё равно за кого?

Лилиан спрятала лицо, уткнувшись в колени. Марк заколебался: железная грандина плакала?! По-настоящему, не для виду и не ради выгоды?!

— Вы все самовлюблённые идиоты, не стоящие и его мизинца! — Лилиан подняла мокрое от слёз лицо. Марк отступил и ступешался, чувство вины захлестнуло его. — Я не жалею о той клятве! И дала бы её снова, вернись время назад!

— Прости, я не знал, что у вас было глубокое чувство, — растерянно ответил Марк, желая в данный момент оказаться как можно дальше от этой комнаты, в которой витали призраки прошлого.

— Конечно! Разве Драконов волнуют чужие чувства? Ты всегда был избалованным сыном своей матери. Использовал всех и каждого, если они могли быть тебе полезны!

В словах Лилиан отдавала полынью горькая правда: он раньше и впрямь мало заботился о том, чтобы нечаянными фразами или поступками не ранить чужое сердце, не задеть чужую душу. Прежнему баловню дома Ладонов казалось естественным, что его желаниям угождают, если те не противоречат уставу дома.

— Ты права, я был таким, — Марк сделал акцент на слове “был”. — Но ведь и ты старалась меня использовать?

— Разве плохо иметь много дочерей? Угнар говорил, что мечтает, чтоб они все походили на меня. В чём же я виновата? Что слишком сильно любила того, с кем так и не поделила ложе?

— Скажи честно, Лилиан. От твоего ответа многое зависит, — Марк сел напротив и подвинул кресло ближе к девушке. Та перестала плакать и пристально посмотрела на него, как бы невзначай, откинув густые чёрные пряди волос, оголив белоснежную кожу груди. От Лилиан дурманяще пахло сладкой водой с горькими нотами ванили. — Если бы ты могла всё вернуть назад, отдалась бы Угнару, зная, что тот вскоре умрёт, и ваша любовь не окрепнет на алтарном камне?

— Наверное.

Девушка смутилась, Марк усмехнулся. Это и был ответ.

— Конечно, нет, — продолжил он. Жалость улетучилась как морок, и он увидел бывшую невесту в истинном свете: карьеристка, которая вместо должности добивалась удачного замужества. — Ты тоже не жалеешь никого кроме себя. Наверняка, оплакивала не жениха, а крушение своих надежд!

— Я говорила ему не ездить на юг, но он болел своими исследованиями флоры и фауны земель за Хребтом Зиллиса!

Марк встал и посмотрел на Лилиан сверху вниз:

— А должен был воплощать твои планы.

— Да, потому что видел, какую жертву я принесла! — вскочила Магесса. Её глаза зажглись недобрым болотным огнём. — Но он наплевал на мои страхи и не подумал, что его смерть — это ещё и мой приговор! Остальным нужны только сыновья.

Лилиан устало опустилась в кресло и, подперев рукой лоб, так и осталась сидеть. Опустошённая, как выпитая бутылка игристого.

Марк больше не колебался. Он был рад, что самая тяжёлая часть объяснения позади: теперь Лилиан в его руках!

— Убедилась, что у тебя нет выхода? Или решила пожертвовать собой ещё раз?

— Думаешь, не смогу? — грандина Вилтер посмотрела на него и рассмеялась. Её голос звучал глухо, словно из подземелья. Она была на грани.

— Не сможешь, потому что в случае твоего отказа я не получу разрешения жениться на Аде. Но и ты никогда не выйдешь замуж. А я смогу быть счастлив в браке с другой. Со временем.

Марк врал топорно и на ходу, понимая, что будь Лилиан спокойна, она бы поняла, что Дракон блефует. Оставалась одна надежда: если расчёт верен, Магесса испугается и выполнит просьбу.

— Что ты хочешь?

— Другой разговор, — Марк принялся мерить комнату шагами. — Я слышал, что есть обряд, позволяющий Аде вернуть невинность. Только не отрицай!

— Вот оно что! — Лилиан посмотрела на Марка с неприкрытой ненавистью. — Да, обряд Благочестия.

— Ты совершишь его для неё.

— Я не смогу.

— Постарайся! — Марк снова начинал терять терпение. Ещё немного и он обратится, а там недалеко и до того, чтобы испепелить ведьму в её ковровом логове.

— Для такого обряда требуется помощь Древней магии.

— Это не помеха. Эмма справится.

— Допустим, — продолжала ехидно улыбаться Лилиан, чем выводила Марка из себя. — Но благочестие не равно природной невинности. Нельзя вернуть утраченное и вновь распорядиться им по своему усмотрению.

— И как это исправить? — у Марка пересохло во рту. Должен быть выход!

Лилиан встала и медленно приблизившись, обвила шею Дракона руками:

— Поцелуй меня!

— Перестань, это ничего не решит! — мужчина попытался отстраниться, но Магесса крепко вцепившись в его волосы, процедила:

— Больше тебе не к кому обратиться, иначе не пришёл бы, верно?

— Ты потеряешь больше! — холодно ответил Марк и снял руки Лилиан со своих плеч. Ждать больше не имело смысла. Лилиан либо не знала, как помочь, либо не желала, даже под угрозами. Ниточка оборвалась.

Марк, не глядя на бывшую невесту, застывшую посреди комнаты, направился к двери, желая поскорее очутиться на свежем воздухе. Голова нещадно болела и сделалась тяжёлой, мысли лениво перекатывались, как каменные шары по полу в игровых заведениях столицы. Казалось, что он не спал несколько суток.

— погоди! — окликнула его Лилиан молящим тоном. — Пообещай, что никому не расскажешь! Дай Безвозвратное слово.

— Зачем мне это? Ты не в силах нам помочь, я уже это понял.

— Это верно, ритуал я не потяну. Но подскажу, кто сможет.

Марк обернулся, раздумывая, стоит ли поверить той, кто не раз обводила его вокруг пальца. Выбор был невелик, но, дав слово, он потеряет последний козырь.

Лилиан, словно прочитав его мысли, продолжила:

— Я не обману, смотри сам.

Она быстрым движением выдернула из-за шёлкового пояса булавку, украшенную розовой жемчужиной, и уколола себе палец. Прозвучали слова заклинания, и в воздухе потянуло запахом костра.

В глазах у Марка потемнело, он оказался посреди клубов серого дыма, сквозь который проступали очертания комнаты. Вскоре исчезли и они, уступив место картинам, сотканным из дыма. Вот они с Адой идут рука об руку по выложенной гравием дорожке и улыбаются друг другу. Или нет? Следующее полотно показало Марку иное будущее: его Ада стала женой другого. Она склонила голову, сидя у окна за вышивкой и роняла слёзы на цветастую ткань, натянутую между пальцами.

Дракон поймал себя на мысли, что будто оказался в синематроне, показывающем знающим то, что ещё не наступило. Машина, созданная Магами, работала только под руками специально обученных и натренированных, обладающих даром предвидения.

Насколько он помнил, таланты Лилиан лежали в иной сфере: она понимала язык животных и могла создавать сложные амулеты. Те приносили удачу, помогали стать сильнее или поверить в силу, обладать которой не всем дано.

Дым сделался почти белым и теперь напоминал грязный снег в начале марта. Сквозь дымку проступил овальный предмет ультрамаринового цвета, размером с настольное зеркало, украшающее будуар любой дамы Илиодора.

Амулет был украшен ленточками и голыми веточками, по виду напоминая неумелую работу Мага-первокурсника. Марк протянул к нему руку, желая поближе рассмотреть переливающуюся безделушку, и провалился в вату.

Ладонь понял, что сидит на ковре, прямо у ног Магессы. Её смеющийся взгляд вывел Дракона из себя.

— Мороки тебе не помогут, Лилиан, — холодно сказал он, поднимаясь на ноги. — Ни окрутить меня, ни заполучить другого жениха.

— Ты же сам хотел вернуть своей гарпии невинность? Тогда мне нужна сделка.

Лилиан перестала улыбаться, теперь её лицо напоминало театральную маску отчаяния. Сейчас Магесса выглядела просительницей, а не змей-искусительницей.

— Ты хочешь, чтобы я присягнул перед сватами, как поручитель? И заверил в твоей плодовитости и способности родить сыновей? — Марк не колебался. Это будет "ложь во спасение". — Согласен!

Лилиан расхохоталась и метнула на него снисходительный взгляд.

— Твоего поручительства недостаточно, чтобы стать женой графа или герцога. У них сословное общество, и способность к сынорождению ценится выше иных умений. Я достойна лучшего из того, что есть!

— Что же ты хочешь от меня?

— Свидетельство Эммы Силкинс. Ей поверят.

— Допустим. А потом? Когда муж так и не дожждётся наследника?

— Потом придумаю что-нибудь ещё. Я способная, — пожала плечами Лилиан и встала, всем видом показывая, что разговор окончен.

— Готовь амулет, да смотри, не напортачь! Из-под земли и из другого мира достану!

Марк отпустил руку Лилиан и, не оборачиваясь, вышел, тихонько прикрыв дверь.



## Глава тридцать первая. Переговоры

Ада считала идею Марка провальной. Убедить Эмму принести ложную клятву — затея почти невыполнимая. Как ректоресса должна потом оправдываться перед дипломатической миссией Северного королевства?

Но её Дракона, казалось, сей факт совсем не смущал. Младший Ладон долго разговаривал с ректорессой за закрытыми дверями, а Аде только и оставалось, что мерить шагами каминный зал.

Девушка терзалась в одиночестве, не желая, чтобы кто-то стал свидетелем её волнения. Сидеть на одном месте было невыносимо, но боязнь встретить на своём пути любопытных или просто скучающих сокурсниц пересиливала желание бежать как можно дальше и не оглядываться.

Весело потрескивающие дрова, рождающие сильное и ровное пламя, давали иллюзию защиты и стабильности. Стоило закрыть глаза, сесть в кресло, пододвинутое поближе к огню, и Аде чудилось, что все тревожения позади, и они с Марком обрели собственный дом.

Но иллюзии долго не длятся, приходилось выныривать в реальность и снова погружаться в водоворот страхов.

Время тянулось, как жидкая карамель. Ада ощущала приближающуюся панику, как испуганный маленький зверёк чует опасную близость хищника. Часы в холле заунывно пробили десять раз.

Ада решила покинуть убежище и приблизиться к линии фронта, начинающейся с лестницы, ведущей в кабинет Эммы. С застывшей улыбкой девушка раскланивалась со знакомыми и на дежурные пожелания доброго вечера отвечала невпопад и односложно.

На беду девушку окликнула Келисия. Декан, как обычно, выглядела безупречно, умело балансируя в стиле одежды между бесстыдством и вульгарностью, при этом никогда не изменяя красному цвету. Аромат роз окутал Аду, стоило Келисии приблизиться на расстояние вытянутой руки.

Любезности и улыбка декана не сулили ничего хорошего.

— Я давно хотела с тобой поговорить, — начала она, увлекая Аду вверх по лестнице, на административный этаж.

Девушка увидела в этом знак судьбы и не пыталась сослаться на усталость. Может удастся узнать больше об обете Благочестия, который настоятельно советовала принять ей Эмма? Марк тоже утверждал, что это самый разумный способ получить разрешение на брак.

Но чутье настойчиво подсказывало: впереди расставлена ловушка.

— Ты витаешь в облаках, — заметила Келисия, поняв, что её не слушают. — Несомненное достоинство гарпии, но не в данном случае.

Розовый запах парализовывал волю и убивал в зачатке желание дерзить.

— Я не понимаю, что вы хотите от меня.

— Ничего такого, — пожала плечами огненно-рыжая декан и строго посмотрела на воспитанницу: — Это моя работа — интересоваться успехами подопечных, чтобы каждая в полной мере раскрыла свой потенциал. Тем более на моей памяти среди гарпий зеркальных дев не было.

Ада замечала смущённые взгляды, украдкой бросаемые на них проходящими мимо ученицами. Все знали, что Келисия не жаловала Грекову. Ада и сама была удивлена неожиданным вниманием со стороны декана. Между тем, та всё продолжала болтать ни о чём, словно они были подругами или Ада вечно выступала в роли наперсницы декана.

Коридоры административного крыла встретили их молчанием, будто не одобряли слишком резвого щебетания Келисии, рассказывающей о временах своей учёбы в этих стенах.

— Я даже немного завидую тебе, — закончила декан разглагольствования, впусив Аду в свою обитель. Просторный кабинет поразил девушку скупостью обстановки: всё тут дышало аскетизмом, если не считать розовых букетиков, стоявших на столике и тумбе, и живописного вида на парк.

— Вы — мне? — поразилась Ада и тут же устыдилась собственной смелости.

Робкая Пришлая как-то незаметно для неё самой уступила место дерзкой гарпии, не признающей иных авторитетов, кроме тех, что выбрало её сердце. Шесть месяцев жизни в Дольнем мире преобразили её и внешне, и внутренне настолько сильно, что пролетевший на Земле двадцать один год теперь казался мутным сном.

— Именно, — вздохнула Келисия, присаживаясь на старенький, но ещё сохранивший былой лоск диван. — Я бы хотела найти истинную пару и прожить с ней свою жизнь. Это ведь правда, про метки?

Вместо слов Ада в который раз показала клеймо на бедре, чувствуя себя при этом диковинным зверьком в зоопарке.

— Удивительно, — довольно хмыкнула декан и хищно улыбнулась, на миг выйдя из роли заботливой воспитательницы. Актриса из неё была никудышная.

— Так что вы хотите?

— Присядь рядом, пожалуйста.

Ада подчинилась, чтобы побыстрее узнать, зачем она здесь и покинуть эти стены. Но Келисия медлила.

— Расскажите мне всё, что знаете об обете Благочестия? Есть ли побочные эффекты? — осмелела Ада, потеряв терпение от долгих изучающих взглядов декана.

— Хорошо. Но и ты мне помоги. Накануне принятия обета, ты подпишешь моё воззвание к Совету о смещении Эммы с должности ректора. Не читая сути послания.

Выделение голосом слова “ты” Аде не понравилось. Она уже сожалела, что согласилась на разговор и позволила затащить себя в кабинет, даже стены которого, казалось, сжимались и дышали угрозой.

— Эмма достаточно долго занимает пост ректора, — Келисия приняла молчание Ады за согласие. — Она не понимает, что времена Древних безвозвратно прошли. И тормозит развитие Кломхольма.

Декан откинулась на спинку дивана и, положив ногу на ногу, продолжила:

— Я уже молчу о том, что она склоняет Пришлых к браку, будто это и есть главная цель женщины. Но ведь это не так, как считаешь?

— Мне сложно судить, — сухо ответила Ада, ища предлог, чтобы побыстрее уйти.

— Ах да, я совсем забыла, что ты решила посвятить себя Драконам и принять обет Благочестия. Будет больно, но если таков твой выбор...

— Да, я хочу этого.

— Отлично, — Келисия грациозно поднялась и отошла к окну. Солнце коснулось её волос, и Аде почудилось, что они ожили и превратились в расплавленную лаву. — Гарпии тоже любят огонь. Я научу тебя, как использовать силу стихии и принять обет почти безболезненно. А за то, что ты якобы предашь ректора, не беспокойся. Она не собирает тебя жалеть. Ты ведь в курсе, что на тебе хочет жениться четвёртый Драк? И что она сама ради него собиралась отказаться от своей благодати Богини и стать подобной человеку?

Келисия подошла ближе и взяла Аду за подбородок:

— Сделай правильный выбор, зеркальная.

— Зачем мне принимать ваш сторону, если в итоге я всё равно стану женой другого Дракона? Лучше уж быть одной.

— Всё равно заставят. Из-за имени и сил, заключённых в твоём теле. Но во время процедуры принятия обета можно расстаться не только с ними, но и с жизнью. Об этом мало кто знает. А я помогу. Но только в том, чтобы успешно принять Благочестие, без последствий.

Келисия наконец отпустила жертву, и та поспешила встать.

— Я подумаю, гранда декан.

— До завтрашнего вечера. У нас обеих немного времени. Процедура начнётся при полной луне, через пять суток.

— Я поняла вас, — холодно ответила Ада, ожидая, пока Келисия даст знак, что можно уходить. У девушки было стойкое чувство: её хотят втянуть во что-то грязное и липкое, от которого потом не избавиться. Да и в помощь декана она не верила. Нужна ли ей будет зеркальная дева, связавшая свою судьбу с Драконами? Не проще ли дать ей погибнуть во время процедуры? Бумагу она уже подпишет...

— Надеюсь, — промолвила Келисия, смерив Аду подозрительным взглядом. — Рассчитываю на твоё молчание и разум. Для Эммы ты в любом случае, прежде всего помеха.

Эмма который день пребывала в растерянности и печали. Всё валилось из рук и в одночасье сделалось неважным, помехой на пути эмоций, которые жаждали выплеснуться то ли слезами, то ли гневом.

С тех пор, как Тагир открыто объявил о своих намерениях, ректоресса продолжала делать вид, что в их отношениях ничего не поменялось. Она так же делила с ним спальню, вела дела института и занималась устройством судеб своих подопечных.

На её счастье, зеркальная без долгих уговоров согласилась принять обет. Эмма старалась просто наслаждаться своей пока не поменявшейся жизнью, но постоянно ловила себя на мысли, что та ей осточертела, если выражаться языком современных людей.

Земной мир нравился Эмме, она частенько туда наведывалась и бродила среди смертных, притворяясь одной из них. Даже мечтала, что когда-нибудь поселиться в одном из их муравейников и заживёт в своё удовольствие: занимаясь сексом, потягивая огненный виски из пузатого бокала и купаясь в жаркий сезон в солёной воде, на рассвете нашёптывающей свои тайны пришедшим на пляж.

Эмма давно начала откладывать деньги в банк, который гарантировал сохранение вклада на протяжении сотен лет. Зачем она так поступала, если не собиралась всерьёз остаться среди людей? Это было сродни тайному убежищу, игры в другую жизнь, которая никогда не случится по-настоящему.

Но теперь ректоресса всё чаще рассматривала такую возможность. Решительный шаг — отказаться от благости и стать смертной. Но Эмма всякий раз останавливалась у самого края и заставляла себя ещё раз взвесить потери и возможные радости от вступления в новую жизнь.

В прежней её ждало одиночество, отравленное созерцанием чужого благополучия. “Ты старше меня, а я не желаю слушать нравочения и терпеть снисходительные взгляды!” — сказал ей Тагир на прощание в тот памятный вечер.

Что ж, так и есть: иные рассуждения и мечты Истинных она уже слышала много раз. Времена менялись, на смену одним расам приходили другие, но со схожими надеждами и чаяниями, вели себя так, будто первыми открыли любовь, страсть и ненависть.

Эмма испытывала эти чувства много раз, но настолько открытого пренебрежения не видела со времён рождения. От того в груди и клочкотала ярость, она была подобно вулкану, в недрах которого бурлила кипящая лава, а снаружи стелилась спокойная земля, покрывающая кажущуюся уснувшей гору.

Достаточно только искры, подземного толчка, и вулкан проснётся. Эмма полагала, что таким толчком и станет сегодняшняя встреча с Драконом.

Он опаздывал, что не могло не раздражать. Времени до обряда осталось мало: завтра вечером — время полной луны, а план мести Эмма продумала не до конца. Вернее, не выбрала, каким способом излить гнев, чтобы оставшиеся долго его помнили. До самой смерти.

В дверь постучали. Решительно, так словно имели право разговаривать с ней на равных.

— Открыто, — сказала она, когда стук сделался похожим на барабанную дробь.

— Я уже полагал, что вас нет, — в полутьме раздался приятный баритон. Эмма любила быть в тени: так обострялись все чувства, а зрение... оно часто обманывает.

— Присаживайтесь.

Тьму разогнал огонёк, созданный Драконом, который держал над открытой ладонью светящийся шарик, не касаясь его. Черты лица младшего Ладона заострились, он казался старше, чем был. Под глазами залегли глубокие тени.

— Перейдём к делу? — осведомился он, когда устроился в кресле напротив. Эмма видела, что мальчишка пытается казаться равнодушным, словно речь не пойдёт о его второй половине и её дальнейшей судьбе.

— Зачем вы хотели меня видеть, сиятельный? Чтобы втянуть в ваши детские игры?

— Они уже давно вышли за рамки подростковых забав. И разве, гранда, секс и власть — не самые

древние инстинкты любого разумного существа, будь им Дракон, Маг или Бригитта?

Эмма усмехнулась: как незаметно он вырос! Она помнила его мать ещё во времена, когда фейри была застенчивой девушкой, попавшей в институт.

— Что вы хотите предложить? И зачем мне идти с вами на сделку, рискуя вызвать гнев других Драконов?

— Потому что вы хотите отомстить.

Эмма почувствовала: вулкан вот-вот проснётся и похоронит под серым пеплом и её саму, и сидящего напротив самоуверенного Истинного, решившего, что знает о ней больше, чем она сама.

— Может, мне начать с вашей наречённой?! Это ведь она причина раздора Истинных.

— Дело не в ней, сами знаете. Простите, что говорю прямо, по-другому не умею.

— В этом слабость Драконов, я привыкла. Почему бы во время принятия обета Грековой не отправиться обратно?

— Вы этого не сделаете, потом что не сможете. Я уже спрашивал у Магов. Помогите Аде, и я помогу вам ... исчезнуть.

Эмма встала и отошла к дивану, где клубилась непроглядная тьма и куда не доставал свет в руке Марка. Дракон отпустил его, и тот поплыл по воздуху, пока не достиг светильника на треноге. Огонь завис над ним, и через мгновение шар ярко загорелся, озарив и тёмный угол, в который спряталась ректоресса, желая сохранить лицо.

— Чем вы можете мне помочь? — с усмешкой спросила она. Сердце забило в страхе: как он разгадал её планы? Или просто блефует?

— Я достану амулет, который заметёт ваш след навсегда.

— Хорошо, допустим. Но какую конкретно помощь вы желаете получить?

— Я знаю, что у вас есть вода забвения.

— Что за чушь? — Эмма вскочила и слишком поспешно отошла к окну, за которым висела пелена спасительной темноты, способной скрыть следы эмоций и запутать собеседника в собственных мыслях. Когда-то её мать рассказывала о давно забытом прошлом, в котором её соплеменницы могли выключать солнце и держать всю округу в страхе и подчинении. Но те знания навсегда канули во Мрак.

— Или вы сможете её сделать, — продолжил Марк ровным голосом. — Я вынужден просить вас замыть путь Тагира.

— Ты знаешь о последствиях? — не оборачиваясь, спросила Эмма и тут же почувствовала: знает. — Он потеряет место и покровительство. Возможно, навсегда. Не легче ли использовать амулет, дающий бесплодие? Если у вас, я смотрю, имеется доступ к магии Древних.

— Сами знаете, не легче. Тагир поймёт это не сразу, Ада уже станет его женой. И возможно, успеет погибнуть до получения развода, если мой дядя вообще решится на него. Эмма, истинная пара — это не только дар, но и обязанность. Мне ли вам рассказывать о магии, рождению которой вы были свидетелем?

— Ты ошибаешься. Она была уже до моего рождения. И даже до рождения моей прабабки. Просто существовала в ином виде. Даже более жестоком, чем ты можешь вообразить. А Тагиру известно, что если один из истинной пары будет лишён доступа к своей половине, то это повлечёт преждевременную смерть обоих?

— Я говорил с ним. Несколько раз. Но он считает, что всё это сказки для малышни и слабоумных. Тагир не верит в силу магии Древних.

Эмма понимала, что Марк говорит правду. Она помнила все уничижительные фразы, вызывающие у Тагира смех. Тот любил повторять: “Если магия Древних так мощна и разрушительна, почему она не поразила захватчиков?” Это звучало логично, и Эмма только снисходительно улыбалась в ответ на наивные заявления. Не объяснять же, в самом деле, что Древняя магия настолько опасна, что любое проклятие поражает и наложившего его в не меньшей степени, чем того, для кого оно предназначено. А уж про то, что она забирает жизненные силы мага и вспоминать не хотелось.

Древние не могли победить захватчиков с помощью своей магии по той простой причине, что победу было бы праздновать некому.

— Я знаю, что Грекову пыталась перетянуть на свою сторону Келисия.

— Ада отказалась.

Эмма кивнула. И всё же декан будет хорошим ректором. Если власть оставить в её руках, за будущее Кломхольма можно не опасаться.

— Я услышала тебя. Возможно, и помогу вам, — Эмма обернулась и посмотрела на стоящего рядом Марка со скрещенными руками на груди. Его глаза были непроницаемы, но Эмма знала: Дракон боится отказа. — Ты проделал большую работу, даже раскрыл её отца. Это ведь он создал амулет, скрывающий след?

— Да. Ада пока об этом ничего не знает.

— Разумно.

Эмма окинула взглядом свой кабинет так, будто видела его в первый раз. Он показался ректорессе невидимыми цепями, приковывающими её к этому месту, давно ставшему в тягость. Пора обновления и перемен наступила, важно вовремя это понять и принять.

— Я помогу, — промолвила она со вздохом облегчения, и свет вокруг стал ярче. Скоро тьма покинет это место, а Бригитты всегда следуют за ней. — Но сделаю это так, как сочту нужным. Согласен?

Марк колебался, она это видела, но терпеливо ждала, пока младший Ладон поймёт: другого выхода ему так скоро не найти.

— Согласен, — ответил он и протянул руку. Эмма слегка коснулась горячей ладони Дракона: огня и света она избегала, насколько это было вообще возможно.

— Тогда до завтра, — ответила ректоресса. Марк кивнул и, бросив на неё обеспокоенный взгляд, видимо, хотел добавить что-то ещё.

Эмма, опережая его, приложила палец к губам. Больше слов не требовалось.

## Глава тридцать вторая. Обет Благочестия

Ада жалела только об одном: перед процедурой принятия обета она так и не смогла повидаться с любимым наедине, сказать ему, насколько он стал ей дорог и близок. А вдруг, они больше не встретятся? Ведь Марка, наверняка, даже не допустят в башню, где всё будет происходить.

Девушка собрала столько слухов о предстоящем мистическом таинстве, что уже не знала, чему верить. Ей предстояло родиться заново, очиститься от скверны прошлого опыта и стать девственницей. Не физически, конечно, но боль будет настоящей. Возможно, настолько сильной, что сердце не выдержит.

— Это просто сказки, помноженные на страхи, — утешала её Далида и казалось верила своим словам. Сколько она ни билась, не ходила к Эмме и Соль, те категорически не разрешили ей участвовать в обряде, мотивируя категорический отказ опасными колебаниями тонких сущностей, способными вызвать выкидыш.

Беременность Далиды пока не подтвердилась, но Ада понимала ректорессу и куратора: рисковать ни к чему и сама попросила подругу побережться. Они пришли к согласию только, когда место Далиды согласилась занять Селена, чью кандидатуру почти сразу одобрили.

Утро знаменательного дня началось вполне обычно. За окном было бело от пушистого снега, ложившегося сугробами, похожими на лебяжий пух, которым набивают подушки. Солнце так и не выглянуло из-за плотного слоя серых облаков.

Однако долго смотреть в окно было некогда. С самого утра приходили письма. Первым Ада раскрыла послание от Марка: в этот раз оно было написано нетвёрдой рукой, но Дракон уверял, что всё получится именно так, как они и планировали. Марк намекнул на помощь извне, но Аде, читающий эти строки, хотелось плакать: слишком много туч сомкнулось над их головами.

Второе было от Хедрика с пожеланиями долгой жизни и процветания. Грифон писал так, будто сегодняшняя процедура была лишь формальностью, сродни обычному нравоучению, которые время от времени любила устраивать подопечным Соль. В насмешливом тоне послания проскальзывали и серьёзные нотки, крупницы ценного знания, которые не стоило игнорировать. Так, Ада узнала, что подарок, на него постоянно намекал Хедрик, она получит перед самой церемонией, и передаст его именно Селена.

Подруга только непонимающе разводила руками. Ада пожалала плечами и решила не мучить себя догадками, тем более, что ей не давали покоя дурные предчувствия.

“И заметить не успеешь, как раздастся звонок!”, — думала девушка, с тревогой смотря на часы.

Так оно и получилось.

Время до вечера промчалось словно один миг. Ада столько всего собиралась сделать, сказать и написать, в груди комом затаился страх. Возможно, сегодня она потеряет всё: жизнь, любовь, дружбу, саму себя наконец!

Да и наряд для церемонии походил на саван. Белоснежная рубашка из грубой ткани царапала плечи, кожаные тапочки жали ноги.

“Завтра я всё это буду вспоминать с улыбкой”, — мысленно утешала себя Ада и пыталась улыбаться Селене, видя испуганные глаза ундины.

“Если наступит завтра” — раздался в голове противный голос.

Ада радовалась, что считанные шаги по гулкому пустому коридору отделяют её от места принятия обета. Башня, в которой много месяцев назад она проснулась и поняла, что попала в иной мир, снова играла роль в судьбе зеркальной.

Селена молча шла рядом, но время от времени брала Аду за руку и легонько, в знак поддержки, пожимала её. Ладонь ундины была ледяной и чуть влажной, но даже такая помощь приходилась кстати и придавала капельку смелости.

Дверь, будто живое существо, поджидающее жертв, чуть приоткрылась, впуслав девушек в жарко натопленную комнату, освещённую лишь парой тусклых шаров на тонкоствольных треногах.

Ада сразу отыскала глазами Марка и вздохнула свободнее, чуть улыбнувшись уголками губ. Как хорошо, что ему разрешили присутствовать во время ритуала!

Эмма смотрела строго, сверлила её колючим взглядом, но страх улетучился. Ада не боялась ректорессу, не вызывало ужаса и почти пустое помещение, если не считать узкой кровати посреди

зала. Постель была свежей и такой же белоснежной, как её рубашка.

— Ложись! — коротко приказала Эмма, и Ада подчинилась, больше не смотря ни на кого. Это её битва, пусть никто не в силах помочь, но и помешать себе она не даст.

Мелькнула мысль: почему вокруг нет проводов, датчиков или иных магических искрящихся штук? Даже стены не сияли рунами, словно предстоящий ритуал не имел к магии никакого отношения. У неё даже ничего не спрашивали, как же произнести слова обета?

Холодная рука ундины погладила по лбу, и тот миг покрылся испариной. Ада прикрыла глаза, веки сделались тяжёлыми, словно на них кто-то сидел. Девушка чувствовала, как медленно проваливается в черноту, словно Алиса, упавшая в кроличью нору. Тело потеряло вес, и Аду, как пушинку закружило в медленном танце падения. Просторная белоснежная рубашка вздулась колоколом, задравшись выше колен.

В руке оказался какой-то предмет, но посмотреть, что это никак не получалось. “Амулет Хедрика”, — только и успела подумать Ада. Девушка достигла дна, упав на мягкий прелый мох, и тут же потеряла сознание.

От слепящего света глазам было больно даже сквозь прикрытые веки. Тело жутко чесалось, по спине текли струйки пота. Где-то рядом плескалась вода, ветерок доносил запах тины и затхлой сырости.

— Ада, несносная ты девчонка! Кому сказала: не ходи туда, упадёшь! — услышала она раздражённый голос матери и вздрогнула. Неужели, её просто вышвырнули из Дольнего мира, как непригодный товар?!

— Кому сказала, иди сюда! — раздался над головой всё тот же громкий голос, Ада уловила в нём лёгкую тревогу. Почему она так кричит? Ведь Ада уже не маленькая!

Девушка открыла глаза и отпрянула от самого края, где кончались гранитные блоки набережной. Внизу плескалась тёмная река. Голова закружилась, и Ада равнодушно подумала, что вот сейчас точно упадёт на голые камни, омытые грязной водой с плавающими у берега длинными водорослями.

Увидев цепные заграждения, она намертво приклеилась к толстому звену, не обращая внимания на то, что от нагретого лучами полуденного солнца металла можно получить ожог. И тут же испуганно вскрикнула: её руки превратились в пухлые ручонки маленького ребёнка. Взрослая Ада была заперта в теле малышки!

Руки матери, пахнувшие карамелью и мылом, с силой оторвали её от опоры и бесцеремонно оттащили от края набережной. Большой фонтан, от которого веяло прохладой, щекотал холодными брызгами. Совсем рядом прогрохотала, дребезжа колёсами, старенькая тележка с привязанными к ней воздушными шариками.

— Шарик! — чуть не плача сказал детский голосок, в котором Ада с удивлением узнала свой собственный. — Улетел!

Обида захлестнула маленькую девочку, Ада чувствовала её горе внутри себя и не могла не откликнуться, позволив ребёнку заплакать. Она понимала его горе, хотя и не помнила, было ли всё это наяву.

— Ша-арик! — рыдала та, и не было беды сильнее этого детского разочарования. Шарик больше не вернётся, малышка остро чувствовала потерю.

— Ну и плачь! Уже третий за сегодня! Больше не куплю! — сказала мать и демонстративно отошла в сторону. Маленькая Ада, обиженная и рыдающая, пошла в другую, не теряя при этом мать из виду.

Солнечный свет настырно лез в глаза, не давая посмотреть ввысь. Куда они улетели, как посмели оставить хозяйку одну?!

— Держи, — услышала она низкий мужской голос и в первую минуту девочка испугалась. Ада внутренне пыталась её утешить, заверяя, что нет причин для паники. Это всего лишь грифон!

Хедрик присел на корточки и заглянул Аде в глаза. Синий хохолок, смеющийся взгляд под белоснежной шляпой курортника — это несомненно был он!

— Держи подарок, — мягко произнёс он и вложил в детскую ладошку резиновое солнце с тёмными

крыльями.

— Солнышко хочет улететь? — спросила девочка и улыбнулась, слёзы мгновенно высохли, а обида испарилась. — Оно стало птичкой!

— Это его секрет. Когда-то и ты полетишь отсюда далеко-далеко.

— На единороге?

— Почти. Ты хочешь научиться летать.

Девочка, заточённая внутри Ады, нахмурилась и капризно произнесла:

— Нет! Люди не летают! Я не маленькая!

— Конечно, нет. Тебе почти три, в этом возрасте каждый знает, что мир полон волшебства.

— Значит, я принцесса? — спросила девочка, и сердце Ады забилось сильно, словно рядом был Марк. Но набережная, полная чужих людей, продолжать галдеть на разные лады. Это были голоса из прошлой жизни, о которой взрослая Ада упорно старалась забыть.

— Да. Если сохранишь волшебный подарок, — ответил Хедрик и потрепал её по щеке. А потом встал и затерялся в празднующейся нарядной толпе.

Ада посмотрела на ладонь, где лежала резиновая игрушка и хотела её получше рассмотреть, но та намертво приклеилась к детской ручке, а потом и вовсе растаяла, как мороженное, оставив еле заметный след на коже.

— Вот ты где! — мама сердилась и запыхалась. — Пойдём, ты наказана. Подумай, как ты себя ведёшь!

И ещё пришлось высушать много умных, правильных, но непонятных девочке слов. Ада недоумевала: неужели мама не понимает, что дочь совсем по иным законам живёт, имя которым настроение, сказка и тележки, полные сладостей?

— А мне дядя подарок дал, — сказала девочка и посмотрела снизу вверх в лицо с нахмуренными бровями и узкой полоской губ.

— Какой ещё дядя?

Девочка замолчала, обиженная недоверием матери, и протянула ладошку с еле заметным следом от растаявшего солнца.

— Вечно ты всё выдумываешь, — скупно улыбнулась мать. — Я всё видела: ты стояла совершенно одна.

“Она не одна”, — подумала Ада, и свет в глазах померк.

Она очутилась посреди густого тумана, где пахло мокрой травой и свежестью.

— Зачем ты хочешь принять обет? — спросил голос Эммы откуда-то сверху.

— Чтобы стать женой Дракона, — машинально ответила Ада, будто читала по написанному. Слова были пустыми и холодными.

— Зачем?

— Я люблю Марка Ладона.

В груди вспыхнул маленький огонёк и тут же погас.

— Сколько раз ты любила?

— Много. Но не так.

Ада озиралась по сторонам, но везде натыкалась взглядом на плотный, как паутина туман. Он грозил взять за горло невидимой рукой и сдавить между пальцами шейные позвонки до хруста. Ада была уверена, что так оно и будет.

— Что для тебя Благочестие?

Девушка задумалась. Вопросы, явно, были заданы неспроста, отвечать с ходу, не подумав, будет верхом глупости.



— Это... способность довольствоваться своим любимым, — произнесла она, еле ворочая языком от заползшего в грудь холода. Туман побеждал, медленно, но верно захватывая её изнутри, проникая сквозь ноздри, уши и рот.

— Неужели? И ты не будешь мечтать о другом? Совсем?

Ада заколебалась. Как отстоять своё право на любовь? А холод тем временем разрастался, добравшись до кончиков пальцев рук и ног, грозя превратиться в ледышку. Девушка знала: если так случится, если огонь в груди погаснет окончательно, она не вернётся.

Ада чувствовала маленький фитилёк, трепыхающийся и слабый, но живой. “Может, и вправду, не надо было отмахиваться от помощи Келисии?” — подумалось вдруг, и сожаление рассыпалось мелкими каплями, повисшими в воздухе.

— Я буду любить его настолько долго, насколько хватит моей жизни, — ответила Ада, задыхаясь. Пятно на бедре запульсировало.

Ледяная рука тумана добралась до гортани, почти перекрыв доступ воздуха. В глазах потемнело, хотелось лечь и заснуть, не печалась ни о чём. Сдаться. Этого хотел туман и Эмма, задающая вопросы, не имеющие верного ответа.

Мысли стали рубленными, как нашинкованная капуста. Туман лип к коже, оставляя на ней влажные следы, и продолжал холодить. Ада открыла глаза и увидела себя со стороны, сидящую с опущенной головой на изумрудной траве. Девушка опиралась на руки и старалась не упасть, хотя её клонило в сон.

— Твоей жизни не хватит, — усмехнулся чужой голос. Он не принадлежал ректорессе или кому-то из знакомых. Голос звучал без вражды или злости, скорее равнодушно, и от этого сделалось жутко, будто сама Судьба объявила вердикт.

— Марк, где ты? — прошептала Ада онемевшими губами. Из рта шёл пар, руки с обозначившейся сетью вен стали похожи на ветки.

— Его нет. Это место магии, Драконы глухи к ней.

— Кто ты? — спросила девушка, вскинув голову. Аде хотелось, чтобы слова прозвучали смело и напористо, но она понимала: вид поверженной гарпии сейчас был способен вызвать сожаление, жалость, но не страх или уважение противника.

— Я амулет. Изготовлен Лилиан Вилтер для тебя, Ада.

— Помоги же!

— Я могу вернуть тебя обратно. В изначальный мир.

— Нет, я не хочу, — прохрипела Ада, безуспешно пытаясь встать на ноги. Туман придавливал к земле, словно был живым существом. — Ты должен мне помочь справиться с обетом.

— Зачем? Ты всем мешаешь. Пришлой не тягаться с Владеющей магией.

Ада вздохнула и сникла. Всё верно, у неё нет сил и умения, чтобы противостоять Лилиан, понимающей язык животных и плетущей сложнейшие амулеты.

“Амулет!” — усмехнулся голос Эммы, перед глазами мелькнула смешная солнечная рожица с тёмными, приделанными крыльями, как у вороны.

Ада вспомнила резиновую игрушку, утонувшую в ладони маленькой девочки, и выставила руку вперёд. Вырвавшаяся тонкая струйка света ослепила глаза, привыкшие к серому сумраку, девушку словно окатили ведром холодной воды. От ощущения собственной силы хотелось кричать. Свет становился всё ярче и ярче, пока Ада не почувствовала знакомое покалывание в кончиках пальцев рук и в груди.

Туман зашипел, как разогретая плита от капелек попавшей на конфорку воды, и рассеялся. Девушка стояла на зелёном июльском лугу, пьянящем запахом полевых трав, и подставляла лицо и раскинутые в стороны руки яркому солнцу. А вокруг в медленном танце кружили шаровые молнии.

— Ты принимаешь обет Благочестия? — спросила Эмма так, будто ничего не произошло.

— Да, — звонко ответила Ада и рассмеялась. — Я хочу стать частью Марка и принадлежать выбранному мной миру.

— Да будет так, — ответила Эмма. Девушка была уверена, что ректоресса прячет довольную

улыбку.

Свет погас, и Аду снова понесло потоком тёплого ветра, на этот раз вверх.

## Глава тридцать третья. Последние тайны

Ада не помнила, как первый раз пришла в себя. Она снова и снова проваливалась в бесчувственную темноту и ненадолго просыпалась, чтобы увидеть то полное тревоги лицо Марка, то Далиду, спящую в кресле у её постели.

Забутьё, похожее на горячку, отпустило на рассвете. Ада очнулась от того, что ей стало холодно. Постель Далиды была пуста и несмята.

Девушка встала и приоткрыла створку, чтобы вдохнуть свежего воздуха. За окном медленно падал снег, укутывая луг белым одеялом зимы.

— Пришла в себя? — послышался за спиной спокойный голос Соль. Ада вздрогнула и обернулась, с удивлением увидев наряд гранды Фрирр. Синее платье с запахом висело на ней балахоном, лицо женщины казалось усталым и немолодым.

Но Ада была слишком взволнована событиями последнего дня, который она помнила, чтобы интересоваться чем-то, кроме самого важного:

— Как прошёл ритуал? Успешно? А где Марк? — от вереницы вопросов закружилась голова, и комната завертелась. Чтобы не упасть, девушка опёрлась на спинку кресла и только сейчас поняла, насколько вымотана.

— Присядь, пожалуйста! Только обмороков мне не достаёт!

Соль помогла Аде опуститься в кресло и хотела отойти, но девушка вцепилась в её руку:

— И Далида снова исчезла, — прошептала она со слезами на глазах. Аде казалось, что череде препятствий и неприятностей уже не будет конца. Стоит взять один барьер, как на пути вырастают три таких же!

— Всё получилось, — мягко ответила Соль и освободилась от мёртвой хватки. — Марк и Далида просто дали тебе отдохнуть.

— Сколько я спала?

— Почти сутки. По мне, так совсем недолго.

Соль обеспокоенно посмотрела на Аду:

— Идти можешь?

— Куда?

— К Эмме, конечно, — почему-то вздохнула Жилка и из маленькой сумки достала костяной гребень. Ада сделала упреждающий жест, означающий: мол, не надо, но Соль его проигнорировала, пояснив назидательным тоном, как маленькой:

— Это придаст тебе сил, расслабься и не дёргайся!

Ада устала сопротивляться, бороться со всеми и каждым в отдельности, она растратила свои казавшиеся бесконечными силы, и те ушли, как вода сквозь пальцы. Хотелось просто закрыть глаза снова ничего не чувствовать, не видеть и не знать.

— Молодец!

Голос Жилки сделался похожим на тихое мурлыканье. Гребень проводил по волосам, с каждым движением возвращая капельку энергии и возрождая огонь в груди и на кончиках пальцев. Аде давно не было так хорошо.

— Я готова! — откликнулась девушка, когда апатия уступила место жгучему желанию жить и действовать, не медля ни секунды.

— Так пойдём!

Ада могла бы и сама найти дорогу в кабинет ректорессы, потому что успела её изучить, как и коридоры замка, но обижать Соль, только что приведшую её в чувство, не хотелось. Должна быть причина, почему Жилка сопровождала её в этом недолгом путешествии на третий этаж.

— Вы тоже Богиня? — спросила Ада, желая прервать неловкое молчание.

— Когда-то меня считали таковой, но ни в одном из миров нет бессмертных.

— Можно спросить, как вы познакомились с Эммой?

— Можно. Только я не очень хорошо помню. Это было слишком давно даже для нас.

Путь оборвался у кабинета Эммы, И Ада пожалела, что он был недолог. Ей столько хотелось спросить!

— Мне надо туда идти одной? — она нерешительно посмотрела на Соль, и та молча, без тени улыбки, кивнула.

— Я потом навещу Эмму, — сказала она печально, словно речь шла о траурном прощании с близким.

Ада из вежливости постучала и проскользнула в открывшийся проём, из которого тянуло свежим воздухом и холодом. Ректоресса стояла лицом к приоткрытому окну, не обращая внимания на стужу и залетавшие снежинки.

— Ада, я рада снова тебя видеть! — сказала она, не оборачиваясь. — Ты добилась своей цели. Прими мои поздравления и восхищения!

— Спасибо, конечно. Но, боюсь, это только начало борьбы. Я могу выйти замуж за Дракона?

— Теперь, да. Вам с Марком больше никто не помешает.

Эмма повернула голову и испытующе посмотрела на девушку, опустившуюся в кресло для посетителей. Ада выдержала её взгляд, ощутив накатившую с новой силой усталость.

— Вы ведь знаете, кто стоит у нас на пути, — промолвила Ада. У Тагира много связей, сил, власти, а что есть у них? Пусть семья Марка поддержит, но хватит ли этого для устранения помехи в виде могущественного родственника, почему-то решившего, что Ада — бессловесный приз, достающийся самому влиятельному.

— Не беспокойся, это будет моим подарком на вашу помолвку.

Эмма подошла и погладила Аду по голове, чтобы тут же, словно устыдившись своей слабости, сесть за стол.

— Я не выйду за Тагира или кого-то ещё, кроме Марка! — ответила Ада, вскинув подбородок. Готовая сражаться, она ощутила в себе скрытые резервы, в которых можно будет черпать силы, пока победа не станет окончательной. Или поражение. И даже тогда...

Ада не успела додумать, что же тогда случится и как она будет сопротивляться, как Эмма достала из ящика письменного стола две фарфоровые чашки с нарисованными на фаянсе нежными голубыми цветочками. У приёмной мамы таких был целый сервиз. Он хранился за стеклом серванта и был предназначен исключительно для улаждения взора гостей.

— Я обожаю подобные вещи, — ответила Эмма на вопросительный взгляд девушки и провела указательным пальцем по краю одной из чашек. — Мечтаю каждое утро пить из такой ванильный капучино с одним кубиком сахара.

— Я не знала, что здесь есть капучино, — машинально произнесла Ада, на миг забыв свои проблемы.

— Нет, к сожалению. Но всякая беда поправима, если знать, как её решить. А у меня есть ответы на многие твои вопросы.

Ада уже собиралась спросить, что конкретно ректоресса имеет в виду. Тайны наскучили, пришло время разгонять туман, окутавший карту её жизни.

— Нет, не думай, что я прямо сейчас тебе всё расскажу! Это так скучно: посвящать других в собственные секреты!

— Но что насчёт Лилиан?

— Я думаю, стоит дать ей шанс на замужество. Маги Северного королевства сами разберутся, нужна ли им такая женщина.

Эмма хищно улыбнулась, показав ряд заострённых зубов, и добавила:

— Считай, Тагир тебе больше не помеха! Удачи, зеркальная! И долгих вам с Драконом счастливых лет!

В своё неожиданное счастье Аде верилось с трудом. Все проблемы, как и обещала Эмма, развеялись, словно туман под лучами яркого утреннего солнца, оставив только память и записи в дневнике. Ада до сих пор его вела, иногда перечитывая, чтобы вспомнить свои страхи и посмеяться над несбывшимися опасениями.

Теперь, когда Ада находилась в шаге от помолки с любимым, это было совсем нетрудно. Тагир, как и обещала в их последнюю встречу Эмма, больше не мог помешать счастью Ады. Буквально за считанные дни его тихо сняли с должности и отправили в почётную ссылку на юг, в составе дипломатической миссии в королевство Эльсид, где всем заправляли “лесные люди”, как их называли Истинные.

Уехал бывший четвёртый Драк тихо, попрощавшись только с братом — отцом Марка. Утрата дочери подкосила Тагира. Ада и не думала, что Селена так важна для него. Как и любой Драк, он плохо переносил разрыв семейных уз.

Ада была рада за подругу: та ведь так хотела вернуться обратно. Прощальное письмо ундины девушка вложила в свой дневник, как ещё одну ниточку памяти, навсегда связавшую её с Кломхольмом и Дольним миром.

Они с Далидой и Рестрикой не раз перечитывали последний привет Селены, сидя рядышком на одной кровати. И все трое плакали, но это была светлая грусть.

“Мои дорогие и любимые подруги! Ада, Далида и Рестрика!

Вы все такие разные, но я полюбила каждую из вас. Ведь именно благодаря дружбе я смогла не только выжить здесь, но и получить важные уроки даже вне стен учебных классов.

Как вы наверно уже поняли, я больше не вернусь в Кломхольм. Мне предстоит дорога домой, туда, откуда родом все ундины. Я пишу эти строки и роняю слёзы, так что простите, но вполне вероятно, часть слов будет размыта.

И всё-таки, это большая радость. В моём мире я буду каждую ночь выплывать из глубин Океана и смотреть на небосвод, усыпанный звёздными точками. У нас принято считать, что каждая из них — другой мир. Возможно, так и есть. Теперь-то я это точно знаю!

Я буду смотреть и посылать вам часть своей водной души, свой привет, который непременно найдёт адресатов и сделает вашу жизнь ещё лучше!

P.S. Не надо сердиться на Эмму за то, что она выполнила моё желание.

Люблю вас и крепко обнимаю.

Прощайте!

Ваша бесхвостая певунья, Селена”.

— Думаю, она найдёт своё счастье, — улыбнулась Далида, вытирая слёзы. Теперь она часто плакала, даже если повод был ничтожным. Беременность шла на пользу бывшей суккуб, сделав её менее резкой в суждениях и движениях. Не говоря уже о застенчивой улыбке, часто украшавшей её некогда хмурое лицо.

Ада жалела о скором переезде соседки и подруги, но старалась этого не показывать, зная, что он неизбежен. Далида тайком от Ады упаковывала вещи, когда думала, что та занята своими делами. Подругу не страшило туманное будущее, и Ада завидовала её силе духа.

Даже Саймон, казалось, смирился с неволей и сдружился с хозяйкой.

— А его можно будет держать в твоём доме? — спросила Ада, решив не откладывать разговор о переезде Далиды.

— Да, мне теперь многое позволено. И потом, кого же я отправлю за помощью, если беда нагрянет?!

Далида весело расхохоталась и обняла Аду.

— Обещай, что не забудешь меня, — продолжила подруга и вмиг посерьёзна.

— И ты, — ответила Ада. — Я обязательно навещу тебя в новом доме. Должна же я проверить, хорошо ли тебя устроили.

— Ты знаешь плату, — сказал Витор, как только услышал, зачем приехала Ада на этот раз.

Девушка кивнула:

— Только поскорее. Марк не знает, что я здесь.

— Ох уж это лицемерие Истинных! — всплеснул руками дубовик и рассмеялся. Таким Витор больше походил на весёлого хозяина пивнушки, а не торговца секретами, один из которых так хотелось узнать Аде.

Эту поездку она задумала уже давно. Виной тому был не только памятный случай с Марком, когда он без стука ворвался в заднюю дверь и лишил Аду последнего барьера, но и часто повторяющиеся сны. В них девушка ощущала себя совсем иначе, чем наяву. Она превращалась в фигуристую брюнетку и занималась сексом с мускулистым немолодым мужчиной, от которого несло волком.

Оборотень был грубым и нарочито небрежным по отношению к ней, но Ада каждый раз, отдаваясь ему, испытывала затаённую радость.

Сны тревожили и пугали, но делиться ими было ещё страшней. Она боялась ревности Марка и его обвинений, водной Дракон был нетерпим к подобным вещам. Марк будет считать даже сновидения изменой. А ведь помолвка уже через три недели!

Хотелось разобраться и в себе: почему эти сны преследовали Аду каждую ночь в течение последней декады?

— А можно просто ответить на вопрос, не прибегая к мороку?

— Наверное, — пожал плечами Витор, потягивая из бокала только что сцеженную в чашу кровь Ады. — А впрочем, я не задумываюсь над подобными пустяками. Да и болтать не люблю, а так — всё сама увидишь!

Терпкий запах крови заполнил комнату, в которой принимал зеркальную хозяйин лавки. У Ады кружилась голова и к горлу подкатывала тошнота, поэтому предложенный коктейль в высоком бокале, девушка безропотно выпила залпом.

От сладости с нотой горчинки сделалось совсем дурно. Ада испугалась, что её сейчас вывернет наизнанку и, закрыв глаза, сделала несколько размеренных вдохов и выдохов.

— Привет тебе, — сказал голос, принадлежащий, должно быть, молодой женщине.

Ада вздрогнула и открыла глаза. Напротив сидела на застеленной тёмным покрывалом кровати та самая брюнетка из её снов.

— Привет! — осторожно ответила Ада, предоставив право вести разговор незнакомке.

— Что ты хотела от меня?

— А кто ты?

— Я остаточная память. Фантом, призрак, если хочешь.

— Почему я вижу тебя во сне? Почему я становлюсь тобой?

Факелы, освещающие комнату, стали чадить, их пламя затрепетало, словно от дуновения ветра.

— Ты никем не становишься. Я же сказала, что это память. Каждая истинная пара проходит через меня. Ты скоро станешь невестой, и тогда я уйду.

Незнакомка склонила голову набок и продолжила разглядывать лицо Ады.

— Ты Леонтина, первая девушка из истинной пары?

Догадка пришла внезапно и слетела с губ раньше, чем Ада успела её обдумать.

— Я её память, — ответила брюнетка, и мир вокруг Ады стал расплывчатым и неясным, как полотно импрессионистов.

Девушка обнаружила себя свернувшейся калачиком на маленьком диванчике в той же комнате, где она и заснула, обессиленная кровопусканием.

Рядом в кресле сидел, улыбаясь, Хедрик. Сегодня грифон выглядел чуть менее безупречно, чем обычно: клетчатый пиджак был небрежно брошен на соседнее кресло, на голубой рубашке с закатанными по локоть рукавами кое-где бросались в глаза заломы. Ада подумала, что Хедрик чем-

то озабочен, чем-то гораздо более важным, чем внешний лоск.

— Что случилось? — машинально спросила Ада в ответ на свои мысли.

— Ты упала в обморок от потери крови. Витору надо руки оторвать за то, что до сих пор не откажется от своих привычек!

— Я хотела знать правду о своих снах.

— Когда раскрывается один секрет, его место тут же занимает другой. В погоне за всеми тайнами Вселенной с её многочисленными мирами, не хватит всей крови жителей Илиодора.

— Почему ты постоянно помогаешь мне?

— Я? Разве? По-моему, я просто нашёл благодарного слушателя, — ответил Хедрик, склонив голову набок и снова сделавшись похожим на большую хитрую птицу.

— Ты ведь всегда меня опекал, даже в детстве? — Ада села и внимательно посмотрела на грифона. Ей показалось, что в глазах собеседника промелькнуло удивление, смешанное с восхищением.

— А может, ты и не зря потратила кровь, — усмехнулся тот и кивнул.

— Так ты и есть мой отец? А как же мама?

— Которая из них?

— Настоящая.

У Ады заколотилось сердце: если её догадки верны, значит, сейчас она многое узнает о своём прошлом.

— Она умерла при родах. Фотокарточек её у меня нет.

— Почему? Она была тебе безразлична? — Ада упала духом. Значит, они с мамой для него ничего не значили? А она настроила себе замков на песках!

— Не сердись, Ада! Мне очень нравилась Елена, может, даже больше, чем нравилась, но я не мог остаться с вами, даже если бы она выжила. Разные миры, взгляды и ценности. Ты и сама теперь это понимаешь, верно? Смогла бы ты снова поселиться в мире, не пропитанном магией?

— Здесь тоже полно интриг и несправедливостей.

— Безусловно, как и везде. Идеала не будет, да и, как по мне, тот мир совсем неинтересный.

— Это ты дал мне зеркальное имя? Зная, что благодаря ему я буду пользоваться успехом в Дольнем мире.

— Давай оставим опасные разговоры. У любых стен достаточно языков и ртов, а уж в лавке торговца секретами и подавно.

Хедрик поднялся и галантно подал руку Аде, помогая ей встать.

— Ты будешь навещать меня в новом доме?

— Логове Драконов? Я недолюбиваю Истинных, хоть и служу им, но ради тебя сделаю исключение.

Хедрик приобнял Аду за плечи и легонько коснулся губами её лба, чтобы тут же исчезнуть, будто его никогда и не было. Но теперь девушка знала, что он обязательно вернётся, и так будет продолжаться всё время, отпущенное им обоим в этом мире.

## Эпилог

Помолвка прошла пышно и торжественно. За один вечер Ада устала больше, чем за последний насыщенный событиями месяц.

Череда новых знакомств, танец наречённых, во время которого Ада едва успела обмолвиться с Марком парой фраз, и пожелания молодым за столом, которым не было числа, так вымотали девушку, что она хотела только одного: чтобы всё закончилось, и они с любимым получили бы право снова быть вместе. Теперь уже навсегда.

— Если такова помолвка, то насколько пышной будет свадьба? — спросила Ада у Марка, когда они вдвоём смотрели с балкона салют, раскрасивший вечернее небо. Выпавший утром снег слуги окрасили в их честь розовым и фиолетовыми цветами.

— К сожалению, очень даже богатой. Драконы любят пускать пыль в глаза, а уж на свадьбу зеркальной девы весной съедутся все родственники и знакомые. Чтобы лишний раз на тебя поглазеть и заручиться поддержкой, на всякий случай, — ответил суженый, приобнимая Аду сзади за талию. В его объятиях девушке было легко и спокойно. — Ты не замёрзла?

— Нет, твой подарок меня греет не хуже объятий. — Ада провела рукой по серебристому меху манто, сделанному из шкур редких в Илиодоре омалов — помеси норок и соболей. — Знаешь, это прозвучит грубо, но я рада, что твой дядя не приехал.

Ада почувствовала, как Марк напрягся:

— Тагир прислал официальное поздравление. Для всех нас этого достаточно.

— Прости, что вспомнила о нём.

— Ничего, нам надо спускаться, ещё не все подросли с поздравлениями и пожеланиями скорейшего преумножения рода, — иронически ухмыльнулся её жених и потянул за собой, крепко держа за руку.

Ада хотела задержать Марка, чтобы сказать ему о своём решении, но, видя, как тот волнуется, решила отложить разговор до вечера.

Стоило спуститься в общий зал, украшенный разноцветными шарами-светильниками, парящими под потолком, как Ада столкнулась с Келисией.

Та высокомерно улыбнулась и принялась поздравлять молодых, а покончив с дежурными фразами, отвела девушку в сторону:

— И как жених воспринял твою прихоть? — спросила она и с насмешкой посмотрела в сторону Марка.

— Нормально. Как и подобает любящему человеку.

— Ну, это хорошо. А то я получается только села в кресло ректора, как уже собралась перечить Истинным. Нехорошо выйдет.

Келисия покашлялась, прикрыв затянутой в красную перчатку, рукой рот, чтобы скрыть волнение, и продолжила:

— Кстати, ты не знаешь, куда сбежала Эмма? Тайная полиция уже с ног сбилась в желании вернуть артефакты.

Ада улыбнулась: бывшая ректоресса добила своего — отомстила любовнику, вернув его дочь в обход законов в изначальный мир, да ещё тем же вечером исчезла, прихватив с собой ценные экземпляры из коллекции артефактов. Поговаривали, что один из них способен продлевать молодость.

Все гадали, зачем он понадобился той, которая и так почти не старела?

— Не знаю, — ответила Ада после паузы и поспешила раскланяться с Келисией.

Пару дней назад девушка получила красочную открытку без обратного адреса и каких бы то ни было надписей. На ней был изображён рассвет на пляже Мексики. Ада догадывалась, кто её отправил, но делиться своими догадками с Келисией не собиралась. Даже Марку она ничего не сказала, сохранив тайну Эммы.

Однако сейчас Ада хотела его видеть. Потребность поговорить о своём решении стала настойчивой



необходимостью.

К счастью, праздник близился к завершению. Гости постепенно покидали поместье семьи Марка, а гомункулы, не ведающие усталости, начали убирать со столов.

— Не хочешь прогуляться? — спросил подошедший сзади Марк и поцеловал Аду в щёку так нежно и трепетно, что девушка невольно откликнулась на эту щемящую душу сдержанную ласку. Она тоже соскучилась по его прикосновениям, выдержав положенное время воздержания.

— Давай слетаем на озеро? — предложила Ада, смотря снизу вверх на Марка невинным взглядом. — На то самое.

— Сейчас же зима!

— И что? Ты ведь можешь подогреть воду и ненадолго вернуть лето стылой земле? Ты же Дракон!

— И там ты скажешь мне, почему отказываешься переехать в наш дом до свадьбы?

— Там я скажу тебе всё, — улыбнулась девушка и погладила Марка по щеке.

Полёт возвратил ей ощущение свободы, которая позволяла парить в небе, слушая напевы ветра и ощущать себя птицей, не связанной с проблемами существ внизу. Марк, словно чувствуя, что ей сейчас необходимо, позволял девушке опережать его на сотню метров.

Внизу показалась тёмная гладь озера, ущербная Луна проливала достаточно света на берег и тёмную дубовую рощу. У Ады защемило сердце от нахлынувшей нежности. Гарпия спускалась всё ниже, но делала это плавно, сужая круги. Почему-то стало страшно. Вдруг Марк не одобрит её выбора?

“Одобрит, если не захочет потерять твою любовь”, — хмыкнул внутренний голос, и Ада ему поверила. В то, что выгодно тебе, верить легко.

Лёгкий ветер приносил запахи прелой листвы и желудей. Ада начала мёрзнуть. Зимы Илиодора не такие суровые, как у неё дома, но совсем не напоминают лето. Стоять босыми ногами на снегу было неприятно.

Марк снижался, Ада угадала его намерение и отошла вглубь леса, чтобы не мешать огню возвращать этому краю глоток летнего тепла.

Дыхнуло жаром, снег вмиг растаял, превратившись в тёплые лужицы, земля немного согрелась.

Ада поспешила выйти из укрытия, чтобы не терять отпущенного лету времени даром.

Всё было как тогда, всё повторилось вновь. Официально они и познали друг друга впервые, Ада чувствовала нетерпение и желание Марка и разделяла их. Мысли растаяли как снег, уступив место одной: доставить любимому радость и отдать всю себя, без остатка.

Насладившись друг другом и принеся все клятвы, которые Луна слушала много миллиардов раз, настало время купания в ещё тёплой воде озера. Там Ада и начала свой разговор:

— Я хочу остаться в Кломхольме до свадьбы.

— Зачем? Далида уже переехала. Что тебя там держит? — спросил Марк, стараясь скрыть раздражение в голосе, но оно прорвалось наружу.

Ада выдохнула:

— Я хочу продолжать учёбу.

— Но какой в этом смысл?

Марк осёкся. Он понял.

— Прости, что не сказала раньше. Я буду слушателем, Келисия разрешила. Конечно, диплома мне не видать, да и дело не в нём. Но ты ведь понимал, что не запрёшь меня в замке?

Дракон молча нырнул и какое-то время оставался под водой. Ада уже начала волноваться, что он будет против.

Марк вынырнул сзади девушки и привлёк её к себе, прошептав на ухо:

— С одним условием.

— Каким? — спросила Ада, задержав дыхание.

— Мы пройдем обряд благословения сразу после Свадьбы.

Девушка понимала, что это значит. Марк хочет, чтобы она забеременела, а там, может, и составит мысли о продолжении учёбы.

— Ты думаешь, что это меня остановит?

— Нет, но я не хочу ждать и просто так с кем-то тебя делить. Даже если это будет Келисия.

— До родов я продолжу учёбу и вернусь туда через некоторое время.

— Хорошо, — усмехнулся Марк.

— И я не буду только и делать, что ходить беременной. Сразу предупреждаю!

Ада стояла по пояс в воде, в объятиях Марка и, положив голову ему на грудь, слушала ровное биение его сердца.

— Хорошо, на троих я согласен остановиться.

— Отлично, мне повезло! — Ада посмотрела в лицо Марка и увидела смеющиеся глаза. Ей стало так хорошо и спокойно, что захотелось большего: взрыва эмоций и глубоких ласк, доводящих до исступления.

Она принялась целовать Марка, опускаясь всё ниже. Он откликнулся и принял игру, позволив Аде взять ведущую роль.

Всё снова продолжилось, было впервые и вновь, казалось знакомым, словно они сливались в единое целое на протяжении многих веков. А наверху от легкой зависти таяла одинокая Луна, щедро изливая свет на ещё одну истинную пару Дольнего мира.

***Первая книга по Дольнему миру закончена.***

***Спасибо за все лайки, репосты и награды, которые мне помогли понять, что вам она интересна!***

***В самом скором времени начнётся выкладка второй книги по этому миру. Это будет история о первой истинной паре, Леонтине и Рэве. 18+. Нас ждут страсть, девственность и властный (в хорошем смысле этого слова) герой.***